КЛАССИКА ДЕТЕКТИВА

БК

Джон Диксон Карр

КЛЕТКА ДЛЯ ПРОСТАКА

«АЗБУКА»

Расследование ведет Гидеон Фелл

Клетка для простака
Джон Диксон Карр

Аннотация
Джон Диксон Карр. Клетка для простака
Глава первая. Любовь
Глава вторая. Ненависть
Глава третья. Снисходительность
Глава четвертая. Хитрость
Глава пятая. Убийство
Глава шестая. Недоверие
Глава седьмая. Сомнение
Глава восьмая. Страх
Глава девятая. Решимость
Глава десятая. Ошибка
Глава одиннадцатая. Замешательство
Глава двенадцатая. Злоба
Глава тринадцатая. Ирония
Глава четырнадцатая. Эксперимент
Глава пятнадцатая. Юмор
Глава шестнадцатая. Гордость
Глава семнадцатая. Жалость
Глава восемнадцатая. Наитие
Глава девятнадцатая. Разоблачение
Глава двадцатая. Объяснение чуда

Постскриптум

Аннотация

Золотой век детектива подарил нам множество звездных имен. Произведения таких писателей, как Агата Кристи, Гилберт Честертон, Эрл Стэнли Гарднер, Рекс Стаут, развивали и совершенствовали детективный жанр, их романы, безоговорочно признанные классикой, по сей день любимы читателями и являются эталоном качества для последующих поколений авторов детективных историй. Почетное место в этой плеяде по праву принадлежит Джону Диксону Карру (1906–1977) – виртуозному мастеру идеально построенных «невозможных преступлений в запертой комнате».

Роман «Клетка для простака» продолжает серию книг о сыщике-любителе докторе Гидеоне Фелле. Внешность героя, предположительно, была списана с другого корифея детективного жанра – Гилберта Честертона, а его заслуги в истории детективного жанра, по мнению большинства почитателей творчества Карра, поистине вызывают уважение. Так, писатель Кингсли Эмис в своем

эссе «Мои любимые сыщики» назвал доктора Фелла «одним из трех великих преемников Шерлока Холмса».

Джон Диксон Карр
Клетка для простака

КЛАССИКА
ДЕТЕКТИВА

Серия «*Классика детектива. Большие книги*»

John Dickson Carr

THE PROBLEM OF THE WIRE CAGE
Copyright © The Estate of Clarice M. Carr, 1939
Published by arrangement with David Higham Associates Limited and The Van Lear Agency LLC
All rights reserved

Перевод с английского *Николая Тихонова*

© Н. Тихонов, перевод, 2025
© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство АЗБУКА», 2025 Издательство Азбука®

Глава первая
Любовь

Она сидела на диване в дальнем конце темной гостиной. Рядом с ней на столе стоял чайный сервиз с уже остывшим чаем и почти нетронутым печеньем. Хью Роуленд навсегда запомнил, как она выглядела в это мгновение: густые светлые волосы, чуть прикрывающие мочки ушей, голубые глаза, живые и игривые, прекрасные линии стройного тела, — она, хоть и была небольшого роста, все же не казалась толстушкой. В белой блузке без рукавов, теннисных шортах и теннисных туфлях, она сидела на обитом ситцем диване, поджав под себя голые ноги. Хью Роуленд постоянно чувствовал на себе ее пристальный, предостерегающий взгляд.

Возможно, оттого, что день стоял знойный, чувства тоже постепенно накалялись. Высокие окна были открыты в заросший сад. В гостиной царил полумрак, но за стенами дома сияло солнце. Сам предвечерний свет, казалось, дышал жаром; яркий и вместе с тем слегка приглушенный, он словно просачивался сквозь стекло. В раскален-

ном сверкающем мареве не чувствовалось ни малейшего движения воздуха, листья деревьев застыли в полной неподвижности. Трава отливала неправдоподобно яркой зеленью; внезапно пролетевший воробей нарушил незыблемый покой омертвелого сада. Внизу, где терраса спускалась к деревьям, окружавшим теннисный корт, каждый лист ярко сверкал на фоне темнеющего неба.

Хью Роуленд отвернулся от окна.

— Послушай… — резко начал он.

Девушка знала, что он сейчас скажет. После продолжительного молчания, которое наступило, когда были исчерпаны все дежурные темы, ему просто не оставалось ничего другого.

— Приближается гроза, — поспешно заговорила Бренда Уайт. Она быстрым движением опустила ноги на пол и села подчеркнуто прямо. Кровь прилила к ее лицу, и румянец ярко светился под нежной кожей. — Еще чаю?

— Нет, благодарю.

— Боюсь, что этот остыл. Хочешь, я позвоню, чтобы принесли свежего.

— Нет, спасибо. Почему ты улыбаешься?

— Я не улыбаюсь. Просто у тебя такой вид. Профессиональный молодой адвокат, собирающийся

с силами.

«Да, — с горечью подумал он, — молодой адвокат с жалованьем восемьсот фунтов в год. Молодой адвокат, живущий подачками отца. Молодой адвокат, чей единственный выходной — суббота, которая сегодня проходит так бездарно».

— Несмотря на мой профессиональный вид, — сказал он, — сейчас я должен переговорить с тобой по личному вопросу.

Он подошел и остановился перед ней. Стараясь не смотреть на него, девушка заговорила четко и отрывисто.

— Ты не знаешь, почему остальные задерживаются? — спросила она, взглянув на часы. — Я велела Фрэнку прийти в пять часов, а сейчас уже двадцать минут шестого. Он должен был захватить Китти и двигаться прямо сюда. Слышишь? Кажется, это гром. Если мы не поспешим, то у нас не хватит времени даже на гейм, не говоря уже про сет.

Хью не сводил с нее глаз:

— Ты о Фрэнке Доррансе?

— В том-то и беда с теннисом, — пожаловалась Бренда, встряхнув часы у самого уха. — Всякий раз, когда у тебя выдается свободная минутка для игры, другой никак не может, или наоборот.

Понимаешь? И тебе ни за что не поиграть. Вот здорово было бы, если бы Ник изобрел теннисный робот, как он обещал, — механизм или куклу, все равно, лишь бы отбивал удары, — тогда можно играть одной.

— Не знаю, так ли уж это здорово.

— Конечно здорово. Обычные «возвратки» не так уж и хороши, правда? Я имею в виду те, у которых мяч прикреплен к резиновому шнуру. Ты ударяешь и…

— Я просто упрямая свинья, — мрачно сказал Хью и сел рядом с ней на диван.

Пружины заскрипели. Несмотря на душную, чреватую грозой погоду, он был в твидовом пиджаке, с шелковым шарфом вокруг шеи. Прикидываясь совершенно безразличной, Бренда слегка отодвинулась, но ее рука по-прежнему касалась рукава его пиджака. Даже этот эфемерный контакт приводил Хью в смятение и мешал высказать то, что он собирался.

Однако, хотя ситуация, начинавшая приобретать сугубо личный характер, и могла затуманить его сознание, он все же сохранил способность к аналитическому мышлению. Бренда вовсе не кокетничала. Кокетство было чуждо ее природе — она, скорее, презирала кокеток. Она, конечно,

знала, что Хью ее любит. Каждый ее жест, каждый взгляд, каждое, казалось бы, ничего не значащее слово подтверждали это. Но сколь бы неинтересным, отталкивающим или даже комичным ни находила она данное обстоятельство, это еще не причина такого ее отношения ко всему, что касается Фрэнка Дорранса, и Хью всеми способами пытался понять, что за этим кроется.

— Я всего лишь хочу задать тебе один вопрос, — сказал он. — Невесте на него нетрудно ответить. Ты намерена пойти до конца и выйти замуж за Фрэнка Дорранса?

— Разумеется.

— Так ты в него влюблена?

— Что за вопрос!

— Ладно, пойдем дальше. Он тебе нравится?

Вместо ответа, Бренда лишь слегка повела плечом. Сложив руки на коленях, она смотрела мимо него на солнечное сияние за окнами.

— Начнем с того, — упрямо продолжал он, — что моим признанием я никого не предаю. Фрэнк знает, что я терпеть его не могу, и этот факт доставляет ему явное удовольствие. Я его предупредил, что намерен признаться тебе…

— Хью!

— Значит, все решено. А теперь взвесим все за

и против этого замечательного брака. Полагаю, следует признать, что Фрэнк привлекательный молодой человек…

— Ужасно привлекательный, — согласилась Бренда.

Она лгала. Распознавать ложь входило в его профессиональные обязанности, поэтому Хью сразу понял, что ничего подобного она не чувствует. В ее голосе прозвучала едва уловимая нотка, которая тут же пропала, — но Хью ее услышал.

Хью Роуленд почувствовал такое облегчение, что едва не задохнулся. Ведь именно это его и тревожило. До сих пор он не был полностью уверен в Бренде. Пожалуй, девять девушек из десяти сочли бы Дорранса неотразимым. Фактически Фрэнк и сам подчеркивал это с мальчишеским высокомерием и нахальством, которые большинству кажутся столь привлекательными. Что бы Фрэнк ни говорил, он всегда улыбался, и потому любые выражения сходили ему с рук. Фрэнк — двадцатидвухлетний баловень судьбы, никогда не попадавший в глупое положение.

Бренда… сколько же ей? Двадцать семь? Хью Роуленд полагал, что так, хотя никогда особо не задумывался: во всяком случае, года на два, на три меньше, чем ему самому. Двадцать семь.

Очаровательная девушка, которую двадцатидвухлетний Фрэнк Дорранс всячески старается поставить на место.

Именно это последнее обстоятельство и побудило Хью перейти в наступление.

— Значит, ты выходишь за него замуж по той же причине, по которой он женится на тебе, — из-за денег Нокса.

— Возможно, и так.

— А возможно, и нет?

Ее ответ последовал с такой поразительной быстротой, что он в недоумении подумал, не заготовила ли Бренда его заранее.

— Почему ты так говоришь?

— Потому что я не верю тебе.

Бренда опять заговорила, но как-то нерешительно:

— Ах, пожалуйста. Не иначе как погода привела нас обоих в такое настроение. Но *ты* не должен делать из меня идеал, прежде всего *ты.*

— Идеал здесь ни при чем, совсем ни при чем. Боже мой, конечно же нет! Ладно, забудем об этом и посмотрим на вещи с практической точки зрения. Почему я должен осуждать тебя, если ты выходишь замуж за деньги? Вполне разумная причина для замужества — но лишь при том

условии, что женщине хотя бы нравится ее будущий муж.

— Конечно. — Она слегка повернула голову и поспешно добавила: — Ты этому веришь?

— Да. — И все же он решил высказаться начистоту: — Нет, будь я проклят, если верю. Как ни странно, я разделяю старомодное убеждение, что для замужества необходима хоть малая толика великой страсти. Ладно, бог с ней, со страстью, она не всегда подчиняется разуму, я готов признать, что деньги — более чем достаточная причина для замужества, но при условии, что будущий муж по крайней мере нравится тебе и вы сумеете поладить. Но в том-то и дело — мне начинает казаться, что Фрэнк тебе абсолютно безразличен. Ты его вовсе не любишь.

— Неправда. Но продолжай.

— Так вот, условия тебе известны. Если ты примешь деньги по завещанию Нокса, то исключен не только развод, но даже раздельное проживание. Разве можешь ты, такая практичная, рассчитывать на счастливую семейную жизнь?

— Навряд ли, — спокойно призналась Бренда. — Но я никогда и не надеялась на счастливый брак, если такие вообще существуют.

Она посмотрела на него через плечо. В ее голосе

не было ни капли цинизма. Она всего-навсего констатировала то, что, по ее убеждению, являло собой непреложную истину.

— Наверное, жара виновата, — сказал Хью после некоторой паузы, во время которой она не дрогнув выдерживала его взгляд. — Все это вздор, слышишь? *Вздор!* Что на тебя нашло?

— Возможно, в девяти случаях из десяти это действительно вздор. Но не в моем. К тому же, если я не выйду за Фрэнка, все очень усложнится. Ник страшно расстроится. Даже Фрэнк расстроится.

— И все же я не понимаю, — сказал Хью после еще одной паузы. — Ты ведь не выходишь замуж лишь затем, чтобы не испортить настроение честной компании?

— Мне и самой хотелось бы это знать.

Бренда повернулась и посмотрела в лицо Хью. Казалось, она мучительно старается что-то объяснить не только ему, но и себе самой. Ее голова была на уровне его плеча, взгляд устремлен куда-то вдаль, но никогда прежде не ощущал он ее близость столь остро.

— Да, хотелось бы мне знать, сколько людей женились и выходили замуж, чтобы не испортить настроение честной компании. Впрочем, не важно. Хью, тебе следует кое-что знать. Я понимаю:

ты считаешь меня взбалмошной дурой. И если бы ты был похож на Ника, — она обвела взглядом гостиную доктора Николаса Янга, которого в данный момент здесь не было, — то принялся бы рассуждать о комплексах, депрессии, неврозах и посоветовал бы мне обратиться к психоаналитику. Странно, но сейчас я ощущаю в себе нечто подобное. Не могу от этого избавиться, не могу. Тебе обо мне что-нибудь известно?

— Нет.

Бренда кивнула.

— Спасибо, — выпалила она, словно бросаясь в воду. — Спасибо за то, что ты не произносишь слов типа: «Известно все, что мне надо знать» — или других, столь же приятных и бессмысленных. Терпеть не могу эти фальшивые любезности. Во всяком случае, когда они неуместны. Я их вдоволь наслушалась.

— Ты понимаешь, что говоришь как желчная восьмидесятипятилетняя старуха?

— Ах нет, я имею в виду вовсе не собственный опыт. Не бойся! Ко мне это не относится. Я имею в виду, что видела фальшь практически во всех, с кем встречалась начиная с шестилетнего возраста. Так ты ничего про меня не знаешь?

Лицо ее так напряглось, что Хью ощутил нелов-

кость.

— Ну, я знаю, что твои родители умерли, что ты живешь здесь, в доме Ника, ожидая, пока зазвонят свадебные колокола.

— Мой отец застрелился в одном нью-йоркском отеле, — сказала Бренда, — а мать умерла в пансионе в Борнмуте, перебиваясь на тридцать шиллингов в неделю. Нет-нет, подожди, теперь это уже не важно. Я вовсе не хочу, чтобы ты думал, будто я делаю из всего этого трагедию. Я хотела рассказать о их жизни. Все их друзья были похожи на них. Ну, знаешь — Красавец Джек и Прелестница Салли.

— Продолжай.

— Красавец Джек и Прелестница Салли, — повторила Бренда. — Меня таскали по всему миру, когда мне еще не было и семи. Мои самые ранние воспоминания — оглушительный гам и ослепительное сияние континентальных отелей и липкие от косметики лица, которые мелькают вокруг. Меня либо баловали напропалую, либо вовсе не замечали. Я слишком многое слышала, слишком много размышляла, слишком много видела. Страшнее всего было лежать без сна в темной комнате, когда все думали, будто я сплю, и слышать, как отец оправдывается в соседней

спальне, а мать кричит на него, как рыночная торговка.

Красавец Джек и Прелестница Салли. Десятки и десятки подобных им — и все похожи на нас. Люди с мизерными доходами и безграничными запросами; и все думают, что хоть они и бедны как церковные мыши, но имеют право на все лучшее. Либо проводить сезон в самых фешенебельных местах, либо умереть. Они развлекаются, залезая в долги и придумывая бесконечные оправдания, но, по сути своей, они *лживы*, ничтожны, лицемерны и, оставаясь наедине с себе подобными, изливают друг на друга накопившуюся желчь. И все потому, что снаружи они «очаровательны». О, как я ненавижу это слово! А мужчины, которые ухаживают за матерью… я вдруг узнаю, что «дядя Джо» пришел лишь затем, чтобы подарить мне игрушечного медвежонка, но не перестаю гадать, о чем они разговаривают в соседней комнате, пытаюсь хоть что-то понять, но только запутываюсь и пугаюсь, сама не зная почему.

Бренда ненадолго замолкла.

Она выпрямилась на диване, обхватила колени руками и тряхнула головой, словно останавливая себя. Когда она снова заговорила, голос ее звучал, как обычно, холодно и бесстрастно:

— Прости, что я говорю обо всем этом. Ты прав, виной всему жара. И если меня оставили наедине с человеком, с которым так легко разговаривать, то ничего не поделаешь. — Она улыбнулась.

— Бренда, послушай…

— Пожалуйста, не надо.

— Тебе необходимо выговориться, необходимо освободиться от этого груза. Сбрось его.

— Да, — сказала Бренда и снова улыбнулась. — Я всегда строила из себя своего парня, разве не так? Делала вид, будто на уме у меня один теннис. Фрэнк очень бы удивился. Но право, больше рассказывать не о чем. — Она помедлила, слегка сжав губы. — Но одна вещь настолько запала мне в душу, что я долгие годы не могла забыть о ней. Это продолжалось до тех пор, пока я не повзрослела и не поняла. Я называла это «сном про темную комнату», только то был не сон, — во всяком случае, я никогда не была уверена, что это сон. Я находилась в том неопределенном состоянии, когда не знаешь, спишь ты или бодрствуешь. Я лежала в своей комнате, дверь в соседнюю освещенную спальню была открыта, и до меня вдруг начинал доноситься разговор родителей. Я просыпалась от их голосов. Из ночи в ночь я слышала эти тонкие, призрачные голоса. Всякий

раз я знала, что услышу что-то новое и очень страшное для ребенка, но всегда об одном и том же. «Что с нами будет? Что с нами будет?» Всегда про деньги, деньги, деньги, деньги — и в конце концов я возненавидела само слово «деньги».

Она вновь овладела собой.

— Как правило, дети слышат достаточно. Я же слышала слишком много. Даже сейчас иногда… Ну да ладно, оставим это. Какова же мораль моей истории, Хью? Ты говоришь о любви…

— Я пока не говорил о любви, — возразил Хью, — хоть и собирался.

Она слегка покраснела:

— Не говорил? А я думала, говорил. Как ты полагаешь, какую толику чувства, которое ты называешь любовью, питали друг к другу мои родители? Или все эти Красавцы Джеки и Прелестницы Салли? Предположим, когда-то они любили друг друга. Но кончили тем, что возненавидели и умерли от жалости к самим себе. А почему? Из-за денег, денег, денег, денег, которые я считаю отравой, но не осмеливаюсь пренебрегать ими. Я выхожу за Фрэнка Дорранса по той же причине, по какой он женится на мне: чтобы получить деньги старика Нокса и навсегда избавиться от опасности. Теперь тебе все известно. Ты

меня осуждаешь?

Бренда соскользнула с дивана, мелкими шажками торопливо подошла к одному из окон и остановилась, глядя на пламенеющий в лучах солнца сад. К востоку, в стороне Хампстед-Хита, прокатились глухие раскаты грома. Казалось, Бренда хочет сменить тему. Но не может — разговор слишком волнует ее.

— Итак? Ты ничего не хочешь сказать? Ты меня осуждаешь?

— Нет. Но я по-прежнему считаю, что ты собираешься сделать глупость.

— Почему?

Хью внимательно изучал свои ладони, сжимая и разжимая пальцы.

— Это похоже на краткое резюме судебного дела: надо найти единственно нужные слова, — сказал он. — Если твои родители были именно такими, какими ты их описала, деньги были для них превыше всего. Для тебя же деньги не главное. И ты это знаешь.

— В самом деле?

— Да. Фактически деньги не играют здесь никакой роли. Ты сделала насилие над собой, убедила себя в том, что должна выйти за Фрэнка. Я много бы дал, чтобы узнать почему. Неужели ты не

понимаешь, что, выйдя за Фрэнка Дорранса, ты станешь женой очередного Красавца Джека?

— Возможно.

— Другими словами, ты свяжешь себя именно с тем, что ненавидишь больше всего?

— Возможно.

— Так зачем же, во имя разума, ты это делаешь? Ты не можешь так поступить, Бренда. Клянусь Богом, это недостойно!

Он поднялся с дивана, толкнув при этом стол, отчего чайный сервиз громко задребезжал. Бренда по-прежнему стояла у окна спиной к Хью; яркое солнце освещало ее волосы и гладкую перламутровую кожу. С каждой секундой они приближались к неизбежному.

Однако, ударившись локтем о стол, Хью вдруг спросил себя, почему доктор Николас Янг не вышел к чаю и почему их оставили наедине в столь опасное время. В любую минуту в гостиную мог приковылять старый Ник и разразиться потоком полушутливых обвинений в том, что Хью пытается разрушить счастливый брак. И Ник был бы вправе так говорить, поскольку лелеял Фрэнка Дорранса как зеницу ока. Старый Ник вообще любил окружать себя молодежью. Гордился, что его дом всегда полон молодых людей, а стол ломится

от блюд, которых не съесть и в три года, — но при этом каждый должен был подчиняться его прихотям, в противном случае рисковал подвергнуться суровому наказанию. «Торопись, — мелькнуло в голове Хью Роуленда, — торопись, торопись, надо спешить».

— Уже все улажено, — начала Бренда.

— Да. Я знаю. Китти Бэнкрофт будет посаженой матерью, Ник станцует сарабанду, а призрак Нокса благословит вас, даже если шафером буду я.

— И что же мне делать?

— Например, ты могла бы выйти замуж за *меня*, — сказал Хью.

Они замолкли, словно натолкнулись на неожиданную преграду. Хью ждал: шарф на его шее вдруг сделался слишком тугим и горячим.

— Я не собираюсь плакаться и жаловаться на бедность, — сказал он. — Во всяком случае, у нас будет на что жить, если тебя это беспокоит. Я люблю тебя уже четыре месяца и восемнадцать дней. Полагаю, тебе это известно?

— Да, известно, — кивнула Бренда, не оборачиваясь.

— Если господа присяжные заседатели желают удалиться для вынесения приговора, — продолжал Хью, и шелковый шарф горячим жгутом жег

его шею, — слушание дела откладывается до их возвращения. Однако, если есть возможность вынести приговор, не покидая зала…

— Спасибо, Хью, но я не могу этого сделать.

— Ну что же, значит, так тому и быть. — Он неожиданно почувствовал гнев и резкую боль, словно от удара. «Сам напросился, — сказал он себе, — пришел, напросился и получил. Что ж, поделом». Но смириться он не мог. — Всегда полезно знать, на каком ты свете. Сказать тебе правду? Больше всего меня беспокоило, что в глубине души ты все-таки любишь Фрэнка…

— Ах, Хью, не будь таким дураком!

— Я? Дурак? Пожалуй, да. Но это действительно Фрэнк? Я только… хм… думал, нет ли другого кандидата на твои милости в случае…

Их разделяла комната. Он обернулся и увидел, как вспыхнуло ее лицо. Она прикрыла глаза от солнца и быстро направилась в его сторону.

— Ты такой ужасный дурак, какого трудно себе представить, — четко проговорила Бренда глухим, низким голосом.

Она опустила глаза, но Хью чувствовал, что все ее существо дышит гневом.

Он так никогда и не понял, как это произошло. Через мгновение она оказалась в трех футах от

него: ее голова и плечи четким силуэтом рисовались на фоне солнечного сияния. Он видел выражение ее глаз, видел горевшее в них упрямство. Через несколько секунд, не отдавая себе отчета, он уже целовал ее. Тело Бренды дышало теплом, губы были прохладными, но поцелуй настойчив и страстен.

Ее голова находилась на уровне его плеча. Примерно через минуту он поднял глаза и увидел Фрэнка Дорранса, который стоял у окна и смотрел на них.

Глава вторая
Ненависть

Под мышкой правой руки Фрэнк держал ракетку в футляре, а на указательном пальце левой крутил сетку с теннисными мячами.

— Немного жарковато для таких дел, не правда ли, старина? — спросил он, разражаясь смехом.

Фрэнк Дорранс выглядел моложе своих двадцати двух лет. Его светлые вьющиеся волосы тугими кольцами облегали голову; румяное лицо с тонкими точеными чертами было красивым без женственности, а это встречается нечасто. Среднего роста, стройный, он был безукоризненно одет: на шее — сине-белый шарф, концы которого скрывались под лацканами спортивного пиджака, белые фланелевые брюки по последней моде. С первого взгляда становилось ясно: перед тобой рано созревший молодой человек, абсолютно уверенный в себе, склонный без обиняков говорить все, что у него на уме, обладающий манерами сорокалетнего. Его взгляд обладал одной особенностью: в нем сквозил самодовольный, скучающий скептицизм, что весьма многих

приводило в ярость. Он вошел в комнату, рухнул в кресло и беззастенчиво уставился на Бренду и Хью.

— Вы увидели, — с трудом выдавил из себя Хью, — вы увидели что-то смешное?

— Да, весьма смешное.

— Что именно?

— Вас, старина, — критически оглядел его Фрэнк. — Свалять такого дурака со старушкой Брендой. Повторяю, у вас был крайне глупый вид.

Лениво крутя на пальце сетку с теннисными мячами, он из всех троих имел самый безмятежный вид. Его чистый, высокий голос разносил веселье по всему саду и, казалось, по всему белому свету.

— Ах, *лично я* не возражаю, — холодно добавил он. — Только не позволяйте себе повторять это слишком часто, старина, иначе я буду вынужден оскорбиться. И вам не поздоровится.

— Премного благодарен.

— Видимо, в вашем замечании следует усмотреть сарказм, да, старина? Но боюсь, со мной этот номер не пройдет. И не стройте из себя невозмутимого законника. Видите ли, вы поставили себя в крайне невыгодное положение, и я намерен

этим воспользоваться. Кроме того, вы, кажется, хотели продолжать, разве нет? — И он снова залился смехом.

Хью Роуленд старался вести себя непринужденно. Перед таким умным молодым человеком нельзя терять голову, иначе окажешься в еще худшем положении, чем он не преминет воспользоваться.

— Хватит об этом, я просто просил Бренду…

— Выйти за вас замуж. Да, знаю.

— Вы подслушивали?

— Чепуха! Не будем ходить вокруг да около, — невозмутимым тоном сказал Фрэнк. — Конечно, я не упустил своего. Но видите ли, вы не можете ее получить.

— Не могу? И почему же?

— Потому что она нужна мне, — дружелюбно заявил Фрэнк.

— И вам это представляется достаточной причиной?

— Спросите саму старушку Бренду. Вы выпалили свой вопрос — и, между нами говоря, Роуленд, попали пальцем в небо. Что она вам ответила?

— Я ответила «нет», — вмешалась Бренда, пересекла комнату и устроилась на подлокотнике кресла, в котором сидел Фрэнк.

К горлу Хью Роуленда подступила тошнота, которая постепенно усиливалась, — наконец он даже испугался, что не сумеет с ней совладать.

— Понятно, — сказал он. — Все правильно!

Но страсти в комнате накалились еще сильнее.

— Извини, Хью, — пробормотала Бренда, улыбаясь.

Ни по выражению ее лица, ни по всему прочему он не мог заключить ничего определенного. Лицо ее по-прежнему пылало, но не осталось и следа замешательства, волнения или какого-либо интереса к нему. Словно ничего не произошло. Возможно, так оно и было.

— Подожди, — сказал Хью так резко, что Бренда подпрыгнула. — Я знаю, что мне следует сказать «все правильно» и на том покончить. Но я не намерен этого делать. Нельзя отрубить человеку руку и затем отправиться веселиться, ничего не объяснив. Нам надо во всем разобраться.

— Видите ли, боюсь, что я не могу продолжать обсуждение этой темы, — сказал Фрэнк.

— Боюсь, что вам придется его продолжить.

— Послушайте, старина, — проговорил Фрэнк со всей рассудительностью. — Вы уже сваляли дурака, а если станете продолжать, то сваляете

еще большего. Я не держу на вас зла, хотя другой на моем месте поступил бы иначе. Однако если вы намерены упорствовать в намерении увести от меня Бренду, то это просто глупо.

— Неужели?

— Да. Во-первых, Бренда ко мне по-своему привязана. Ведь так, старушка? Во-вторых, даже если бы это было не так, то дело прежде всего.

— Ах, разумеется, — пробормотала Бренда.

— Да. И я надеюсь, вы не думаете, что я позволю кому-то встать мне поперек дороги. Повторяю, старина, я не держу на вас зла, но не зарывайтесь и не вынуждайте меня счесть себя оскорбленным. Когда меня задевают, я могу доставить массу неприятностей.

— Ты согласна, Бренда? — спросил Хью.

— Согласна, Хью.

— Тогда все в порядке, — просиял Фрэнк. Он вдруг сделался оживленным и приветливым. — Итак, коль скоро мы все выяснили, идемте на корт и сыграем хоть один сет, пока не началась гроза. Я буду в паре с Брендой, а вы… Боже мой! Совсем забыл! Китти! — Он выпрямился в кресле и нагнулся к окну. — Все в порядке, Китти. Можешь заходить.

— Что такое! — воскликнула Бренда, вскаки-

вая.

Хью показалось, что за окнами стояла половина округи. Но против Китти Бэнкрофт он ровно ничего не имел, она ему даже нравилась.

Китти буквально ворвалась в комнату. Она явно переборщила в своем законном стремлении сгладить острые углы.

— Всем привет, — сказала Китти, сверкая белоснежными зубами. — Фрэнк, юный дьявол, ты ушел, так и не взяв книгу. Я специально для тебя положила ее на столик в холле, а ты про нее забыл. Привет, Бренда. Привет, Хью. Веселитесь?

Фрэнк снова залился смехом.

— Молодой негодяй, — сказала Китти, бросая на Фрэнка снисходительный взгляд. — Не обращайте на него внимания. Я недавно купила эту книгу, он попросил ее у меня и забыл. Но с кем не бывает? Отличная погода для тенниса. Готовы разбить нас наголову, Хью?

Фрэнка обуял еще больший восторг. Хью подошел к столу за своей ракеткой. Вынимая ее из футляра, он так резко дернул его, что комнату наполнил звон струн.

— Скажите-ка, — резко проговорил он, поворачиваясь к Фрэнку. — Вы всегда добиваетесь того, чего хотите?

Фрэнк усмехнулся:

— Да, почти всегда.

— Как вам это удается? Я спрашиваю чисто из академического интереса.

— Я пускаю в ход природное обаяние, старина. К чему отрицать, что я наделен природным обаянием? Но я все расскажу вам. Впервые я испробовал свое обаяние еще ребенком. Когда оно оказывалось бессильным, я ложился на пол и колотил ногами до тех пор, пока не добивался того, чего хотел. Я был упрямей других и поэтому всегда настаивал на своем. Теперь, когда я достиг более зрелых лет, техника несколько изменилась, стала, знаете ли, тоньше, но принцип остался прежним.

— Понятно. Вас никогда не пороли?

— Бывало. Но тогда я бушевал еще сильнее, и они сдавались. Как вам нравится мой метод?

— Меня от него тошнит, — сказал Хью.

— Чепуха! К чему притворяться? — Фрэнк усмехнулся. — Просто вы недостаточно умны, чтобы им воспользоваться. Вы из тех, кто любит спокойную жизнь. Вы готовы на все что угодно, лишь бы избежать волнений и неприятностей. А я люблю неприятности и волнения, я упиваюсь ими. Я и сейчас настойчивее других и по-преж-

нему неизменно добиваюсь своего. Не правда ли, просто? Как сказал бы Ник... — Его глаза сузились. — Кстати, где Ник? Почему он не вышел к чаю?

На вопрос ответила Бренда:

— Он не смог, Фрэнк. К нему пришел офицер полиции, он сейчас в кабинете Ника.

Порыв теплого ветра всколыхнул листву в саду. Не будь Хью слишком занят своими мыслями, он бы заметил, что Фрэнк слегка вскинул брови.

— Офицер полиции, старушка? — переспросил он. — Ах! Наверное, это по поводу автомобильной аварии, в которую попал Ник?

— Не думаю.

— Почему не думаешь, старушка?

— Потому что я видела визитную карточку, когда Мария принесла ее, — ответила Бренда. — Это суперинтендант отдела уголовного розыска.

Китти Бэнкрофт широко раскрыла глаза:

— Ты не ошиблась, Бренда? Как замечательно! Ты имеешь в виду, что он из Скотленд-Ярда? Я всегда думала, что это место существует только в книгах. Настоящий сыщик под твоей крышей! Ведь это не менее интересно, чем Санта-Клаус, Гитлер или кто-то в этом роде. Ты уверена?

— Я знаю лишь то, что видела.

— Но что ему нужно? — Китти издала легкий смешок. — Ведь не приехал же он разыскивать здесь кого-нибудь?

— Чепуха! Кого ему здесь разыскивать? — холодно спросил Фрэнк. — Должно быть, у тебя нечиста совесть, моя девочка. Вероятно, он пришел по поводу подоходного налога или другого вздора. Во всяком случае, Ник сумеет поговорить с ним должным образом. Если он позволит себе лишнее, Ник вышвырнет его вон. Если хотите, мы можем вернуться и посмотреть на него, когда он будет уходить, а сейчас я намерен немного поиграть в теннис, и никто не остановит меня. Может, мы все-таки пойдем, пока не начался дождь?

— Ах, я надеюсь, что он сейчас начнется! — воскликнула Бренда с такой неожиданной яростью, что все посмотрели на нее. — Надеюсь, он будет лить и лить не переставая!

И она внезапно выскочила в сад.

Хью последовал за ней, предоставив Фрэнку привести Китти. Но ему удалось догнать Бренду лишь у самого теннисного корта. От дома до конца террасы по прямой было около ста ярдов. Дюжина каменных ступеней вела с террасы на поросшую травой лужайку, которая примыкала к окруженному деревьями и невысокой живой

изгородью корту.

Это была задумка старого Ника. Проявив свою всегдашнюю предусмотрительность, он спланировал корт таким образом, чтобы глаза игроков в любое время дня были защищены от прямых солнечных лучей. Корт имел твердое покрытие, и его окружала высокая проволочная сетка. Ярдах в пятнадцати от сетки плотные ряды карликовых тополей образовывали вытянутый прямоугольник, повторявший форму корта. Но даже карликовые тополя достигали высоты футов в двадцать и заслоняли солнце. И наконец, все это окружала густая, выше человеческого роста, тисовая ограда с калиткой.

Сперва проходя через калитку в живой изгороди, затем через просвет в стене тополей, можно было подумать, будто входишь в потаенный сад, огражденный от всего мира. Середину корта нещадно жгли палящие лучи солнца, и белая разметка четко выделялась на коричневом фоне. Но его края покрывали густые длинные тени. Несмотря на тяжелый, душный запах зелени, здесь было прохладнее.

Бренда уже стояла около корта. Она тяжело дышала и одной рукой держалась за проволочную ограду.

— Мне была необходима такая пробежка, — сказала она, быстро взглянув на Хью. — Ужасная погода. Ты на меня злишься?

Итак, все начиналось сызнова.

— О боже мой, Бренда, разве мы уже не выяснили все?

— Но ты побежал за мной сюда. Зачем ты побежал за мной?

— Не знаю. Полагаю, так было угодно судьбе. Но дальше я не побегу, ясно?

Вокруг корта тянулся ровный бордюр подстриженной травы футов в двенадцать шириной. Немного восточнее, рядом с дверью в проволочной ограде, стоял маленький павильон с крылечком и застекленными окнами, выкрашенный, в соответствии с художественным вкусом старого Ника, в ярко-красный и ядовито-зеленый цвета. Он помещался как раз между кортом и стеной тополей; в нем имелись шкафы и несколько скамеек. Хью остановил на нем взгляд.

— Почему ты побежал за мной? — упорствовала Бренда.

— Ты хочешь, чтобы я повторил все с самого начала? Покорно благодарю, ответ я уже слышал. И все же мне хотелось бы знать, что сегодня на нас нашло. Все мы немного не в себе, и, если не будем

осторожны, до исхода дня не миновать убийства.

— Знаю.

— *Ты* знаешь?

Он постарался сказать это как можно беззаботнее, но Бренда и не думала притворяться.

— Да, знаю, — упрямо повторила она. — Во всяком случае, я не это хотела тебе сказать. Тебе кажется, что ты понимаешь, но ты ничего не понимаешь. Я имею в виду то… другое.

И вновь опасность.

Она потупила взгляд, шаркая по траве ногой, обутой в теннисную туфлю.

— Я сделала то, что должна была сделать, Хью. Я сделала, *что должна была сделать*; не важно, что именно я при этом сказала, понимаешь? Есть причины, по которым я должна выйти замуж за Фрэнка и угодить всем. Я не собиралась тебе про них рассказывать; просто не могла, боялась, что кто-нибудь подслушает, но я не могу удержаться и расскажу сейчас. Хью, причина…

— Ну-ну-ну, — прервал ее высокий, звонкий голос, долетевший через просвет в тополях. — Бренда и я против вас и Китти, — продолжал Фрэнк, вращая ракеткой в воздухе. — Что выбираете? Орел или решка? Орел. Вы, старина, проиграли. У нас южная сторона. Если хотите, мо-

жете подавать первым. — И он снова прыснул.

— Идем, партнер, — весело позвала Китти Бэнкрофт.

Когда Хью бросил пиджак на ступени маленького красно-зеленого павильона и толкнул проволочную дверь корта, он пребывал в расположении духа, которое озадачивало и тревожило его самого. В таком состоянии не следует ни с кем состязаться, но об этом он как-то не подумал.

Перед ним расстилался большой, пустой, пыльный корт — клетка с белым проволочным ограждением, так и ждущим неточных ударов. Фрэнк раскрыл сетку с мячами, и они рассыпались по корту; пока Хью старался собрать их, пот заливал ему глаза.

В тот день он намеревался не проиграть Фрэнку ни одного очка.

Это превратилось в своего рода наваждение. И, делая ногой упор перед первой подачей, он подумал, что на этом наваждение не кончится. Своих соперников по другую сторону сетки он видел как в тумане: белую блузку и белые шорты Бренды, кремового цвета фланелевый костюм Фрэнка и его улыбку. Фрэнк был отличным теннисистом. Его невозможно было заставить побегать. Куда бы вы ни послали мяч, Фрэнк оказывался именно

в том месте. Он не умел сильно бить и никогда этого не делал, но каждый удар был рассчитан с неторопливой, механической точностью и попадал туда, куда Фрэнк метил. Хью, чьим единственным достоинством была скорость, казалось, что Фрэнк шествует по теннисному корту так же, как он шествует по жизни. Когда воздух сгустился и потемнел перед грозой и солнце скрылось за тополями, Китти Бэнкрофт заняла позицию перед сеткой.

– Готов?

— Подавай.

Хью высоко подбросил мяч.

Он и рукой и плечом почувствовал силу удара. Мяч, крутясь, просвистел над сеткой, взбил белую пыль — и вернулся прежде, чем Хью успел сдвинуться хоть на фут. Фрэнк, бесформенное белое пятно, без труда отбил мяч. Парируя удар, Хью едва не упал, но устоял на ногах. Он вернул мяч Фрэнку, тот, как всегда, оказался на месте и снова послал мяч не Китти, а Хью. Хью снова отбил, и звон прокатился в замкнутом пространстве; за чертой взметнулась белая пыль. Фрэнк подошел и проверил результат:

— Извините, старина, — аут.

Бренда уставилась на него во все глаза:

— Но, Фрэнк…

— Аут, — повторил Фрэнк. — Не повезло. Пятнадцать — ноль в нашу пользу.

Глава третья
Снисходительность

Когда начался этот сет между смешанными парами, доктор Николас Янг сидел в своем кабинете с суперинтендантом отдела уголовного розыска Хэдли.

Кабинет находился на втором этаже в задней части дома и представлял собой длинную комнату с низким потолком; два его окна выходили в сад, а еще два — на тенистую подъездную дорогу, ведущую к гаражу. Здесь было прохладней, поскольку с одного из низких книжных шкафов доносилось жужжание электрического вентилятора. На письменном столе доктора Янга стояли небольшие часы, стрелки которых показывали без десяти минут шесть; на часовом календаре значилась дата: «Суббота, 10 августа».

Суперинтендант Хэдли, высокий плотный мужчина, похожий на гвардейского полковника, еще не докурил предложенную ему дорогую сигару. Он сказал:

— Могу я говорить откровенно, доктор Янг?

— Это называется удар ниже пояса, — про-

ворчал джентльмен, известный под именем Ник. — Ладно! Ладно! Ладно! Продолжайте.

— Я только что получил послание сэра Герберта. Но я испытываю сильное искушение добавить кое-что от себя. Поверите ли вы мне, если я представлю доказательства, что мистер Фрэнк Дорранс, ваш безупречный воспитанник, не более чем первостатейный молодой подлец и мерзавец.

Ник выпятил нижнюю губу:

— А не слишком ли много вы на себя берете?

— Похоже, так. Но мои слова не произвели на вас должного впечатления.

Раздражение Ника все возрастало.

— И что же, по-вашему, я должен сделать? — спросил он недовольным тоном. — Отчитать мальчика? Хорошо. Не возражаю. Но что еще? Не можете же вы сказать, что он совершил нечто подсудное.

В эту минуту Ник и выглядел, и чувствовал себя далеко не лучшим образом. Поскольку он плохо видел на один глаз — одно из стекол в его очках было затемнено, что придавало лицу этого джентльмена мрачное и даже зловещее выражение, — ему не следовало искушать судьбу и гнать спортивную машину с такой же скоростью, как

Фрэнк Дорранс. Всего неделю назад он умудрился расплющить новый «даймлер», как театральный цилиндр, врезавшись в дерево в Хайгейте, в результате чего сломал себе правую руку, правую ключицу и левую ногу и не мог более владеть столь жизненно необходимыми частями тела. В этот день, сидя за своим письменным столом, словно косный истукан, он весь состоял из повязок и шин.

Старый Ник был записным щеголем. При невысоком росте и коренастой фигуре он тем не менее имел внушительный вид. На его широком лице с бульдожьей челюстью, уткнувшейся в воротник, выражался вызов. Бездействие бесило его. Он не мог танцевать. Не мог ездить верхом или играть в теннис. Он не мог даже зажечь спичку или смешать коктейль. Его неколебимая решимость никогда не стареть могла бы даже показаться отвратительной, если бы его потрясающая активность не проявлялась в умственной сфере так же, как и в физической.

В то время, когда психоанализ в Англии был почти неизвестен, он избрал его своей профессией и заработал целую кучу денег. Он не бездельничал даже в нынешнем плачевном состоянии: составлял кроссворды, изобретал игры, такие сложные,

что в них никто не мог играть, и разрабатывал чистые, с медицинской точки зрения, способы убийства людей. Сунув костыль под мышку здоровой руки или сидя в инвалидном кресле, он довольно свободно передвигался. Но кости должны были окончательно срастись только через месяц, а тем временем гипсовый кокон причинял ему страшную боль и служил постоянным источником раздражения.

Итак, он выбрал твердую линию.

— Послушайте, — сказал он. — Не сочтите меня неблагодарным…

— Здесь дело не в благодарности, — перебил высокий человек с тяжелой челюстью, сидевший напротив письменного стола. — Я просто передал вам некоторые сведения. Сожалею, если напрасно отнял у вас время.

— Погодите, погодите, погодите! Давайте говорить начистоту. Фрэнка видели в компании пьяных юнцов, которые наверняка угодят в какую-нибудь передрягу… Поскольку сэр Герберт Армстронг мой друг, то он посылает опытного суперинтенданта предупредить меня. Прекрасно. Это знак уважения, и я ценю его. Но чтобы Фрэнк попал в неприятность… дудки!

Хэдли с любопытством посмотрел на своего

собеседника:

— Полагаю, вам известно все, что он делает?

— Говоря между нами, меня ничуть не интересует, *что* он делает, если в обществе мальчик ведет себя достойно. Я кое-что скажу вам. У этого мальчика есть характер.

— Очевидно.

— У этого мальчика… есть характер, — повторил Ник, слегка откидываясь в кресле, чтобы посмотреть на реакцию гостя, и выразительно кивая при каждом слове.

— Я в этом не сомневаюсь, доктор.

— Сила воли. Весь в меня. Скажу вам еще кое-что. Всего через месяц и три дня он женится на одной из прекраснейших девушек, каких вы когда-либо встречали, — на дочери Боба Уайта. И после свадьбы они вместе унаследуют сумму в пятьдесят тысяч фунтов. Пятьдесят тысяч фунтов, — повторил Ник, акцентируя внимание посетителя на неувядающей популярности, которой пользуются банкноты. — Если повезет, то в течение года у них появится первый ребенок. Этому ребенку дадут имя Николас Янг Дорранс. Он будет учиться в хорошей приготовительной и средней школе, затем отправится в Сандхерст или Дартмут — мне все равно куда, но пусть

это будет армия или военно-морской флот. Это решено. Фрэнка воспитал старик Джерри Нокс; и заметьте: я не говорю, что мне нравятся все черты его характера, но его сын… этого мальчика воспитаю я. И только я.

Хэдли был довольно прямолинеен.

— Не сомневаюсь, — сказал он, — что ребенок будет достоин и вас, и своего будущего отца. Между прочим, какое родство связывает вас с Фрэнком Доррансом?

— С Фрэнком? Никакого родства.

— Но вы постоянно говорите, что он пошел в вас.

— Так оно и есть. Не хочу утомлять вас деталями, — сказал Ник, сияя при мысли о том, что вскоре станет дедом, — но это давняя история. В колледже нас было трое… побратимов, понимаете? Боб Уайт, Джерри Нокс и я.

— И что же?

— Так вот, из нас троих только Боб Уайт имел ребенка, и только он не преуспел в этом мире. Он женился на девушке из Бедфордшира, по фамилии Стентон, к которой я сам был когда-то неравнодушен, и у них родилась дочь Бренда. Все мы души в ней не чаяли, но старина Боб так любил прихвастнуть, что мы никогда не знали,

как у него дела: он лгал направо и налево, будто у него все в порядке, и мы считали его маленьким Рокфеллером. Видите ли, он почти постоянно жил за границей.

Да будет мне позволено сказать, что мои дела процветали. Джерри Ноксу необыкновенно везло на сделках в Сити. Он усыновил своего племянника — Фрэнка. Заметьте, я говорю это к чести Джерри: он все делал для мальчика и добился, я бы сказал, неплохих результатов. Но и я во многом ему помогал. Так вот, однажды мы услышали — и для нас это было как гром с ясного неба, — что Боб Уайт окончательно промотался и застрелился в Нью-Йорке, а его вдова и маленькая дочь живут предположительно в Борнмуте. Там я и разыскал их. Надо сказать, я чувствовал себя преотвратно. Нелли настолько спилась, что долго ей было не протянуть. Так и вышло. Девочку я, разумеется, взял к себе.

Было уже слишком поздно, чтобы хоть как-то сформировать ее характер; мне не повезло. Это случилось всего пять лет назад. Я обнаружил, что ей не хватает элементарного школьного образования. Почти на четыре года я поместил ее в лучшую школу Англии, там она безумно страдала, поскольку была старше всех осталь-

ных девочек, — но что я мог поделать? Затем я привез ее сюда. В этом нет ничего предосудительного. — Последние слова Ник произнес почти извиняющимся тоном, хотя Хэдли и в голову не приходило усматривать в его действиях что-либо предосудительное. — А тем временем мы с Джерри Ноксом строили планы. Он не меньше моего привязался к Бренде, и у него возникла идея женить на ней Фрэнка.

Надеюсь, он сейчас пьет пиво в Валгалле, — присовокупил Ник, — он всегда любил пиво. Во время этого последнего ноябрьского дела — вы его помните? — он простудился и, когда у него до предела поднялась температура, изменил свое завещание. Он по-прежнему оставлял все свои деньги Фрэнку и Бренде, но теперь лишь при том условии, что они поженятся. Адвокат сказал, что составить такое завещание мог только полоумный, но меня оно тронуло. У меня простая, не чуждая сентиментальности душа, — (затемненное стекло в очках Ника блеснуло), — и эта мысль мне понравилась. Джерри был одиноким стариком, и в этом заключалась его беда. За два дня до Рождества он отошел в мир иной. Он хотел включить в завещание пункт, согласно которому первому ребенку надлежало дать его имя, но я

этот пункт вычеркнул. Ха-ха-ха!

Во время паузы, последовавшей за этой энергичной речью, жужжание вентилятора стало еще громче. В комнате, в доме и в саду наступила мертвая тишина, которая всегда предшествует началу грозы. Кругом было так тихо, что Хэдли показалось, будто он слышит слабые голоса, долетающие с теннисного корта. Небо потемнело. Ник потел под слоями бинтов, хотя физического неудобства они ему теперь почти не доставляли.

Тишину нарушил резкий звук: Хэдли чиркнул спичкой.

— Это очень интересно, доктор Янг, — сказал он и раскурил потухшую сигару. — Извините, но у меня есть основание задать вам еще один вопрос.

— Вопрос? Какой вопрос?

— Что думают об этом условии ваши молодые люди? Они считают его справедливым?

— Справедливым? — повторил Ник уже без всякой сентиментальности. — Конечно, они считают его справедливым. Они любят друг друга — во всяком случае, настолько, насколько это необходимо. Что конкретно вы имеете в виду?

— Ничего. Я просто спрашиваю.

— У вас какое-то странное выражение ли-

ца, — настаивал Ник, обратив к Хэдли зловещее затемненное стекло своих очков. — К чему вы клоните? У вас есть основания считать, что я не прав? — Он задумался. — Есть один молодой человек, некто Роуленд. Хью Роуленд. Если я не ошибаюсь, он строит глазки Бренде. Но я не вижу здесь особой опасности. Хотя, бог мой, ежели подумать…

— Нет причин для беспокойства, доктор Янг. Роуленд? Роуленд, Роуленд. Постойте, не сын ли это известного адвоката? «Роуленд и Гардслив»?

— Да, это он, — подозрительным тоном подтвердил Ник. — Что из того?

— Видите ли, сэр, — сухо сказал Хэдли, — это не мое дело, но, если бы вы столкнулись с ним на профессиональной почве, я не был бы так уверен в успехе. Он очень умный молодой человек.

Ник недоверчиво хмыкнул:

— Молодой Роуленд? Умный? Что за вздор! Умный!

— Что ж, как ни говорите, но он нас побил, — сказал Хэдли. — Возможно, вы помните отравительницу миссис Джуел. Несмотря на решение суда, я по-прежнему считаю ее отравительницей. Против нее у нас были почти неопровержимые улики, но ее оправдали. И этим она обязана

усилиям Роулендов, старшего и младшего, — главным образом младшего.

— Ерунда! — сказал Ник. — Я знаю это дело. Ее вытащил Гордон Бейтс.

— Да. Обычно все заслуги приписывают выступающему адвокату, барристеру. Но не следует заблуждаться. Барристер руководствуется изложением дела. А это дело было подготовлено вашим молодым другом; даже патологоанатому пришлось сдаться. Однако! Что произойдет, если либо мисс Уайт, либо мистер Дорранс откажутся вступить в брак согласно завещанию вашего друга?

Ник откинулся на спинку кресла. Голос его теперь звучал почти по-стариковски.

— Послушайте, — начал он. — Что вы имели в виду, придя сюда и доставив мне немалое беспокойство? Что вы имеете в виду, когда сидите в моем кресле, курите мои сигары и строите из себя сурового полисмена с парой наручников наготове? Какое вам до всего этого дело? Умный! Фрэнк в два счета разрушит ваши иллюзии на сей предмет. Фрэнк способен выставить его дураком и часто делает это. Недавно вечером у нас была дискуссия на тему преступлений, и Фрэнк посадил его в лужу. Разумеется, Бренда и Фрэнк

поженятся. Если же нет, то все деньги Джерри до последнего пенса пойдут на благотворительность. Держу пари, они этого не допустят.

— Я этого и не предполагал, доктор Янг. А что будет, если молодой Дорранс умрет до свадьбы?

Наступило молчание.

За окнами тяжелый, густой воздух слегка всколыхнулся от легкого порыва ветра. Грома слышно не было, лишь слабая вибрация, но сам воздух словно пришел в движение. Издалека они слышали стук теннисных ракеток.

Ник неожиданно фыркнул; он снова пришел в себя.

— О, едва ли это возможно. Видите ли, Фрэнк весьма крепкий парень. Но если один из них умрет, то все наследует оставшийся в живых. Однако, думаю, Ллойд может представить вам исчерпывающие доказательства здоровья Фрэнка.

— Не сомневаюсь.

Электрический вентилятор снова зажужжал несколько громче.

— Эй, выкладывайте, что там у вас, — приказал Ник. — Вот уже целых десять минут вы ходите вокруг да около. В чем дело?

— Дело вот в чем. Вы когда-нибудь слышали о девушке по имени Мэдж Стерджес?

Ник громко, с облегчением вздохнул:

— О господи! И это все? По вашему виду можно подумать, будто вы собираетесь сообщить мне, что мальчик ограбил Британский банк и убил охранника. Значит, он связался с девушкой по имени Мэдж Стерджес, так? И в чем же дело? Нарушение обязательств?

— Нет.

— Тогда все в порядке, — сказал Ник с еще большим облегчением.

— Одну минуту, доктор Янг. Вы рассказали мне поучительную историю, теперь послушайте меня. Вот факты из дела Мэдж Стерджес. Около двух месяцев назад ваш молодой протеже, мистер Фрэнк Дорранс, встретил Мэдж Стерджес в мюзик-холле «Орфеум»…

— Случайное знакомство, — сказал Ник.

— Да. Можно назвать и так. В то время она работала продавщицей в магазине одежды в Кенсингтоне. Она встретилась с Доррансом пять-шесть раз и влюбилась в него. Но не это главное. Чтобы прилично выглядеть, она брала из магазина вечерние туалеты, а однажды взяла меха. Все это она возвращала прежде, чем кто-либо успевал заметить пропажу. К несчастью, она попалась. Дорранс пролил полбутылки кларета на белое

шелковое вечернее платье, которое стоило пятнадцать гиней. Пятно вывести не удалось, и ей пришлось во всем откровенно признаться. Сперва в магазине подняли шум, но потом проявили снисходительность. Ей сказали, что она может остаться на работе, если заплатит за платье.

Суперинтендант Хэдли ничего не драматизировал. Он не повышал голос, не двигался в кресле, но выражение его глаз вызывало у хозяина дома такие же неприятные чувства, как жара и повязки.

— Девушка потеряла голову. Ей неоткуда было взять такие деньги при зарплате два фунта в неделю. Итак, она отправилась к молодому Доррансу. По-моему, у него есть квартира в Вест-Энде. Да. Так вот, он сказал, что ему очень жаль. Сказал, что его это не касается. Сказал, что если она настолько глупа, чтобы щеголять в чужих платьях, то ей следовало ожидать того, что случилось. Сказал, что, по его мнению, она просто хочет заставить его раскошелиться на новое платье.

Ник заерзал в кресле.

— У мальчика есть характер, — твердо и вместе с тем немного смущенно сказал он. — Как бы то ни было, ей следовало обратиться ко мне.

— Ах, без сомнения, он проявил завидную рас-

судительность. Но продолжаю. Мэдж Стерджес не нашла другой работы. Прошлой ночью она сунула голову в духовку газовой плиты.

— Вот так так! — пробормотал Ник. Теперь он был резок, бодр и серьезен. — Понятно. Расследование. Это очень плохо. Вы имеете в виду, что при дознании имя Фрэнка может…

— Нет. Она не умерла. Благодаря расторопности ее квартирной хозяйки и больничного персонала она приходит в себя. А узнал я все эти подробности следующим образом: сегодня утром отдел уголовного розыска направил отчет.

Хэдли встал. Он положил потухшую сигару в пепельницу, отряхнул брюки и взял со стола свой котелок. От жары, стоявшей в погруженной в полумрак комнате с закрытыми окнами, портьеры на которых трепетали, у него самого голова шла кругом. Заглушая шелест деревьев в саду, электрический вентилятор выводил свою пчелиную песню.

— Это все, что я хотел вам сказать, доктор Янг, — вежливо заключил Хэдли. — Это дело не касается ни меня, ни полиции. Никакого расследования не будет: у нас и так слишком много дел, чтобы преследовать таких бедолаг за попытку самоубийства. Вам не о чем беспокоиться. Как

вы сказали, мистер Дорранс не совершил ничего подсудного и, как опять-таки сказали вы, едва ли совершит. Молодой джентльмен умен, слишком умен. Но между нами, что вы сами об этом думаете?

Ник снова заерзал и помахал здоровой рукой.

— Я не хочу сказать, — продолжал Хэдли, — что ему грозит смерть. Но считаю необходимым предупредить вас: его вполне могут так избить, что он проведет месяц в постели.

— Все это крайне неприятно, — встревожился Ник. — Конечно, я с вами согласен. Кстати, оставьте мне адрес этой девушки, я пошлю ей чек на небольшую сумму. А еще мы подумаем, нельзя ли найти для нее работу. Но вы же знаете, что по большому счету Фрэнк был прав. Это вполне могло оказаться обыкновенным вымогательством…

Хэдли внимательно смотрел на него.

— Вы по-прежнему не желаете пригласить этого молодого джентльмена и попытаться внушить ему Божий страх? — почти грозно проговорил Хэдли и добавил с надеждой в голосе: — Может быть, вы хотите, чтобы это сделал я?

Ник усмехнулся:

— Сомневаюсь, чтобы это вам удалось, суперинтендант. Мальчика нелегко запугать. У него на

все готов ответ, да, таков уж Фрэнк.

— Неужто!

— Ну-ну, вы должны довериться мне. — Голос хозяина дома звучал убедительно и почти ласково. — Все в порядке. Я о ней позабочусь. К старому Нику еще никто не обращался напрасно. Думаю, вам пора? — Он взял со стола большой колокольчик и забренчал так громко, что у Хэдли свело челюсть. — Мария! Будь проклята эта баба. Когда она нужна, ее никогда нет на месте, а остальные слуги отпущены. Вы сами не найдете дорогу? Благодарю вас. До свидания, мистер Хэдли. Передайте мой поклон сэру Герберту и поблагодарите его за совет; но скажите ему, что Фрэнк, по моему мнению, сумеет сам справиться со своими делами. Э-э-э… вы еще что-то хотите сказать?

Хэдли внимательно рассматривал свою шляпу.

— Только предупредить, — ответил он. — Кажется, у Мэдж Стерджес есть приятель.

Колокольчик яростно звякнул и умолк.

— Приятель?

— Да. Она не обратилась к нему за деньгами, потому что боялась признаться, что встречалась с другим мужчиной. Этот парень ни о чем понятия не имел, пока не прочел в утренней газете сообщение о ее попытке самоубийства. Между

прочим, интересно, встречался ли мистер Дорранс с этим типом?

— Не все ли равно, с кем встречался мистер Дорранс? — почти закричал Ник. — Куда вы клоните? Кто этот человек?

— Его зовут Чендлер. Он актер мюзик-холла. Участвует в очень необычном и зрелищном представлении, которое вам следовало бы посмотреть. — Хэдли помолчал. — Он обращался в отдел уголовного розыска за подробностями. И получил их. Инспектор отдела говорит, что Чендлер в таком состоянии духа, что лучше не встречаться с ним наедине в темном закоулке. Он предупредил меня, а я предупреждаю вас. Если мы вам случайно понадобимся, телефон Уайтхолла — двенадцать-двенадцать. Всего доброго, доктор Янг. До свидания.

Возможно, Ник что-то ответил суперинтенданту, но слова его заглушил яростный раскат грома. Жара и нервное напряжение достигли крайнего предела. Равновесие было нарушено, решение — принято. Хэдли садился в машину, стоявшую перед домом, а стрелки часов Ника стояли на четверти седьмого, когда небеса разверзлись и грянула буря.

Какая-то нелепость.

Первые несколько минут после того, как на дом обрушились потоки дождя, доктор Николас Янг сидел неподвижно. В кабинете было почти темно, рев ливня заглушал тиканье часов, и только электрический вентилятор издавал тихое злорадное жужжание.

Если бы кто-нибудь его спросил, то Ник ответил бы, что он совершенно спокоен. Но недремлющая мысль продолжала работать. Через несколько минут он обнаружил, что струйки воды текут по ковру, что портьеры намокли от дождя и отдельные капли долетают до его лица. Костыль стоял рядом с креслом. Он с трудом поднялся, неуклюже, словно механическая кукла, пересек комнату и, стоя на одной ноге и наваливаясь всем телом на оконные рамы, стал закрывать окна. Рев бури почти оглушил его; ветер слепил глаза, трепал волосы; вокруг него царила тьма, он видел, слышал, ощущал только собственные движения.

До начала бури он в течение почти получаса слышал отдаленный стук теннисных ракеток. Этот звук неизменно раздавался где-то вдали, на заднем плане, как напоминание о том, что молодые люди радуются жизни. Западные окна кабинета выходили в сад и на окруженный тополями теннисный корт, хотя самого корта и не

было видно. Сейчас Ник не мог различить даже тополей, за исключением тех мгновений, когда сполохи молний освещали намокшую листву. Слева от сада обсаженная деревьями дорога спускалась к гаражу, который располагался на уровне теннисного корта. Между гаражом и кортом вилась посыпанная гравием тропа, заканчиваясь у задней калитки в стене, окружающей имение. Через эту калитку можно было выйти к расположенному неподалеку небольшому нарядному дому Китти Бэнкрофт; дальше начинались склоны Хампстед-Хита.

Ник закрыл последнее окно.

Он выключил электрический вентилятор, добрался до дивана, стоявшего рядом с книжными стеллажами, включил над ним лампу и лег, преодолевая острую боль, от которой он иногда едва не лишался чувств. Но он не признавал боли; он проклинал всякого, кто подходил близко или пытался ему помочь.

Хотя время предобеденного сна давно миновало, он знал, что уснуть не удастся. Рядом с диваном тянулись полки с книгами, посвященными различным преступлениям; убийства занимали целую стену кабинета, и гордостью этой коллекции были высокие, в синем перепле-

те тома серии «Знаменитые судебные процессы Британии». Он посмотрел на недавно вышедшее продолжение серии — «Процесс над миссис Джуел». В этом деле Хью Роуленд готовил — во всяком случае, так говорили — материалы для защиты.

Близкий свет лампы ярко освещал грубую, всю в пятнах кожу на лице доктора Янга. Затемненное стекло очков сверкало, второй глаз, пронзительный и темный, сердито вращался. Уголки рта были опущены, отчего нижняя челюсть сделалась почти плоской; нос двигался, словно его обладатель собирался чихнуть; Ник с презрением посмотрел на книгу. Затем протянул руку и снял ее с полки. Он начал читать.

Ливень неистовствовал почти до семи часов вечера, мешая заснуть. Доктор Янг читал все с тем же упорством, положив книгу на живот и вывернув голову так, что рисковал сломать себе шею. Он то и дело презрительно ухмылялся, но ни одной похвалы не слетело с его уст. Без десяти семь дождь ослабел, в семь прекратился. Доктор Янг медленно поднялся, чтобы открыть окна и впустить свежий, целительный воздух. Уже в половине восьмого он безмятежно спал. Открытый том «Процесса над миссис Джуел» лежал у него на груди.

Следующее, что он услышал, был чей-то крик. Кто-то бесконечно повторял одно и то же слово.

Затем оглушительно, отчетливо раздалось:

— Ради бога, сэр, вставайте. Мисс Бренда говорит…

Он открыл глаза.

Лицо Марии, горничной, склонилось над ним, как лицо вампира, пришедшего выпить его кровь. Он пережил мгновение неподдельного суеверного ужаса; инстинктивно подпрыгнул, словно затем, чтобы прогнать страшное видение, и боль, пронзившая сломанные конечности, окончательно пробудила его.

— Это мистер Фрэнк, сэр. Он лежит посреди теннисного корта.

Затем поток слов, еще более безумных:

— Просто не могу поверить, сэр, но я сама видела его там. Его задушили его собственным шарфом, и мисс Бренда говорит, что он мертв.

Глава четвертая
Хитрость

В четверть седьмого вечера — перед самым началом грозы, о которой впоследствии так много говорили, — смешанные пары в составе Бренды Уайт и Фрэнка Дорранса против Китти Бэнкрофт и Хью Роуленда решили, что продолжать игру невозможно.

Во-первых, настолько стемнело, что было почти не разглядеть мяча. Хью Роуленд неожиданно обнаружил, что он из ниоткуда появился под самым его носом — поразительное явление: он редко оказывался там, куда попадал мяч. Хью уже оставил все попытки играть в хороший теннис. Единственное, чего он хотел, так это бить по мячу, бить изо всей силы, где бы тот ни оказался.

После четвертого гейма они поменялись местами. Теперь Хью и Китти оказались на южной стороне, спиной к просвету в стене тополей. Порывы ветра раскачивали деревья, то и дело поднимали козырек Китти и засыпали глаза пылью. Очередная вспышка молнии, за которой последовал оглушительный удар грома, ярко

осветила раскачивающуюся на столбах сетку.

— Фрэнк, давай прекратим! Пойдем. Прошу тебя!

— Чепуха, старушка.

— Фрэнк, пожалуйста! Я больше не хочу, я боюсь грома. Побежим к дому или хотя бы к павильону, пожалуйста!

— Я почти уверена… — без всякой уверенности начала Китти.

— Вздор, старушка. Гром не причинит тебе вреда. Молния — вот чего надо бояться. Все в порядке. Продолжим. Для победы нам нужен только один гейм. Твоя подача, Бренда. Не раскисай!

Именно так и следовало говорить с Брендой. Когда над верхушками тополей вновь блеснула молния, Хью увидел, что Бренда взяла себя в руки, а Фрэнк пританцовывает перед самой сеткой. Ее подача была резкой и стремительной; Китти отразила удар и послала мяч Хью, который, стремясь лишь к тому, чтобы все это поскорее закончилось, ударил почти вслепую изо всех сил. Мяч скрылся в темноте, раскаты грома заглушили стук ракетки, и поэтому Хью не мог определенно сказать, что именно произошло, пока не прозвучал торжествующий голос Фрэнка:

— Готово! — Затем он добавил еще громче: —

Но на вашем месте, Роуленд, я не пытался бы делать это слишком часто.

— Не пытался бы делать *что*?

— Посылать мяч прямо мне в лицо с расстояния десяти футов.

— Я не вижу вашего лица. Извините.

— Разумеется, вы сделали это не специально. Продолжим, Бренда. Подними мяч и перестань дрожать. Похоже, Роуленд теряет контроль над собой. Еще два очка — и победа за нами.

Хью действительно окончательно потерял самообладание. Он и сам знал это, но, подходя к сетке, старался сделать вид, будто совершенно спокоен.

— Вы, — проговорил он, — как всегда, правы. Последние полчаса я размышляю над тем, не дать ли вам в глаз. Пожалуй, я сейчас так и сделаю. Откровенно говоря, мне бы хотелось вас убить.

Его противник и глазом не моргнул:

— Ничего не получится, старина. Вы на три дюйма выше и почти на три фунта тяжелее меня и отлично это знаете. Более того, я вовсе не боюсь вас. Связываться с вами было бы просто глупо, а я глупостей не делаю.

Хью внимательно смотрел на подтянутую фигуру по другую сторону сетки, на розовое, словно

восковое, лицо, на сверкающие в свете молнии глаза и чувствовал, что настроение его изменяется. Он ничего не мог поделать с собой. За тем, что вызывало у него отвращение, крылось нечто такое, чем он не мог не восхищаться. Гнев утих и сменился горькой самооценкой. Хью понимал, что терпеть не может Фрэнка прежде всего потому, что тот на восемь или девять лет моложе его и уверен в себе, как очень немногие молодые люди, едва перешагнувшие порог двадцатилетия.

«Да, — подумал он, — возможно, было бы неплохо, если бы Фрэнк умер».

— Я бы просто не стал драться, — продолжал Фрэнк. — Ведь вы не можете ударить человека, который не даст вам сдачи, не так ли? Если бы вы сделали это, то были бы настоящим хамом.

— *Он* не может, — каким-то странным тоном сказала Бренда. — Но предположим, что ты встретишь того, кто смог бы?

— Тогда я обошелся бы с ним по-другому, — холодно отрезал Фрэнк. В темноте он повернулся к Хью и заговорил дружелюбным, ласковым тоном: — Послушайте, старина. Сегодня вы уже дважды выставили себя настоящим ослом, что весьма и весьма примечательно: ведь вы, по словам Бренды, такой дока в своей профессии.

Лично я думаю, что вы чуток прихвастнули, чтобы произвести впечатление на Бренду, поскольку в нашем вчерашнем споре проявили себя не с самой лучшей стороны. Однако покончим с этим, ладно? Возвращайтесь на свое место, и закончим сет, пока не пошел дождь.

Есть предел человеческому терпению. Трудно сказать, что могло бы произойти именно сейчас, а не чуть позже, если бы именно в эту секунду не разразилась гроза.

— Заберите мячи, — крикнул Фрэнк и, взяв Бренду за руку, поспешил в укрытие. — Заберите их, Роуленд. Они с вашей стороны сетки. Пошли!

Первые капли дождя прибили пыль на покрытии корта. Она набухла и потемнела. За кромкой корта, внутри проволочной сетки, шла заросшая травой тропа в фут шириной; большинство мячей закатилось именно туда, они лежали в углах, и достать их было довольно трудно.

Когда Хью побежал за остальной компанией к маленькому павильону, он уже наполовину промок.

Молодые люди собрались под навесом крошечного крыльца, который почти не защищал от дождя. Бренда пыталась открыть дверь. Но та не поддавалась.

— Помогите мне, — попросила она, перекрывая рев бури. — Не думаю, что дверь заперта, но она никак не открывается. Ах! Ничего не выходит. Если вы не хотите попасть внутрь, то я очень хочу.

— Похоже, ты и впрямь не любишь грозу, старушка? — спросил Фрэнк, небрежно надевая пиджак и повязывая шарф.

— Не люблю и откровенно признаюсь в этом.

Фрэнк занимался шарфом. Тот был из плотного бело-голубого шелка и, словно флаг, трепыхался на ветру. Фрэнк сложил его вдвое, намотал на шею и завязал узлом.

— Дверь просто заклинило, — сказала Китти. — Мы с Фрэнком заглядывали сюда по пути к дому. Пустите, дайте попробовать. — Она навалилась на дверь плечом, и та заскрипела. — Вот видите! Готово! Ура! Здесь довольно душно!

Китти была права. Павильон был немногим больше детского игрушечного домика, и казалось, будто дождь барабанит прямо по голове. Некрашеные стены побурели. С гвоздя на потолке свисала масляная лампа, словно специально для того, чтобы стукнуться о нее лбом; вдоль стен тянулись деревянные шкафы, в центре стояли две скамьи. От царившего в павильоне полумрака на всех нахлынули воспоминания детства.

— Входите и закройте дверь, — сказала Бренда. — Здесь получше, хоть и ненамного. Ах!

В голосе Китти послышалось легкое удивление.

— Послушай, Фрэнк. Как странно. После нас здесь кто-то побывал.

— Здесь? Вздор. Кому здесь быть?

— Не знаю, но кто-то был. Посмотри на скамью, где сидит Бренда. Здесь кто-то был и оставил газету. Зажги спичку.

Фрэнк послушался. Огонек спички, в тесном помещении показавшийся настоящим факелом, осветил утренний номер «Дейли фладлайт», бульварной газеты с массой самых сенсационных сплетен.

— Сорок пять минут назад ее здесь не было, — сказала Китти, имевшая привычку беспокоиться по пустякам. — Вот что я скажу, Фрэнк. Ты не знаешь, есть ли в окрестностях воры или бродяги?

Бренду все это нисколько не занимало. С внезапным волнением Хью заметил, что ее лицо побледнело и приобрело восковой оттенок. Словно зачарованная, она время от времени бросала взгляд на озаренные вспышками молнии окна. Но, явно не желая поддаваться смятению, она делано рассмеялась.

— Воры? Не думаю, — ответила она, с отчаянием хватаясь за новую тему. — В павильоне нечего красть. Я держу здесь пару грязных теннисных туфель да кой-какую мелочь. Вот и все. Воров это не заинтересует.

Она кивнула на валявшийся в углу предмет, который они успели разглядеть, перед тем как погасла спичка. Это была кожаная корзина для пикников, некогда стоившая немало, похожая на очень большой и тяжелый баул, но теперь заброшенная, с пятнами плесени здесь и там. Фрэнк ударил по ней ногой — раздался звон посуды. У Китти вырвался горестный крик:

— Бренда, как тебе не стыдно! Какая чудесная корзина, и фарфор замечательный. А термосы! Все это валяется здесь с нашего последнего пикника в прошлом году. Почему ты не забрала ее в дом?

— Заберу, заберу, — сказала Бренда. — Сегодня же. Мария тоже приставала ко мне с посудой. Торжественно обещаю, — ее голос зазвучал громче, — сегодня же забрать ее в дом. Решено! Ты довольна?

Китти сменила тон:

— Извини, что надоедаю тебе, Бренда. Но меня очень беспокоит эта газета. Как она могла здесь

оказаться? Фрэнк, зажги еще одну спичку. — Она громко прочла заголовок: — «Хорошенькая продавщица отравилась газом в своей квартире». Интересно, зачем печатают такие вещи?

— Затем, что людям они нравятся, старушка, — холодно проговорил Фрэнк. — То есть если газетные писаки как следует сдобрят сплетню. Ты же знаешь их приемы. Каждая машинистка или продавщица — хорошенькая, каждая однокомнатная конура — квартира…

— Но она действительно хорошенькая, — возразила Китти. — Посмотри на фотографию. Мэдж Стерджес. Тебе так не кажется, Фрэнк?

Фрэнк взглянул на фотографию, пока не погасла спичка:

— Недурна. Но все равно дурочка. Она не умерла. Попытка самоубийства уголовно наказуема, я это выяснял; теперь у нее будут неприятности с полицией, и она получит по заслугам.

Сам не зная почему, Хью Роуленд почувствовал, что беседа приняла новый оборот. В голосе Фрэнка слышалось плохо скрытое торжество. Хью захлопнул дверь. Все они невольно оказались запертыми в маленьком темном укрытии, предполагавшем известную близость. Фрэнк сел на скамью рядом с Брендой, и Хью, несмотря на

мрак, увидел, как он обнял девушку за талию одной рукой. Хью и Китти сели напротив. Даже в реве бури они без труда разбирали каждое слово. Они сидели так близко, что могли слышать дыхание друг друга.

— Ты это выяснил? — из темноты спросила Китти. — Но зачем?

— О, я многим интересуюсь, — поспешно ответил Фрэнк. — Убийствами, самоубийствами, да мало ли чем! Как бы то ни было, убийство намного интереснее. — (У Хью было такое чувство, что в этой кромешной тьме в глазах Фрэнка светится веселье.) — Послушайте! Вот игра, как нельзя больше подходящая для дождливого дня! Мы по очереди будем придумывать страшные истории, в том числе и наш эксперт по части криминалистики…

— Наш эксперт по криминалистике? — переспросила Китти.

— Роуленд. Ты не знала?

Хью почувствовал, как Китти, словно пытаясь загладить вину, плотно придвинулась к нему, увидел, как блеснули ее белые зубы.

— Боюсь, что не знала.

— Да-да. Спроси хоть Бренду. При мне он скромничает. Однако здесь есть одна сложность.

Предположим, вы действительно намереваетесь совершить убийство… Как бы вы его осуществили? — Он поднял вверх один палец. — Подождите. Минуту. Все должно быть по-настоящему. Я имею в виду, что это должно быть реальное убийство, так сказать, для домашнего потребления, а не одно из этих математически выверенных «идеальных преступлений». Однажды я задал такой же вопрос Нику. Он очень увлекся и придумал прямо-таки чудесный план — идеальное алиби, но он был таким запутанным, что ни один убийца не смог бы запомнить из него и половины. Когда я высказал свое мнение, он очень рассердился и заявил, что у меня нет художественного вкуса. Ну нет так нет. Ваш план не должен повторять что-нибудь вычитанное из книг. Он должен быть простым, таким, чтобы его можно было использовать на практике. Вы действительно задумали кого-то убить… как вы это сделаете?

— Вы в самом деле хотите узнать об этом? — спросил Хью.

На губах Фрэнка появилось некое подобие улыбки.

— Вовсе нет, старина, — откровенно признался он. — Право, это меня нисколько не интересует. Всего лишь способ скоротать дождливый день

— но я не прочь послушать, как вы с этим справитесь.

Жить ему оставалось уже сравнительно недолго.

— По-моему, говорить о таких вещах просто ужасно, — вполголоса вставила Китти: по ее тону было нетрудно понять, что тема ее волнует. — Но это *действительно* интересно, разве не так?

— Очень, — сказал Хью.

— Я бы воспользовалась углекислым газом, — словно раздумывая, продолжала Китти. — Знаете, газ из выхлопной трубы автомобиля. Вы накачиваете жертву спиртным, запираете ее в гараже, где стоит машина с включенным мотором, и выхлопной газ в мгновение ока делает свое дело. Это безболезненно, не хлопотно, здесь даже есть что-то от спорта.

— Послушай, Китти, — заметил Фрэнк. — Как умер твой муж? Я имею в виду незабвенного мистера Бэнкрофта.

Из-за стука дождя по крыше наступившую паузу нельзя было назвать тишиной. Но она очень напоминала тишину. Фрэнк продолжал со своей всегдашней подкупающей откровенностью:

— Я хочу сказать, что нам о тебе почти ничего не известно, согласись. Нам известно, что ты пе-

реехала сюда, имеешь дом по соседству, держишь шнуровых терьеров, со всеми мила и довольно состоятельна. Вот и все. Ты никогда не говоришь о своем покойном повелителе. Как он умер?

— Он действительно умер так, как я описывала, — ответила Китти, — и меня обвинили в том, что я его убила. Но им так и не удалось ничего доказать. Недавно, услышав, что здесь был детектив из Скотленд-Ярда, я очень испугалась, что после трех лет им удалось отыскать новые улики.

Казалось, Фрэнк больше всех был потрясен словами Китти.

Они услышали, как зашуршал по скамье его твидовый пиджак. Но когда яростная вспышка молнии осветила крошечное помещение, все посмотрели на Китти. Она набросила на плечи свитер, откинула волосы; гордо выпрямив стройную, гибкую спину, высоко подняв голову, она пристально вглядывалась в темноту. Затем Китти разразилась звонким, пленительным смехом.

— Видите ли, вы все *слишком* молоды, — сказала Китти. — И сейчас вы это доказали. На секунду я подумала, что вы мне почти поверили.

Фрэнк сел подчеркнуто прямо:

— Ты имеешь в виду, что не?..

— Конечно это неправда, юный дьявол. Мой

муж был очень достойным канадцем, вдвое старше меня, он умер от гриппа в Виннипеге. Я никогда не рассказывала о нем потому, что он был довольно неотесан и едва ли заинтересовал бы вас, хоть я и была к нему очень привязана. Но я не могла устоять перед искушением подразнить вас.

— Нет, черт возьми, я в этом не так уверен! В твоих глазах что-то такое мелькнуло на одно мгновение…

Китти снова рассмеялась.

— Ну что же, если тебе так хочется раскрыть тайны моего темного прошлого, — сказала она, — можно начать с этого. И если ты действительно считаешь меня убийцей, тебе следует быть осторожней, когда станешь провожать меня. Однако я буду на этом настаивать, и вы, молодой негодяй, знаете почему. Но ведь ты не считаешь меня убийцей, правда?

— Нет. Но тебе, старушка, не следует говорить такие вещи.

— Фрэнк, тебя что-то беспокоит?

— Чепуха.

— Да, беспокоит, — очень спокойно повторила Китти. — Тебя что-то беспокоит с тех пор, как мы вошли сюда и завели эту очаровательную беседу.

В чем дело? Ну же, скажи тетушке Китти.

— Перестань молоть вздор.

Китти была абсолютно спокойна.

— Как хочешь. Однако тема интересная: я имею в виду убийства. А ты почему молчишь, Бренда? Ты не произнесла ни слова. Внеси свою лепту в нашу игру. Если бы ты решилась на убийство, то каким образом совершила бы его?

— Ах, я все продумала, — сказала Бренда. — Я знаю отличный способ.

Глава пятая
Убийство

В маленьком помещении, где сидели молодые люди, стало настолько душно, что было трудно дышать. К тому же начала протекать крыша; Хью почувствовал на шее капли воды и услышал, как дождь капает на корзину для пикников, которая стояла рядом с ним.

— Ну-ну-ну, — сказал Фрэнк, снимая руку с талии Бренды. Он изо всех сил старался, чтобы голос его звучал саркастически. — Итак, наша малышка все знает об этом, да?

— Да. Китти вспомнит. Ник нам рассказывал.

— *Ник* вам рассказывал? Я ничего об этом не слышал.

— Не забывай, Фрэнк, — сказала Бренда, не двигаясь, — что ты не живешь в этом доме. У тебя своя квартира в городе. Поэтому ты нечасто здесь бываешь. Когда позавчера вечером заговорили на эту же тему, в гостиной были Китти, я и еще два или три человека.

— Ну и что из того?

— Ник рассказывал нам способ, как легче всего

совершить убийство и не оставить никаких улик. Он сказал, что большинство людей о нем даже не подумают, поскольку сочтут уж слишком простым. Помнишь, Китти?

— Да.

— Ты играешь нечестно, — заметил Фрэнк, — раз не сама придумала этот способ. Как бы то ни было, что это за метод, доступный двоечнику?

У Китти заметно повысилось настроение.

— Это целая история, — рассмеялась она. — Мы вовсе не хотим, чтобы об этом способе узнало слишком много народу, так ведь, Бренда? Нет, серьезно. Наш разговор зашел слишком далеко. Видели ли вы в последнее время какое-нибудь хорошее шоу? Говорят, «Пандора» — замечательный спектакль.

— Господи, вот женщины! — воскликнул Фрэнк. Он был так раздражен, что даже привстал со скамьи. — Роуленд, я вас спрашиваю, я взываю к вам: вы когда-нибудь слышали нечто подобное? Вы измышляете тему. Вы из кожи вон лезете, чтобы развлечь их. А они все делают по-своему: сперва воспринимают вас слишком всерьез, а потом, как устрицы, прячутся в свою раковину. Отвратительная манера, скажу я вам. Я спрашиваю вас, как мужчина мужчину: что вы об этом

думаете?

Хью смотрел в окно. Он слышал, как тикают часы Бренды.

— Я думаю, что пора сменить пластинку, — сказал он.

— Значит, вы с ними заодно, так? Но почему?

— Я дам вам один совет, — сказал Хью. — Убийство — интересная тема, если подходить к нему чисто теоретически, как доктор Янг. В теории его и оставьте. Занимайтесь своими идеальными алиби, хитроумными способами, как провести полицию, проблемами и головоломками на бумаге. Но не спрашивайте, как на практике лучше всего убить человека.

— Нет? Почему?

— Потому что вы никогда не видели людей, умерших насильственной смертью, — сказал Хью. — А я видел.

Тиканье наручных часов стало слишком громким.

— Остекленелые глаза. Открытые рты. Это самое отвратительное зрелище в мире, и оно-то вас так привлекает. Бросьте.

— Здесь невыносимо душно, — сказала Китти. — Немного дождя нам не повредит. Хью, будьте любезны, откройте дверь.

Хью ногой распахнул дверь.

Тема была убита, мертва, как те люди, образы которых проплыли перед глазами Хью Роуленда. Довольно долго все сидели молча, глядя на ливень, превративший теннисный корт в месиво грязи и сорвавший промокшую сетку. Брызги влетали в павильон и попадали в глаза. Повеяло прохладой, сразу стало легче дышать. Хью расслабился и слушал словно сквозь сон. Шум бури начал затихать вдали. В семь часов, как ни трудно в это поверить, в мире воцарилась тишина.

Фрэнк пришел в себя.

— Все прошло, — сказал он. — Я чувствую себя гораздо лучше. В миллион раз лучше. Посмотрите, во что превратился корт. Видите?

В это время ему оставалось жить меньше двадцати минут.

— Самый сильный ливень за последние десять лет, — заметил Фрэнк. — Теперь ванна, мартини и обед. Извините, Роуленд, но вы не можете остаться к обеду. Это было бы неудобно. Обед готовят Бренда и Мария; остальные слуги на сегодня отпущены. Вы ведь быстро справитесь, правда, старушка? Я голоден как волк.

— Да, мы быстро справимся.

— Ну, мне надо идти, — сообщила Китти, ода-

ривая всех улыбкой. — Обедаю я рано, а повар у меня с характером. Благодарю всех за отличную игру. Мы скоро отыграемся, Хью. Фрэнк, ты не проводишь меня до дома?

Фрэнк был в нерешительности.

— Портсигар, — настаивала Китти, подняв ракетку. — И та книга, которую я не позволю тебе забыть.

— Хорошо. Да, пожалуй, провожу.

Все четверо пошли к калитке.

— Но только туда и обратно. Это не больше пяти минут, Бренда. Так что никаких глупостей, старушка, пока меня не будет. До свидания, Роуленд. Не думаю, что мы снова увидимся.

Хью резко остановился.

Они уже прошли через проход в тополях, затем через калитку в живой изгороди. Слева была терраса. Перед ними, рядом с террасой и за ней, шла подъездная дорога к гаражу, а невдалеке от нее — ведущая к задней стене поместья гравийная тропинка, по которой Фрэнку предстояло проводить Китти домой. Фрэнк тоже остановился в мокрой траве.

— Вам не кажется?.. — начал Хью.

— После того, что произошло, вы вряд ли могли ждать чего-нибудь другого, а? — холодно осведо-

мился Фрэнк, и Хью впервые заметил странный блеск в его глазах. — Если вы полагаете, что я забывчив, то глубоко заблуждаетесь. Не думаю, что после того, как я расскажу обо всем Нику, ваше присутствие в этом доме будет желательным.

— Ясно.

— «Я-асно», — передразнил Фрэнк.

— Значит, вы приберегали все это под конец, не так ли?

— Не совсем. Не думайте, что вам удастся отделаться от меня. Прежде чем вы уйдете, мне хотелось бы кое-что сказать вам. Не думайте, что вы хоть сколько-нибудь серьезно заинтересовали Бренду. Не обольщайтесь. Бренда вам сама скажет, что ее мать была ничуть не лучше, чем ей надлежало быть, и она, как дочь своей матери, уже начинает следовать…

Смех Хью заставил Фрэнка замолчать.

Хью не смог сдержаться. Он не знал, буря ли освежила воздух, или на душе его рассеялась мрачная туча. Но впервые за те пять или шесть месяцев, что он знал Фрэнка, заклятие было снято. Он вдруг понял, что представляет собой Фрэнк, — понял, что мальчишка не стоит внимания. Итак, Хью стоял в мокрой траве и громко смеялся.

— Проваливайте, — сказал Хью. — Убирайтесь.

Это ваша последняя пакость. Тебе сюда, Бренда?

И он пошел по подъездной дороге, взяв Бренду под руку. Дорога была довольно длинной, но, даже дойдя до ее конца, он все еще посмеивался; Бренда трясла его.

— Перестань! — настойчиво просила она. — Что ты хотел этим сказать?

— Лишь то, что сказал. Я влюблен в тебя, а этот парень не на шутку меня раздражал, и поэтому я несколько перегнул палку. Юный болван держал меня под своего рода гипнозом. Гипноз прошел. Теперь он мне даже нравится.

— Хью, послушай. Где твоя машина?

— Снаружи. Где-то там. Эта проклятая изгородь…

— Я хочу, чтобы ты сейчас ушел, *сейчас*, понимаешь? Позднее ты можешь вернуться, если хочешь. — Она немного помедлила. — Я… Я собираюсь сказать Фрэнку и Нику, что брачный союз Уайт — Дорранс отменяется.

— Здорово! — воскликнул Хью, поворачиваясь к Бренде лицом. — А как насчет свадьбы Уайт — Роуленд?

— Все зависит от того, — неуверенно проговорила Бренда, опуская глаза, — хочешь ли ты этого по-прежнему.

— Хочу ли я? Дорогая, это слишком сложный и запутанный вопрос, чтобы обсуждать его вот так, с места в карьер. По правде говоря, я только что твердо решил принудить тебя к браку. В случае необходимости похитить. Хочу ли я? Ты права: надо сообщить все кузену Фрэнку и дядюшке Нику. Я сейчас же пойду и все им расскажу.

— Нет, — очень спокойно заявила Бренда.

Подобный тон охладил его пыл.

— Сейчас я пойду в дом, — продолжала она, поднимая глаза. — Если даже ты не можешь пообещать ничего другого, обещай, что ты сейчас же уйдешь. Я не собираюсь говорить им об этом прямо сейчас. Мне надо поразмыслить, и я подожду до конца обеда. К тому времени я все обдумаю, чтобы они не смогли меня переубедить.

— А они могут?

— Нет, не могут. Просто все гораздо сложнее, чем ты думаешь.

— Я знаю, черт возьми! Прошу тебя, брось…

Бренда едва не рассмеялась. Они вышли на улицу — плохо освещенную, обсаженную деревьями дорогу, известную под названием Вал, где старый двухместный «моррис» ждал хозяина, наполовину скатившись в канаву. Небо было по-прежнему темным, за исключением серебристой полоски

на западе, между домами; Бренда подняла глаза и рассмеялась:

— Не проси меня ничего бросать, Хью. В жизни есть не только черное и белое. По-своему Фрэнк действительно любит меня. Ник держит меня на коротком поводке, поскольку видит во мне вторую Нелли Уайт; мне предстоит стать матерью Николаса Янга Дорранса, который (на случай, если тебе это неизвестно) со временем поступит в Сандхерст. Обязательно возвращайся. Мне очень понадобится твоя поддержка. К тому же, если Ник заупрямится, тебе придется забрать меня отсюда.

— Хорошо. Когда мне вернуться?

— В половине десятого.

— Идет. В половине десятого. — Он встал на подножку машины, и у него сдавило горло. — Бренда, послушай. Ты уверена, что знаешь, чего хочешь? Ты уверена, что правильно поступаешь?

— Если сомневаешься, можешь поцеловать меня прямо здесь, на улице, — сказала Бренда.

Затем она ушла.

Сиденье водителя изрядно промокло, но Хью не был склонен обращать внимание на подобные пустяки. Проехав ярдов двадцать по мокрой дороге, он обнаружил, что у левого переднего колеса спустилась шина.

Он вышел из автомобиля и осмотрел дыру, проделанную гвоздем со шляпкой размером с шестипенсовую монету. Он весьма долго смотрел на отверстие и, хотя голова его была полна планами относительно Бренды, все же пришел к выводу, что с шиной необходимо что-то делать. Поэтому он достал ящик с инструментами и принялся снимать переднее колесо, с тем чтобы его заменить. Работа двигалась медленно: голова Хью была занята совсем другими мыслями; они несколько путались при каждом скрипе домкрата, при каждом яростном повороте гаечного ключа. К тому времени, когда он наконец закончил, часы на приборном щитке машины показывали двадцать пять минут восьмого. Тут он вспомнил, что в ящике с инструментами нет насоса.

Он оглянулся и посмотрел в конец улицы. В гараже доктора Янга был насос. Хью припомнил, что видел его на стене.

Вернуться за насосом не значит нарушить слово.

В конце концов, все сейчас в доме. Правда, Фрэнк, возвращаясь от Китти, должен пройти мимо гаража по подъездной дороге. Но Фрэнк, скорее всего, давно вернулся. Подсознательно Хью почти надеялся встретить Фрэнка. Ведь теперь он

не держал на юношу зла, почитая его чуть ли не славным малым и размышляя над тем, что он на самом деле представляет собой. Можно было с уверенностью сказать, что насос начал приобретать значение, несоизмеримое с его истинной ценностью.

Хью отправился назад за насосом.

Небо посветлело. Все плавало в чистом, водянистом сиянии, мягком, как воздух. Идя по подъездной дороге, Хью Роуленд чувствовал себя поистине счастливым. Он вдруг осознал, что имеет все, чего хочет в этой жизни. Это было удивительно. Это было невероятно.

Жизнь вновь обрела смысл; часы вновь пошли, уколы Фрэнка Дорранса перестали причинять боль. Что же до будущего, то о будущем с Брендой можно было только мечтать. Если ей понадобятся деньги, она их получит. Он будет трудиться не покладая рук, чтобы…

Хью остановился.

Протянув руку к двери гаража, он посмотрел направо и увидел, что калитка в живой изгороди вокруг корта, которая, как он помнил, была закрыта, теперь широко распахнута. Он пошел посмотреть, в чем дело, и тем самым определил судьбу человека, которого три месяца спустя,

сопротивляющегося и рыдающего, повели на казнь.

В пространстве между оградой корта и рядами тополей царил полумрак; сильно пахло мокрыми листьями. Войдя, Хью оказался перед узкой стороной корта. Он внимательно осмотрел внутренность высокой проволочной клетки, гладкий буро-серый прямоугольник, в котором выделялись, слабо поблескивая, бочки для дождевой воды. Грязно-белая, сорванная с одного столба сетка. Далеко от себя, в середине корта, он увидел — или это ему только показалось? — что-то похожее на груду старого тряпья.

Но это *что-то* двигалось.

В проволочную дверь быстро прошмыгнула какая-то белая фигура с голыми руками и в шортах. Дверь находилась довольно далеко от Хью, на стороне корта, обращенной к павильону. Казалось, фигура сгибается под тяжестью груза. Она опустила на землю нечто похожее на чемодан; раздался звон. Затем фигура повернулась к проволочной двери, чтобы ее закрыть.

Хью побежал.

Между проволочной дверью и павильоном он нашел Бренду: она стояла слегка согнувшись и прижав руку к груди. Ее волосы свисали на лоб,

по щеке была размазана грязь. Рядом с ней стояла ветхая корзина для пикников, о которую она споткнулась.

— Хью! — воскликнула она.

Он схватил девушку за плечи; его руки тоже были в грязи.

— Хью, — сказала она, — я попала в беду.

Фрэнка Дорранса задушили. Его лицо распухло и посинело, на губах выступила пена, сине-белый шарф был завязан так туго, что впился в шею.

Сперва Хью разглядел лишь один глаз, по которому сразу определил, что Фрэнк мертв: он напоминал глаз рыбы на кухонном столе. Фрэнк лежал на спине головой к сетке недалеко от середины корта. Ноги его переплелись, одно плечо слегка вывернулось. Судя по заляпанным грязью белым брюкам, пиджаку и даже лицу, он катался — или его катали — по земле уже после того, как начали душить.

Вот и все. Он был мертв, просто мертв.

— Мне не следовало этого делать, — сказала Бренда. — О господи, не следовало.

— Спокойно.

— Теперь мне конец, Хью.

— Нет. Не волнуйся.

Он смотрел на эту сцену холодно и зорко, вос-

принимая ее как место преступления. В грязном месиве, покрывавшем корт, четко виднелись отпечатки ног. Начиная от маленькой проволочной двери, одна цепочка шагов — шагов Фрэнка — вела прямо к тому месту, где он лежал. Рядом виднелись следы Бренды, и они шли в двух направлениях — туда и обратно. На всем буро-сером пространстве корта других отпечатков не было. Бренда пришла туда с Фрэнком. Но лишь один из них вернулся обратно.

Глава шестая
Недоверие

— Послушай меня, — сказал Хью. — Ты этого не делала. Это первый пункт. Поняла?

— Да. Конечно.

— Хорошо. Следующий пункт…

— Хью, подожди. По-моему, ты не понимаешь. Я имею в виду, что *действительно* не делала этого. — (Темнеющее небо меняло окраску.) — Нет-нет, клянусь, что не делала. В этом самое ужасное. Я не делала… — она не смогла договорить и сделала жест, словно затягивала шарф, — этого. Ты же так не думаешь, правда?

— Спокойно.

— Когда я сказала, что мне не следовало этого делать, я имела в виду, что мне не следовало подходить к нему. Я сделала это не подумав. И, уже стоя около него, внезапно поняла — поняла, что за этим последует. Я всегда так: сначала что-нибудь сделаю, а потом начинаю понимать последствия. Я оставила там следы. Но я не делала этого.

Она говорила правду. Он понял это по выражению ее лица; более того — он это знал. В тот день

они достигли такой духовной и эмоциональной близости, что могли читать мысли друг друга. Он ничем не выдал чувства облегчения, но она сама поняла, что ему стало легче.

— Ты же веришь мне, да?

— Да, и ты знаешь, что верю. Так что все в порядке.

— Нет, Хью, не в порядке. Далеко не в порядке. Когда я подошла, он лежал как сейчас. Его… его бледное лицо все в грязи, и эта штука вокруг шеи. Он был чудовищем, я его ненавидела; мне даже нередко хотелось убить его именно таким способом; но, пробуя его поднять, я испытывала лишь жалость: ничего подобного мне до сих пор не приходилось видеть.

— Постой. Это действительно ужасно — повернись к нему спиной. А теперь расскажи как можно подробнее, что случилось.

Бренда резко кивнула в сторону корзины для пикников:

— Она послужила мне предлогом.

— Предлогом для чего?

— Чтобы уйти и побыть одной. В субботу вечером, когда все слуги, кроме Марии, уходят, я всегда помогаю ей приготовить холодный обед. Но она старая и капризная, порой с ней бывает

нелегко. Сегодня вечером она была очень не в духе. Оставив тебя у машины, я вернулась к ней на кухню, но не смогла снести ее выходок.

— Продолжай.

— Тогда-то я и вспомнила про корзину. Я говорила тебе, что Мария все время ворчала из-за посуды, которая осталась там. Я упомянула корзину, и Мария снова принялась ворчать. Я сказала, что, если она не против, я сейчас же схожу и принесу баул. Я пришла сюда…

— В какое время это было? Ты помнишь?

Бренда все еще говорила очень быстро. Но в целом стала гораздо спокойнее.

— Да. На моих часах было около двадцати минут восьмого. Я ушла от тебя примерно в десять минут восьмого. Я в этом уверена, потому что все время смотрела на часы и прикидывала, когда ты вернешься за мной сегодня ве… ах, Хью, сегодня вечером. Сегодня вечером!

Хью прервал ее:

— Значит, Мария знала, что ты идешь сюда. Который теперь час? Ровно половина восьмого. Хорошо. Продолжай.

— Хью, почему ты так говоришь со мной? Словно предъявляешь обвинение.

— Я хочу четко выстроить последовательность

событий. Это убийство, Бренда, и нельзя допустить, чтобы ты оказалась в нем замешана.

— Ах, как будто я уже не замешана в нем! Дорогой, все *очень скверно.* Тебе не все известно, иначе ты бы понял. Меня обвинят в этом, Хью. Обвинят.

— Нет. Тебя ни в чем не обвинят — запомни это. Ну же, продолжай.

Она постепенно проникалась его настроением.

— Так вот… Я пришла сюда. Я не спешила. Когда я подходила к корту, то не увидела его. Было довольно темно, а он лежал с той стороны сетки; к тому же я думала совсем о другом. Я решила, что раз уж я здесь, то заберу наконец корзину с посудой. Я зашла в павильон и взяла корзину. Выходя из павильона, я подняла глаза и увидела, что он лежит здесь. И побежала к нему.

— Оставив тяжелую корзину?

— Нет, вместе с корзиной.

— Почему?

— Не знаю. Я об этом не думала. Я бежала и обеими руками держала ее перед собой.

— Проволочная дверь была открыта или закрыта?

— Открыта.

— Хорошо. Что дальше?

— Ты его видишь. Он лежал точно так же. Я попробовала развязать шарф, чтобы посмотреть, не подает ли Фрэнк признаков жизни, но шарф был так туго затянут, что впился в шею… Я сломала ноготь на среднем пальце. Он зацепился за ворс его твидового пиджака; кусочек ногтя застрял между воротником и шарфом; можно подумать, что я оставила его там, когда затягивала концы.

— Продолжай.

— Это все. Я вдруг подумала про следы, которые оставила, когда бежала.

— Да. Следы. Следы, ведущие к нему и от него. Это твои следы?

— Конечно мои.

— Но там должны были быть еще чьи-нибудь следы, кроме твоих и Фрэнка.

— Но их не было.

— Никаких отметин?

— Совсем никаких.

— Послушай, Бренда, — мягко сказал Хью. — Это невозможно. Посмотри на него. Да, обернись и посмотри. Он лежит в центре своего рода гигантской клетки, сделанной из проволоки, с мягким, как песок, дном. Я знаю, ты его не убивала, но кто-то же убил. Итак, этот кто-то должен был добраться до него, чтобы убить. Ты понимаешь?

Теннисный корт составляет семьдесят восемь футов в длину и тридцать шесть в ширину. Но это только считая белые линии. За линиями с каждой стороны есть пустое пространство в шесть футов шириной. Таким образом, в целом песчаное покрытие составляет площадь в девяносто на сорок восемь футов. Фрэнк — в самом центре. Вокруг него во всех направлениях по меньшей мере на двадцать четыре фута на песке нет никаких следов.

— Да, это очевидно.

Становилось прохладно.

Шок, вызванный смертью, стал проходить. Они не привыкли и никогда не смогут привыкнуть к этой картине: Фрэнк, скорчившись, лежит на мокром теннисном корте. Оба одновременно подумали о том, как воспримет случившееся доктор Николас Янг. Но сейчас невозможно было ни размышлять, ни задавать вопросы. А вопросы эти один за другим проносились в голове Хью. Что Фрэнк делал здесь? Предположительно, Фрэнк возвращался из дома Китти Бэнкрофт. Возвращаясь, он должен был пройти рядом с калиткой в живой изгороди. Кто-то мог ждать его там и уговорить войти внутрь. Дальнейшая картина терялась в тумане. Что он делал на корте? Зачем

ему было туда заходить? Например, где его ракетка и сетка с мячами, которые были при нем, когда они в последний раз его видели?

Бренда провела по лбу тыльной стороной руки.

— Это не все, — сказала она. — Мы говорили об убийствах, да? Я сама вынесла себе приговор. Помнишь тот очень простой способ убийства, о котором я при всех вас намекнула, — тот, который, по моим же словам, я продумала до мельчайших подробностей?

— Да.

— Это удушение, Хью.

— *Удушение?*

Она стиснула зубы.

— Китти, конечно, вспомнит, так что скрывать бесполезно. Такой простой способ. Очень-очень простой. Когда Ник его описывал, я не поверила и не верила до тех пор, пока не нашла подтверждение в книгах по медицине. Подумать только — и Мария застала меня за чтением; она терпеть не может, когда девушки читают книги по медицине, а ко мне относится так, словно мне двенадцать лет. Послушай, Хью. За три-четыре секунды человека можно лишить сознания, всего-навсего нажав на то, что называется каро-

тидной артерией и вагусным нервом… Посмотри! Предположим, я кладу ладони тебе на щеки, а большие пальцы — на каротидные артерии шеи. Три или четыре секунды! Для этого не требуется большой силы. Человек теряет сознание, не успев сообразить, что происходит, понимаешь?

Хью взял ее за руки.

— Перестань, — резко сказал он.

— Но…

— Ты хочешь до смерти запугать себя? Перестань, слышишь?

— Дай мне закончить. Я должна закончить. Когда кто-то носит шарф, концы которого болтаются, это намного проще. Надо только схватить их из-за спины и туго затянуть. Так делают разбойники, нападающие из-за угла. Шарф автоматически перекрывает артерии. Жертва не может даже вскрикнуть. Через несколько секунд она теряет сознание, и ее приканчивают. Я думала об этом сегодня днем, когда увидела шарф Фрэнка. Ах, я не имею в виду, что действительно сделала бы это; но гроза вывела меня из равновесия, и я подумала об этом. Видишь, как просто? Ник говорит, что именно поэтому люди иногда убивают, сами не желая того. Ник говорит…

— Значит, ответственность за все это несет

добрейший доктор Янг, — сквозь зубы проговорил Хью. — О боже, надеюсь, теперь он может гордиться собой.

— Для него это конец, — очень спокойно сказала Бренда. — Знаешь, я просто не могу поверить. — Она помедлила. — Не будет никакой свадьбы. — Она сделала еще одну паузу. — И я богата.

— Что значит — богата?

— Завещание дядюшки Джерри Нокса. Если Фрэнк или я умрем до свадьбы, все наследство переходит тому, кто остался в живых. — Оба замолчали, был слышен лишь шум ветра в деревьях. Наконец Бренда добавила: — Ведь именно это и называют мотивом, правда? Я точно знаю, что они скажут, — продолжала Бренда. — Скажут, что я подкараулила Фрэнка, когда он возвращался от Китти, и сообщила, что наш брак отменяется. Скажут, что он пришел в ярость, а кто видел ярость Фрэнка, тот никогда этого не забудет. Скажут, что я вышла из себя, — а это вполне могло бы случиться! К тому же мой ноготь застрял в его воротнике. И только мои следы ведут туда и обратно. Я пропала, Хью.

— Нет.

— Ты хочешь сказать, что есть выход?

— Да. Все это — не более чем подтасовка фактов. Откуда в павильоне появилась газета? Откуда Фрэнку так много известно о том, что девушка по имени Мэдж Стерджес пыталась покончить с собой? Зачем сюда приходил суперинтендант полиции?.. — Он прервался. — Боже всемогущий, я совсем забыл о нем! Его уже нет в доме, да?

— Нет, с этим все в порядке. Мария сказала, что он ушел перед самой грозой. Она не знает, что ему было надо. Думает, что приходил из-за машины.

— И все же странно, — задумчиво проговорил Хью. — Но если это подтасовка… что ж, мы ответим на нее такой же подтасовкой.

— Ты имеешь в виду фальсифицированную защиту?

— Да. А теперь скажи мне вот что. Ты сумеешь лгать убедительно, если я точно скажу, что` надо говорить? Нет, подожди. Подумай, прежде чем ответить. Если не сумеешь, мы придумаем что-нибудь другое.

— Сумею!

— Уверена?

— Да! Но, Хью… я имею в виду, не будут ли у нас из-за этого неприятности?

— Вполне возможно. Но нынешнее положение дел грозит нам неприятностями прямо сейчас, а

не в будущем.

— Я с тобой заодно, — сказала Бренда, и в голосе ее прозвучало какое-то яростное веселье. — *Совершенно* заодно! Что я должна делать? Только скажи.

— Во-первых, забудь все, о чем ты мне говорила, кроме того, что ты пришла сюда: Марии это известно, и она не станет отрицать. Во-вторых, мы забудем обвинение, которое ты выстроила против себя самой: все это вздор, который легко опровергнуть; мешает одно — отпечатки ног. Это факт, то есть единственное, что понимают судьи. Так что следы должны исчезнуть. У вас здесь есть какой-нибудь садовый инвентарь?

— За павильоном стоит все, что нужно для теннисного корта. Газонокосилка, грабли, чтобы выравнивать поле…

— Подойдет. — Хью поглядел на свои ноги, до самых колен покрытые засохшей грязью. — Кажется, ты говорила, что держишь здесь запасные теннисные туфли?

— Да. В шкафу.

— Пойди и надень их.

— Зачем?

— Пойди и надень. Другую пару принеси мне! Поспеши!

Бренда поспешила.

Не сознавая того, они все время говорили шепотом. Кругом было очень тихо. В водянистом полусвете, в котором стираются детали, но четко очерчиваются контуры предметов, было видно, что на травяном бордюре, окружающем корт, не остается никаких следов. Маленький павильон казался неуклюжим и уродливым. Над ним тихо шелестели тополя; воробей чирикал изо всех сил, прогоняя сон; шаги поразительно громко шуршали в траве. Сворачивая за угол павильона, Хью думал о том, что самое главное сейчас — время. Спешить, спешить, надо спешить.

Необходимо было срочно принять решение. Фирма «Роуленд и Гардслив» такой спешки не одобрила бы. Он представил себе, как его отец и старый мистер Эдвин Гардслив — оба отнюдь не моралисты, никогда не отличавшиеся чрезмерной щепетильностью, — качают головами и поджимают губы: «Опрометчиво, Хью, о-очень опрометчиво». Они бы предпочли что-нибудь более утонченное. К черту утонченность! Полиция признает лишь один вид улик. И правильно делает. Об утонченности можно будет говорить только тогда, когда грабли до неузнаваемости смешают все следы, как если бы по корту прошлось стадо

слонов. А тем временем надо спешить, спешить.

Осторожно!

За павильоном стояли огромная металлическая газонокосилка, пара граблей, лопата и каток для нанесения разметки.

Все это окружала широкая грязная лужа, в которую Хью чуть было не вляпался.

Он резко отпрянул и почувствовал, как на лбу выступил пот. Да, плохи дела. Он уже начинал чувствовать себя преступником; этим необходимо справиться, иначе он не сможет помочь Бренде. А какие чувства испытывает настоящий убийца? При этой мысли он снова похолодел. Кроме плоских деревянных граблей для разравнивания корта, там стояли обычные садовые грабли с зубьями: хоть и небольшая, но удача. Отпечатки пальцев? Нет! На грубой деревянной поверхности они не останутся. Он вытащил садовые грабли и поспешил к двери павильона, где его встретила раскрасневшаяся Бренда.

В сумрачном саду голоса их звучали непривычно резко.

— Хью, газета. Она исчезла.

Значит, здесь был кто-то посторонний.

— Хоть немного, но нам повезло. Не слишком, но все-таки повезло.

– Я сменила туфли. Что теперь?

— Поставь корзину в павильоне.

Он отодвинул щеколду на проволочной двери корта. С каждым мгновением следы представляли все большую опасность, они словно бы вырастали до невероятных размеров. Когда следы исчезнут, он сможет вытащить из воротника Фрэнка кусочек ногтя Бренды. Когда следы исчезнут, он сможет сам «найти» Фрэнка, оставив Бренду в чистых туфлях на траве. Когда следы исчезнут, когда следы исчезнут, когда слезы исчезнут… Он пронес грабли через проволочную дверь и только успел взмахнуть ими, как из тьмы раздался голос:

— Мистер Роуленд!

Голос звучал резко, пронзительно, раздраженно.

— Мистер Роуленд, сэр, с какой стати вы задерживаете мисс Бренду? Ей пора обедать. Что вы там делаете граблями?

Глава седьмая
Сомнение

Старый Ник, доктор Николас Янг, который твердо решил никогда не стареть, проснулся на своем диване и обнаружил, что Мария, горничная, склонилась над ним и что-то кричит ему в ухо.

Сон мгновенно улетучился. Доктор Янг очутился в длинном, с низким потолком, холодном кабинете с бронзой работы Эпштейна на низких книжных шкафах, с книгами в богатых переплетах, поблескивающих в свете лампы, с гравюрами на стенах и портретом Нелли Уайт над камином. Окна были открыты. Часы на письменном столе, куда он машинально бросил взгляд, показывали (всего) без двадцати восемь. Он расслабился и закрыл глаза, чтобы не видеть лица Марии и унять боль, вызванную первым движением.

Но в голосе его звучало раздражение.

— Мертв? Что значит — мертв?

— Мистер Фрэнк, сэр. Говорю вам.

— Вздор. Он играет в теннис, — пробормотал Ник.

Мария, мешковатая, словно куча тряпья, опу-

стилась на одно колено перед диваном. Она и в молодости не была красавицей, теперь же от ее лица (как часто говаривал Фрэнк) останавливались часы, и волнение не сделало его более привлекательным. Она была испугана, слишком испугана и посему держалась чересчур вольно. Говорила она шепотом:

— Выслушай меня, Ники. Я с ума сойду, если ты меня не выслушаешь. Говорю тебе, это он. Он мертв. Его кто-то убил. Я сама его видела — ни дать ни взять наш старый мистер Ватсон, который сунул голову в духовку газовой плиты. Ваша Бренда, она хотела сходить туда и принести корзину для пикника из хибары, где вы играете в теннис. Я сказала: «Хорошо, идите и прихватите заодно несколько вешалок для одежды». Это было двадцать минут назад. И она не вернулась, а я ждала ее, чтобы смешать заправку для салата — я не знаю, как это делается, — тогда я и пошла посмотреть, в чем дело. А там она с этим Роулендом — и мистер Фрэнк, мертвый и недвижный.

Она испугалась, что сказала слишком много.

Ник не двигался. На его груди по-прежнему лежал открытым «Процесс над миссис Джуел». Веки его были по-прежнему сомкнуты. Но чего она вовсе не могла вынести — это его дыхания.

Молчание длилось слишком долго. То ли от горя, то ли из страха перед тем, что он скажет, то ли из простого сочувствия, но у Марии из уголка глаза скатилась слеза и упала ему на руку. Горе ее вполне соответствовало случаю, и она упивалась им.

Ник тряхнул головой.

— Нет, — сказал он.

— Но я же говорю тебе: да!

— Ты уверена?

— Хотелось бы мне сомневаться, дорогой.

— Как его убили?

Не доверяясь словам, Мария несколько раз провела рукой вокруг собственной шеи; Ник тупо наблюдал за ней.

— Кто?

К этому времени она уже была рада любому предлогу, чтобы взорваться, лишь бы не продолжались эти односложные вопросы. Она буквально завопила:

— Так они мне и сказали! Велели идти прямо сюда и позвонить в полицию. Но если хотите знать мое мнение — так это молодой Роуленд. Даже когда бедный мистер Фрэнк был уже мертв, он пытался ударить его граблями. Да, пытался. Я видела. Только грабли были слишком короткими.

Ник попробовал приподняться на локте.

— Да поразит меня гром небесный, если это не такая же святая правда, как то, что я сейчас здесь, перед тобой! — выкрикнула Мария в бурном порыве чувств, уже не пытаясь щадить своего хозяина. — Они спелись, Ники Янг, и пора тебе узнать это, хоть и с опозданием. Этот Роуленд и мисс Бренда. Там они и стояли, как привидения, у самой двери хибары: он — с граблями в руке, а она что-то прятала за спиной. Заметь, я не говорю, что мисс Бренда имеет к убийству какое-то отношение; но если не ее следы на теннисном корте, где было мокро, вели к бедному мистеру Фрэнку, то хотела бы я знать чьи. Я их видела, и эта парочка знает, что я их видела.

— Тихо ты, мегера! — крикнул Ник.

Теперь она поняла, что действительно зашла слишком далеко. Невидящий глаз Ника привел ее в ужас. Ник задвигал руками, и «Процесс над миссис Джуел» соскользнул на пол.

— Но что она там делала? Почему ты позволила ей выйти?

— Пресвятая Дева, да разве я знала, что она собирается сделать?

— Не верю, — помотал головой Ник. — Расскажи мне, что ты видела. Расскажи по порядку.

Она рассказала и о том, что видела, и о том, что ей почудилось.

— Я и опомниться не успела, как этот Роуленд затараторил: здесь, мол, произошел несчастный случай, идите, мол, и позвоните в полицию. Я говорю: «Я пойду к доктору Янгу, вот куда я пойду».

— А то, что ты сказала про этого малого, Роуленда, правда?

Марии явно не хватало слов, поэтому она ограничилась тем, что подняла правую руку, словно принося присягу.

— Помоги мне приподняться, — сказал Ник.

— Да, дорогой. Есть еще кое-что. Вернулся офицер полиции.

Волосы Ника были взъерошены, он выглядел совсем больным, поэтому Мария, поддерживая его, повторила свое сообщение.

— Офицер полиции? Какой еще офицер полиции?

— Суперинтендант, как-его-там, который уже был здесь.

— Э-э?

— Хэдли — вроде бы так его зовут.

— Но каким образом он оказался здесь так быстро?

— Он пришел по другому делу, — сказала Ма-

рия, вновь принимаясь рыдать. — Он пришел повидать тебя еще раз: говорил, что это очень важно. Я сказала, что ты сдерешь с меня шкуру, если я разбужу тебя между чаем и обедом. Это было до половины восьмого, как раз перед тем, как я пошла туда, к другим. Я сказала суперинтенданту, что если он подождет, то я разбужу тебя в половине восьмого. Я отвела его в библиотеку и совсем о нем позабыла. Как есть позабыла. — И Мария добавила с какой-то дикой радостью: — Он все еще там и совсем обезумел от злости. Но ведь ты не хочешь его видеть, дорогой? И не надо, если не хочешь.

— Да неужто же я не хочу его видеть? Напротив, моя дорогая мегера. Именно этого я и хочу больше всего на свете.

— Но разве ты не хочешь лечь?

— Лечь! Дай мне костыль. — Он кивнул на телефон. — Позвони в отделение полиции; нет, подожди, я сам позвоню. Ступай вниз и немедленно пришли сюда суперинтенданта Хэдли. И не смей называть меня «Ники» и «дорогой» — чтобы я этого больше не слышал, во всяком случае при людях. Понятно?

Он с трудом поднялся, опираясь на костыль; хромая, пересек комнату, оперся о подоконник

одного из западных окон и устремил взгляд в направлении теннисного корта.

Хорошо, что он ничего не смог там разглядеть. Те двое, что стояли возле корта, с каждой минутой все сильнее ощущали угрозу, исходившую от мертвого тела, и переживали крушение своих планов. Хью Роуленд все еще сжимал в руках садовые грабли, а Бренда так замерзла, что едва держалась на ногах.

— Теперь это бесполезно, — заметила она. — Мария видела следы и расскажет об этом. Мы не можем их уничтожить. Хью, о чем мы думали? Должно быть, мы просто обезумели.

— Нет. Это был единственно возможный выход, но он не сработал. — Он сжал зубы. — Что ж, ничего не поделаешь. Если нельзя так, то надо сделать иначе.

— Хью, мы не можем. Нельзя начинать все сначала.

— Я не имею в виду очередную подтасовку фактов. Боюсь, — он горько улыбнулся, — боюсь, нам придется опуститься до того, чтобы сказать правду. Нам надо найти такую интерпретацию случившегося, которой они поверят. Именно интерпретацию.

Он откинул грабли и принялся мерить шагами

широкую травяную полосу.

— Проклятье, ума не приложу, как парня могли задушить в самом центре песчаной площадки и не оставить никаких следов. Я не умею объяснять чудеса. Я знаю только одного человека, который это умеет. Его зовут Гидеон Фелл, и сейчас до него не добраться. Ах, если бы только ты не наделала этих следов! Если бы кто-то другой прошел туда в твоих туфлях, чтобы убить его и свалить вину на тебя! — Хью резко прервался и уставился на новые теннисные туфли на ее ногах. — Кстати, где те, другие, грязные, которые ты сняла?

— В корзине для пикников.

— В корзине для пикников?

— Да. Когда я увидела Марию, то чуть не провалилась сквозь землю. Я стояла на крыльце павильона и держала корзину за спиной, боялась, что она увидит туфли. Поэтому, пока она смотрела на Фрэнка, я засунула туфли в корзину. Там было мало места, ведь корзина набита посудой; но я все-таки закрыла ее и поставила туда, где она стояла.

— Хм. Какого размера у тебя туфли?

— Четвертого. Но…

— Довольно маленькие, не так ли?

— Да, пожалуй. Средний размер — пятый. Что

ты надумал?

Хью пришла в голову какая-то мысль, но, немного подумав, он отбросил ее.

— Нет! — сказал он с отчаянной решимостью. — Это не годится даже для фальсифицированной защиты. Женщина *может* надеть такие туфли, но никак не мужчина. И, несмотря на то что ты говорила про удушение, это сделал именно мужчина. Удушение — способ, которым женщины никогда не пользовались и пользоваться не будут. Кроме того, скрывая правду, мы сыграем на руку убийце — он же над нами и посмеется. Нет уж, черт побери. Мы будем искренни до конца, и все же мы их побьем.

— Наверное, ты прав, — проговорила Бренда бесцветным голосом. Она запустила пальцы в темно-золотистые пряди, упавшие на лоб, и отбросила их назад. Даже глаза ее потускнели. — Хью, я пойду в дом. Я больше не могу оставаться здесь. Когда… когда прибудет полиция?

— Через пятнадцать-двадцать минут. Почему ты спрашиваешь?

— Потому что сейчас я не могу никого видеть. — Она сжала руки. — Я хочу принять горячую ванну. Хочу смыть с себя эту грязь. Если я сейчас встречусь с кем-нибудь — сама не знаю, каких

небылиц наговорю. Ах!

— Да, это самое лучшее. Поднимись в свою комнату, запри дверь и ляг. Я хочу еще немного побыть здесь…

Она заговорила с легким беспокойством:

— Почему ты хочешь остаться? Что ты собираешься делать?

— Ничего. Совсем ничего! Просто хочу рассмотреть кое-какие мелочи.

Бренда забеспокоилась сильнее. Она подошла ближе к нему:

— Хью, ты что-то задумал. Я вижу. Что ты прячешь в рукаве?

— Коль речь зашла о рукавах, — возразил он, — то ты замерзла, ты вся дрожишь. Вот, накинь мой пиджак. Бери-бери. Он немного замаслен, оттого что я возился с колесом, но зато теплый. — Не обращая внимания на ее протесты, он закутал Бренду в пиджак. — Бренда, клянусь честью, я не собираюсь делать никаких глупостей. Отныне нас спасет только правда, и ничего, кроме правды. Не стану уверять тебя, будто не собираюсь отыскать ноготь, который ты обломала о воротник Фрэнка, и избавиться от него, поскольку именно это я и намерен сделать. На этот счет не беспокойся. Но что касается остального — только правда. Мо-

жет, найдется какая-нибудь улика, какое-нибудь указание, которое объяснит чудо; именно это я и поищу. А теперь иди. Выше голову.

— Хорошо, — сказала Бренда и, прежде чем убежать, крепко сжала руку Хью.

Некоторое время Хью стоял, внимательно оглядывая теннисный корт. Повеяло вечерней прохладой; еще час — и станет совсем темно. В кармане брюк он нашел бензиновую зажигалку и смятую сигарету. Он закурил, глубоко, блаженно вдыхая табачный дым, а голова его тем временем звенела от роящихся в ней планов.

Это убийство было явной ловушкой. Но туда не должна была угодить Бренда, поскольку никто не знал, что ей вдруг придет в голову спуститься в павильон за корзиной для пикников. И тем не менее Бренда попала в хорошо подготовленный капкан. Больше всего его бесило, что настоящему убийце так редкостно повезло, а они сваляли дурака; настоящий убийца ускользнул так же незаметно, как и перелетел над теннисной сеткой, не оставив следов.

Хью не имел ни малейшего представления о том, кто был этот убийца. За исключением того, что касалось Бренды, он ничего не знал про дела Фрэнка. Сейчас он не хотел думать об этом: без то-

го было немало дел. Он сделал несколько затяжек и бросил сигарету в траву. Открыв проволочную дверь, Хью пошел через теннисный корт.

Странное это было чувство — словно идешь по канату, натянутому над широкой улицей.

Корт уже начал подсыхать и твердеть. Туфли Хью оставляли четкие, но не очень глубокие следы. Он старался не наступать на другие отпечатки и поэтому, прежде чем подойти к трупу Фрэнка, сделал довольно широкий круг. Затем он внимательно изучил детали.

Следы Фрэнка шли по косой линии от проволочной двери к середине корта и обрывались примерно в десяти футах от сетки. Здесь Фрэнк упал. Завязалась борьба, либо кто-то нарочно попытался взрыхлить почву вокруг тела. Поверхность корта в этом месте была буквально перепахана по широкому кругу, следы старательно затерты каблуками — настолько, что было почти невозможно определить, где Бренда несколько позже поставила тяжелую корзину для пикников.

Фрэнк лежал головой к сетке: одна рука вытянута, плечо поджато, ноги переплетены. Однако, как он стоял, когда на него напали, определить было невозможно, поскольку он перевернулся

(или его перевернули) по крайней мере раз. Его голова и плечи оставили вмятины на мягкой поверхности корта. Один конец шелкового шарфа, которым его задушили, был порван его собственными ногтями, когда Фрэнк пытался отвести руки убийцы от своего горла.

Ногти.

При этой мысли Хью похолодел.

Он зажег бензиновую зажигалку, поднес ее к Фрэнку (дело не из приятных) и после тщательных поисков нашел в ворсистом твидовом воротнике кусочек покрытого лаком ногтя Бренды.

Неужели это сделала все-таки она?

Хью не верил, что это она; и все же… Безумная, предательская мысль, — мысль, заслуживающая всяческого осуждения. Но она все-таки мелькнула в голове у Хью, что было тем более неприятно в отсутствие Бренды. Если бы она была здесь, если бы он мог ее видеть, он ни за что бы так не подумал. Однако назойливая мысль не покидала его, ведь пока он не увидел труп Фрэнка собственными глазами, он не осознавал всю безнадежность попыток разумно объяснить это «чудо».

«Я говорил ей, — твердил он самому себе, оглядываясь по сторонам, — что отсюда до твердой почвы по бокам корта никак не меньше двадцати

четырех футов. А до задней стороны корта — и все тридцать пять. Вокруг трупа раскинулась впечатляющих размеров площадка, покрытая песком, которую убийца должен был пересечь, которую убийца явно пересек. Но как?»

Это было невероятно. Вокруг песчаного корта тянулся травяной бордюр с фут шириной. За ним высилась проволочная ограда, которую поддерживали столбы, стоявшие на равном расстоянии друг от друга. Мог ли убийца встать на травяной бордюр и допрыгнуть до взрыхленного участка? Бред! Прыгнуть на двадцать четыре фута? Хью вдруг обнаружил, что в голову ему приходят самые что ни на есть дикие и фантастические идеи. Например, не мог ли убийца пройти сюда по верху проволочной сетки, как канатоходец? А затем перепрыгнуть расстояние в десять футов и оказаться там, где сейчас лежал Фрэнк?

Подобное предположение было еще более безумным — Хью едва не рассмеялся. И непременно рассмеялся бы при других обстоятельствах. Однако догадка, точнее, уверенность поразила его с быстротой молнии: Фрэнка могли уговорить (и уговорили) пройти на середину корта примерно под таким предлогом. Предположим, убийца сказал: «Послушай, я ставлю десять зеленых на то,

что перейду корт по верху сетки». Фрэнк обожал всяческие пари. Хью с отвращением вспомнил свой бурный спор с Фрэнком по поводу какого-то гимнастического рекорда, затеянный при Бренде и Китти. Но пройти по плохо закрепленной сетке, сойти с нее, снова вспрыгнуть и, не потеряв равновесия, вернуться обратно? Невероятно, более чем невероятно!

Но единственной альтернативой этим безумным фантазиям была виновность Бренды.

Хью отказывался верить в нее и в знак этого потряс в воздухе кулаком. К тому же никто не мог бы напасть на Фрэнка и вцепиться безжалостной бульдожьей хваткой в концы его шарфа, не перепачкавшись с головы до пят. Была ли грязь на ногах и коленях Бренды или на ее белом наряде? При всем старании он не мог этого вспомнить. Помнил только грязное пятно на щеке.

Вздор. Невинный вид, пронзительную чистоту глаз, отчаяние, смешанное с надеждой, нельзя подделать. Внутренний голос подсказал: «Не валяй дурака, ты отлично знаешь, что можно, — сам не раз видел». Он послал этот голос ко всем чертям и заткнул уши на его нашептывания. Хью осторожно вытащил кусочек ногтя Бренды из воротника Фрэнка и положил к себе в карман.

Он действовал недостаточно быстро. Чувства его были настолько обострены, что он услышал, как кто-то приближается, хотя этот кто-то находился еще в нескольких ярдах: тихий шорох травы, словно от бегущих ног. С южной стороны между тополями он разглядел серебристый блеск длинного вечернего платья.

Это была Китти Бэнкрофт. Она шла поспешными, короткими шагами, поддерживая у колен развевающееся вечернее платье. Губы были подкрашены темно-красной помадой, прямые черные волосы зачесаны за уши. Хью пошел ей навстречу. По ее виду он даже на расстоянии понял, что она уже знает. Ее глаза были широко раскрыты, словно она бродила во сне. Она остановилась, вперила в него взгляд и выпустила подол платья из рук.

— Значит, это правда, — проговорила Китти.

— Да, правда.

Казалось, Китти не могла отвести от него глаз.

— Я не хотела верить, — сказала она, тяжело дыша, — даже уже зная, что это правда. Даже после того, как Бренда сказала мне…

Страх ледяным холодом сковал сердце Хью.

— Вы разговаривали с Брендой? Где?

— В доме. Я только что оттуда. Фрэнк пригласил

меня поехать потанцевать с ним и Брендой. Это был последний наш разговор. Он хотел воспользоваться моей машиной. Я приехала несколько минут назад и застала весь дом в смятении: Мария рыдает, Ник твердит, что добьется, чтобы вас повесили, и говорит полиции, что это сделали вы.

— Полиции? — закричал Хью. — Но они еще не могут быть здесь!

— И тем не менее они здесь. В кабинете Ника сидел детектив. Бренда попробовала незаметно проскользнуть наверх и натолкнулась прямо на него.

— Она с ним говорила?

— Конечно. Ей пришлось.

— Что она сказала?

— Не знаю. Мне не позволили остаться в комнате. Но похоже, у нее сдали нервы, когда она увидела этого человека и Ник объяснил ей, кто он такой. Она плакала и хотела видеть вас. Что бы она ни сказала, ее версия, скорее всего, звучала не слишком убедительно. Мария подслушивала в замочную скважину и говорит, что Бренду наверняка арестуют, а может быть, и вас тоже.

Глава восьмая
Страх

Казалось, в Китти горела глухая ярость. Она подняла руки к вискам, словно желая унять головную боль.

— Это человек из Скотленд-Ярда, — продолжала она. — Тот, который был здесь раньше. Он зачем-то вернулся. Если вы хотите помочь Бренде, вам следует поспешить.

— Но его полномочия не распространяются на этот округ. Он служит в уголовно-следственном отделе столичной полиции. Это дело должно вести окружное отделение. Позже, при желании, они могут обратиться в Скотленд-Ярд, но пока у него здесь не больше полномочий, чем у меня!

— Ничего об этом не знаю, — холодно заметила Китти. — Я знаю лишь то, что он задает Бренде множество неприятных вопросов.

— А я и забыл совсем про этого малого, — пробормотал Хью. — Он совершенно вылетел у меня из головы…

— Да, — с горечью подтвердила Китти. — Да. Ваши мысли были заняты только Брендой, не

так ли?

— Что ж, пожалуй, я сам во всем виноват, — сказал Хью.

— Если бы вы не были в нее влюблены, этого могло бы не случиться. Вы пытались ударить Фрэнка граблями по лицу, когда он был уже мертв. Это правда?

— Боже милостивый, нет!

— А Мария говорит, что да. Она говорит, что видела вас. Тогда что вы делали граблями? Это отвратительно! — взорвалась она. — Да я и сама вижу. Что вы делали ими? Именно это захочет узнать полиция.

— Про грабли я могу объяснить хоть сейчас. Спокойно, Китти! Послушайте. Допустим, я слушал не слишком внимательно, когда Бренда упомянула про этого малого, — так скажите, кто он? Она говорила — суперинтендант. Какой суперинтендант? Вы знаете?

— Его зовут Хэдли. Почему вы так на меня смотрите? Вы знакомы с ним?

— Да. Мы встречались в суде.

— И он?..

— Да. Таких обычно с некоторой насмешкой называют настоящими джентльменами, но под внешним лоском он круче любого полисмена с

моржовыми усами.

Гнев Китти, казалось, угас. Вобрав голову в плечи, она вновь приподняла подол серебристого платья, чтобы он не волочился по траве. Теперь она была похожа на высокую деревянную статую, ярко раскрашенную, полую внутри и наряженную в нелепое платье.

— Извините, Хью. Откровенно говоря, я не виню вас. Но все это так ужасно, так… отвратительно! Взгляните на него. Совсем недавно он был полон жизни, шутил, строил планы на будущее; и вот теперь его засыплют землей, всю ночь на него будет лить дождь, а он даже не почувствует. — Она вздрогнула и сжала длинные костистые пальцы. Ее голос сделался жестче: — К тому же после всего, что случилось днем, я чувствовала, что произойдет какой-нибудь взрыв. По правде говоря, Хью, был момент, когда вы меня напугали. Перед самым вашим уходом, когда вы как-то странно рассмеялись и сказали: «Это ваша последняя пакость, приятель». По-моему, Фрэнк тоже немного испугался. Потом Бренда заговорила про удушение, уверяя, будто все продумала.

Такое предположение следовало сразу отмести.

— Понятно, — сухо сказал Хью. — Понятно.

Сперва она подробно описала нам, что намерена сделать, затем пошла и сделала.

— Не знаю. — Китти помедлила, наморщив лоб. — Бренда — дивное существо; никто не знает ее лучше меня. Но видите ли, иногда мне кажется, что она не совсем нормальная. Она не любит того, что нравится большинству девушек, за исключением… впрочем, не будем об этом. Но она откровенно ненавидит светские беседы, терпеть не может общество. Если вы кого-то назовете очаровательным, она тут же пожмет плечами. Посещение Букингемского дворца или Аскота не доставило бы ей никакого удовольствия. А еще она слишком много читает: читает, читает, читает, — это неестественно.

— Чрезвычайно зловещая картина. Чрезвычайно!

— Не смейтесь надо мной, Хью Роуленд.

— Я не смеюсь. Напротив, я надеюсь, что вы мне поможете.

— Я? Каким образом?

— Поскольку вы последняя, кто видел Фрэнка живым…

Китти плотно прижала руки к бокам и высоко вскинула голову, выгнув шею, — Хью уже видел ее такой при вспышке молнии.

— Да, знаю. Бедняга, — прибавила она. — Но он был со мной не более двух минут. Помните, он сказал, что лишь проводит меня и сразу вернется. Он оставил на камине портсигар — очень дорогой, со вделанными в него часами — и книгу, которую я собиралась ему одолжить. Он забрал то и другое и ушел. Помню, как он сказал: «Мне надо спешить, а то те двое опять примутся обжиматься в углу».

— Достойные последние слова.

– Не смейте говорить о нем в таком тоне! — выкрикнула Китти и в ярости отвернулась. — Он мертв.

— Знаю, что мертв, и очень сожалею об этом; но что еще я могу сказать? Что бы вы ни думали, я не держу на него зла. Но я по-прежнему считаю, что при всем его очаровании, о котором вы толкуете, он был насквозь порочным, хладнокровным негодяем.

— Полагаю, вы скажете это полиции?

— Да, а почему бы и нет?

— Без сомнения, вы в этом вопросе лучший судья. Но им будет любопытно узнать, чем вы занимались в то время, когда его убили.

— Да будет вам известно, что в то время я менял колесо своей машины, которая стояла посреди

улицы. Но это не столь важно.

— Ах, неужели? — поинтересовалась Китти, поднимая брови. — И это после кучи небылиц, которых Бренда наговорила детективу: она отрицала, что ходила на корт, заявила, что следы не ее, что это и слепцу видно.

У Хью возникло такое чувство, будто его ударили по шее ребром ладони, отчего кровь прилила к голове, а в глазах потемнело. Он подождал, пока зрение прояснилось, и спокойно спросил:

— Она… сказала… что?..

— Сказала, что вовсе не была на корте, — повторила Китти. — Сказала, что, должно быть, кто-то ходил в ее туфлях. В ее туфлях! Четвертого размера! Правда, я ничего этого не слышала, меня не было в комнате, но Мария уловила суть разговора.

— Извините, — сказал Хью. — Я должен немедленно идти туда.

— На вашем месте я так бы и поступила. — У Китти снова изменилось настроение. — Подождите. Не будем ссориться. Поверьте, я вовсе не желаю Бренде неприятностей. Никто не любит Бренду больше, чем я. Всех нас вывел из себя шок. Но если она наговорила глупостей, заставьте ее изменить показания… пока не поздно.

— Откуда вам известно, что она наговорила глупостей? — холодно осведомился Хью. — Вы же знаете, что она ничего не скажет, кроме правды. Вы когда-нибудь слышали от нее что-нибудь другое?

Хью отошел от корта и быстро, через три ступеньки, взбежал на террасу.

И вновь удача повернулась лицом к настоящему убийце. «С другой стороны, — говорил себе Хью, — я сам во всем виноват». Не кто иной, как он сам, вложил эту мысль в голову Бренде, он сам подсказал ей линию защиты. Впрочем, не важно. Прежде всего необходимо выяснить, что Бренда действительно сказала. Поднявшись на террасу, он услышал справа от себя, откуда-то снизу: «Осторожно!» Он резко остановился и как раз вовремя отступил в тень дерева.

По подъездной дороге спускались суперинтендант Дэвид Хэдли и доктор Николас Янг. Последний, скрючившись, сидел в инвалидном кресле, которое лихо катил, энергично работая левой рукой, катил с такой скоростью, что оно забуксовало и съехало на обочину. Стоя в тени дерева, темнеющего на фоне багряно-янтарного неба, Хью видел, как Хэдли поспешно шагнул вперед и выровнял кресло. Затем он потерял

обоих из виду. Однако слышал несвязное бормотание и тяжелое дыхание калеки и холодный голос Хэдли:

— Если вы намерены сломать себе шею, доктор Янг, то это ваше личное дело. Но в следующий раз поберегите мои колени. Крутаните его назад.

— Недосмотрел, — сердито проворчал Ник, все еще тяжело, со свистом дыша. — Совсем забыл, что для полицейского ноги — самая ценная часть тела. Потерять их было бы трагедией. Нет-нет, прошу прощения — стоп. Я задыхаюсь.

— Не стоит.

— Я хочу, чтобы вы проявили благоразумие, — сказал Ник таким тоном, будто его собственное благоразумие не подлежало сомнению. — Окажите мне любезность и ответьте. Не смотрите на меня как канцлер казначейства с готовым бюджетом. Скажите, если не согласны со мной.

Снова наступила пауза; казалось, суперинтендант рассматривает своего собеседника.

— Мой дорогой сэр, — проговорил Хэдли, — я не знаю, что вы желаете от меня услышать. Я пока даже не знаю, что здесь произошло. Это мы вроде бы и собирались выяснить. Если вы способны вытащить колесо из грязи, то давайте-ка займемся делом и станем на страже до прибытия

инспектора Гейтса. Надеюсь, вы не полагаете, что я немедленно вызову полицейский фургон и арестую того, кого вы считаете убийцей, лишь по той причине, что вы являетесь другом одного из высших полицейских чинов.

— Я этого не прошу.

— Тогда чего же вы хотите?

Ник ответил с холодной сдержанностью:

— Я хочу, чтобы игра велась честно. Так вот. Начнем с того, что Бренда не имеет к этому никакого отношения. Вы понимаете?

Нерешительное молчание.

— Понимаете?

— Не уверен. Еще рано говорить. Но если вы хотите знать мое мнение…

— Я непременно хочу знать ваше мнение.

— Нет, я не думаю, что она имеет к этому отношение, — ответил Хэдли. — Мне показалось, что она все рассказала здраво и начистоту. К тому же, по-моему, она не из тех, кто станет лгать.

Хью, стоявший над ними, оперся рукой о ближайшее дерево, зажмурил глаза и сделал глубокий вдох.

— Улики, — продолжал Хэдли, — возможно, подтвердят сказанное ею. Ее рассказ достаточно убедителен, за исключением… — последовала

очень краткая, едва заметная пауза, — за исключением одного маленького пункта, который она, возможно, сумеет разъяснить позже.

— Какого пункта? — поспешно спросил Ник.

— Позже разъясним.

— Я хочу кое-что предложить вам, суперинтендант, — настаивал Ник почти ласково, — уж кто-кто, а Бренда никогда бы не убила мальчика. Хорошо, это принимаем. Но хочу вам сообщить, что Бренда ошиблась в одном. Она говорит, что убийца, должно быть, надел ее обувь и прошел в ней через корт. Так вот, я хочу сказать, что она ошиблась относительно размера туфель… или в чем-то еще. Настоящий убийца не надевал ее туфли.

— Почему нет?

— Разумеется, потому, что убийца — это молодой Роуленд, — сказал Ник. — Я говорю об этом, поскольку здесь все ясно как день.

— Похоже, вы абсолютно в этом уверены, сэр.

— Естественно, — сказал Ник. — Я намерен добиться, чтобы его повесили. Я посвящу этому каждую минуту оставшейся мне жизни, каждый пенс моего банковского счета и каждую клетку моего недюжинного мозга. Я твердо решил, что заставлю этого джентльмена пожалеть о том,

что он появился на свет. Я буду знать о каждом его шаге. Он не скажет ни слова, которого бы я не записал и не изучил. И если он выдаст себя хоть одним звуком… хоть одним, суперинтендант, — а, заметьте, так и будет, — не успеете вы и глазом моргнуть, как я передам его в ваши руки. Держу пари на что угодно. Когда дело дойдет до суда, держу пари, что я найду двадцать пунктов, которые он упустил из виду и которые докажут его вину. И я пожертвую полиции по двадцать фунтов на каждый из этих двадцати пунктов.

Здесь Хью едва не допустил вторую ошибку. Его поразила ненависть, звучавшая в голосе Ника, хоть он и был к чему-то подобному готов. Она потрясла его. В течение нескольких месяцев он смутно догадывался, что Ник очень похож на Фрэнка; Ник был воспитателем Фрэнка, его руководителем, его советчиком. Хью казалось, что он слышит самого Фрэнка, вернее, Фрэнка постаревшего, мудрого и изворотливого, словно змей.

Хью стоял в траве всего в ярде над их головами. Его порыв был чисто инстинктивным. Он собирался прыгнуть вниз и раз и навсегда разобраться с этой старой свиньей. Но он вовремя совладал с собой и остался стоять, держась рукой за дерево. Если бы он спрыгнул, то для Бренды все было бы

кончено. Его версия убийства должна совпадать с версией Бренды. Но в том-то и дело, что он не имел ни малейшего представления, о чем она говорила Хэдли.

«Спокойно!»

Он снова услышал голос Ника:

— Вы меня поняли, суперинтендант?

— Да. Думаю, понял.

— Ах, оставьте свой официальный тон. К черту. Не люблю я этого. — Ник теперь говорил скорее весело, чем раздраженно. — Я вас прошу лишь об одном — руководствоваться уликами, и ничем иным. Вы же слышали, что сказала миссис Бэнкрофт. Он угрожал Фрэнку, так ведь?

— Очевидно, да, — согласился Хэдли. — Как и Артур Чендлер.

— Э… э… о чем вы говорите? Что еще за Артур Чендлер?

— Приятель Мэдж Стерджес, — ответил Хэдли. — Я вам говорил о нем. Когда ваш телефон не ответил, я заехал сюда по пути из местного отделения полиции, чтобы предупредить вас: Чендлера видели в здешних краях — и от него можно ждать неприятностей.

Наступило молчание, нарушаемое нетерпеливым постукиванием по колесу инвалидного

кресла.

Суперинтендант добавил несколько более резко:

— Но похоже, это вас не беспокоит.

– Я вас не понимаю.

— Вы спросили меня, — сказал Хэдли, — что я думаю об этом случае. Пока я о нем ничего не думаю. Если мы не прекратим бессмысленную болтовню и не займемся делом, то никогда ничего не узнаем. Но одно я *действительно* заметил. Похоже, что Чендлер вас нисколько не беспокоит. Похоже, вы даже не даете себе труда изобразить потрясение, приличествующее прискорбному событию — а именно смерти Фрэнка Дорранса, по поводу которой мы все, разумеется, выражаем вам соболезнования. Зато вас весьма беспокоит, что Роуленд пришел в ваш дом и влюбился в мисс Уайт. — Он повертел в пальцах нож. — А мисс Уайт влюбилась в Роуленда. — Он снова поиграл ножом. — Об этом я могу судить по ее словам, хоть это вовсе меня не касается. Интересно, почему вы так стремитесь убрать Роуленда с дороги?

Из горла Ника вырвался сдавленный вопль:

— Суперинтендант, вы что, с ума сошли?

— Нет.

— В таком случае, к чему вы клоните? Уж не

думаете ли вы, что я питаю к Бренде некий интерес? В моем-то возрасте?

— Вовсе нет. Хотя сегодня днем меня очень поразило, как настойчиво вы твердили, что ей более чем прилично жить в вашем доме. Мне и в голову не приходило, что это может быть неприлично.

— Будьте любезны объяснить, на что вы намекаете.

Хэдли заговорил с неожиданной мягкостью:

— Я просто предупреждаю, вот и все. Вы лелеяли планы относительно их союза — отлично. Смерть Дорранса разбила их — отлично. Но не дай бог, чтобы из-за неприязни к Роуленду вы позволили себе ввести нас в заблуждение.

— Ах, вы имеете в виду ложные показания, — весело ответил Ник. — Нет, этого я делать не стану. У меня нет в этом необходимости.

— Отлично. Я не говорю, что Роуленд невиновен. Возможно, и виновен. Но если он станет лгать, мы достаточно быстро это обнаружим. А теперь вы сами поедете, пока не совсем стемнело и мы еще в состоянии хоть что-то разглядеть на корте, или мне вам помочь?

— Могу ли я выбраться отсюда?

Внизу послышалось шуршание шин и чавканье грязи. Инвалидное кресло резко рванулось назад

и, слегка наклонившись, покатилось вниз по дороге. Ник его выровнял. В красноватом отсвете заката было видно его лицо.

— Не стоит беспокоиться из-за того, что темнеет, — сказал он. — На деревьях прожектора. Я их установил на случай, если молодежь захочет поиграть после наступления темноты. Если пожелаете, мы можем осматривать корт хоть всю ночь. А теперь, друг мой, послушайте меня. Первое, что мы сделаем…

Его голос становился все тише и наконец совсем замолк.

Хью стал медленно подниматься к дому.

Итак, начать придется с этих двух противников. Когда Хью увидел выражение лица Ника, его слегка замутило. Он не был уверен, кто из двух более опасен — Ник или Хэдли. А Бренда своей ложью усугубила их и без того нелегкое положение. Относительно Ника это не имело значения, но что касается полиции — еще как имело.

Как далеко она зашла в своей лжи? Что именно сказала? У нее еще есть время отказаться от своих слов.

— Хью, — прозвучал из тьмы тихий шепот.

Низкий длинный фасад дома из побеленного кирпича был погружен во тьму, за исключением

окна кухни, расположенной в цокольном этаже. Хью поднял голову и в окне второго этажа увидел Бренду. Она показывала рукой на окно гостиной. Он вошел в открытые стеклянные двери, и через мгновение Бренда оказалась рядом.

— Ты их не встретил, правда? — прошептала она в темноте. — Я хотела тебя предупредить, но не знала, как это сделать. Ты с ними разговаривал?

— Нет. Между прочим, я припрятал твой сломанный ноготь.

— Я знаю, — сказала Бренда с напряжением. — Ты ведь обещал. Но послушай! Ты не оставил на корте еще и свои следы?

— Оставил, но это не важно. Корт почти высох. Следы неглубокие, и будет нетрудно доказать, что их оставили гораздо позже.

— Говори тише, — попросила она. — Мария сейчас внизу. Хью… я… хочу тебя кое о чем предупредить. Я им рассказала…

— Да, знаю. Свою версию. Ты показала им чистые туфли, которые были на тебе, и заявила, что даже не ходила на корт. Сказала, что кто-то взял твои другие туфли, пошел в них на корт и убил Фрэнка. Теперь это уже не имеет значения. Вопрос в том, какую историю ты сочинила? Что

еще ты им сказала?

Глава девятая
Решимость

— Я знаю, — продолжал Хью, — что ты выпалила первое, что пришло в голову. Я тебя не виню. Но…

— Ах нет, — достаточно жестко возразила Бренда. — Дорогой, не я выпалила, а из меня вытянули. Но я была осторожна, предложила убедительную версию и буду ее держаться.

Перед ним была уже не та испуганная девушка, которую он застал на теннисном корте. Хью почувствовал перемену еще до того, как она заговорила. Словно желая подчеркнуть это, Бренда нарушила свои же инструкции и говорила не понижая голоса. Она переоделась и приняла ароматическую ванну, что, видимо, и вернуло ей присутствие духа.

— Мне пришлось сказать им это, — объяснила Бренда. — Знаешь почему? Неожиданно для себя я обнаружила, что они стараются взвалить вину на тебя. Этого я не могла допустить. Благодарю покорно.

— Но…

— Свиньи, — продолжала Бренда. — Я им покажу. Послушай, я все тебе расскажу в нескольких словах. Потом мы зажжем сигнальные огни, поднимем флаг, пусть попробуют тогда взять форт. Я сказала, что пошла туда в двадцать минут восьмого, — это истинная правда. Сказала, что пошла забрать корзину для пикников, — это также правда. Но я не сказала, что забрала корзину. В этом я не могла признаться — они бы ее открыли и нашли в ней грязные теннисные туфли.

— Да.

— Я ведь говорила тебе, что поставила корзину точно на прежнее место, поэтому невозможно заметить, что ее трогали. Я сказала, что, не дойдя до павильона, свернула за угол корта и увидела Фрэнка… Ты что-то сказал?

— Нет, продолжай.

Ее глаза зажглись странным блеском.

— И тут, — продолжала она, встряхнув Хью за руку, — и тут я почувствовала прилив вдохновения. Да, Хью, именно вдохновения. Никак нельзя определить, что я подходила к корзине. А знаешь, какая она тяжелая? Она набита посудой и весит целую тонну. Если быть точной, то сорок фунтов. И я вдруг вспомнила, что донесла ее до самого корта и вернулась с ней обратно…

Хью поднес руку ко лбу.

— Итак, ты предложила суперинтенданту Хэдли, — заговорил он, чеканя каждое слово, — взглянуть на глубину следов в песке. Ты сказала, что они слишком глубоки для тебя. Отметила, что весишь девяносто восемь фунтов; тогда как человек, оставивший эти следы, весит, должно быть, фунтов сто сорок. Так?

— Господи, откуда тебе это известно?

— Передача мыслей на расстоянии, — заявил Хью. — Мы с тобой родственные души, — во всяком случае, в старинных романах это называлось именно так. Я знаю об этом, потому что сам на какой-то момент счел такую защиту лучшим способом нападения. Но мне он показался слишком наглым. Священные коты египетские! Поверить такой неприкрытой лжи!

— Они мне верят. Клянусь, что офицер полиции мне поверил.

— Возможно, и так, но лишь до тех пор, пока он не увидел улики. Однако почему бы и нет? Почему бы и нет? Мы знаем правду, и поэтому она для нас более чем очевидна. Но так ли она очевидна для них? Вот что мне любопытно. Нет, постой, продолжай: каков конец твоей истории?

— Я все тебе рассказала, действительно все. Я

сказала, что не входила на корт, так как поняла, что Фрэнк мертв, и вспомнила, что до прибытия полиции ничего нельзя трогать.

— А…

— Но я обратила внимание на то, что отпечатки какие-то странные: я поставила ногу рядом с одним, и он оказался точно моего размера. К тому же это туфли марки «Грей гуз», где на подошве изображен гусь. Я сказала, что в павильоне у меня лежала запасная пара таких туфель и что их мог кто-то украсть. Потом я сказала, что сбегала в павильон и проверила: запасные туфли, бывшие в шкафу, исчезли. — Она немного помолчала. — Кажется, все. Я сказала, что очень испугалась и не знала, что делать. Затем около половины восьмого (что правда) пришел ты. Я все сделала правильно? Как ты считаешь?

Хью задумался. Шарф, который, несмотря на отсутствие пиджака, по-прежнему был на нем, показался слишком тугим. Он сделал два шага вперед, затем два шага назад.

— Откровенно говоря, я не прыгаю от восторга.

— Но я уже *сказала* все это. Чем ты недоволен? Что здесь не так?

— Так вот, главная сложность в том, что если они установят связь между тобой и этой чертовой

корзиной — ставлю три против одного, что так и будет, поскольку ты сама призналась, что хотела ее забрать, — то мы пропали. Они обязательно осмотрят павильон, откроют корзину и найдут туфли. Теперь несколько практических соображений. Когда ты дотащила корзину до того места, где лежит Фрэнк, то, разумеется, поставила ее на землю? Да. Разве она не оставила следа?

Уже задав свой вопрос, он вспомнил, что никаких следов корзина не оставила. Он сам их искал.

— Нет, Хью, не думаю. Я немного пошаркала ногами по этому месту.

— Но на корзине могли остаться комья песка.

— Нет. Были, но вытерлись о мокрую траву. Я заметила.

— Твои отпечатки пальцев на ручке?

— Ты сам говорил мне, что на невыделанной коже отпечатков не остается.

Хью сделал еще несколько шагов взад и вперед.

— Итак, давай подумаем. У этого плана есть одно преимущество — чисто психологическое. Никто никогда не поверит — независимо от того, ходила ты туда, чтобы убить Фрэнка, или лишь затем, чтобы посмотреть на его мертвое

тело, — что ты пришла на корт, таща корзину для пикников весом в сорок фунтов. Да, я-то знаю, что именно так ты и поступила, но никому это и в голову не придет. Таким образом, они, возможно, не усмотрят связи между корзиной и глубокими следами ног. Есть еще один весомый аргумент, и тоже психологического порядка. Похоже, Хэдли тебе верит. Да, в целом, возможно, у нас есть шанс побороться.

— Постой, Хью. Ты сказал: «*Возможно,* у нас есть шанс побороться»?

— Нечто в этом роде.

— Иными словами, ты хочешь сказать, что не собираешься меня поддерживать?

Хью воздел руки к потолку:

— Бренда, вопрос не в том, собираюсь я тебя поддерживать или нет. Если ты настаиваешь на своей версии, я, конечно, с тобой. Но ты, кажется, не отдаешь себе отчета в том, насколько это серьезно. Ты не в школе, которую так ненавидела, и речь идет не о булавке, воткнутой в стул классной дамы. Это убийство. Ты выступаешь против Скотленд-Ярда. Прежде всего надо выяснить, на каком мы свете, и уж потом…

— Я не отдаю себе отчета, насколько это серьезно? — воскликнула Бренда. — Это ты не отдаешь

себе отчета. И против кого бы я ни выступала, я не позволю им арестовать тебя, если это в моих силах.

— Послушай, может, я тупица, но я не понимаю, каким образом нагромождение небылиц может мне помочь. Кроме того, меня никто не собирается арестовывать.

Избранная им тактика была явно ошибочной. Он понял, что за деланой холодностью Бренды скрывается гнев, понял, что она разъярена и обижена.

— Ах вот как, не собирается? — взорвалась она. — А знаешь ли ты, что Мария клянется, будто видела, как ты, стоя над телом Фрэнка, бил его граблями?

— Но это же бред истерички. Он не имеет ни малейшего отношения к делу.

— Не имеет? Как и отпечатки моих туфель?

Последовала пауза, после которой Бренда заговорила жестко и напряженно:

— Ты не знаешь, что произошло здесь, наверху. По крайней мере, ты не удосужился спросить. Поднимаясь к дому, я… я так любила тебя, что ничего не видела перед собой. Как ты бросился мне на помощь, не задав ни одного вопроса, не допуская даже мысли, что я могла это сделать. А

знаешь, что я обнаружила здесь? Я обнаружила, что Ник, Мария и этот Хэдли ждут меня на верхней площадке лестницы. Первое, что я услышала, так это то, что Фрэнка убил ты: Ник и Мария все решили между собой.

У меня уже возникло такое предчувствие, и я очень беспокоилась. Я знала, что Мария наплетет с три короба всяких ужасов. Что я должна была делать? Если бы я сказала правду, а именно — что на корте вообще не было никаких следов, пока я сама их не оставила, они бы мне просто не поверили. Ты сам не поверил. Но если бы я сказала, что настоящий убийца был обут в мои туфли, они не могли бы обвинить тебя. Ты так же не мог бы надеть мои туфли, как человек с Луны. Это все.

Голос Бренды стал еще жестче и сдержаннее:

— Мне жаль, если моя версия представляется тебе такой глупой. Мне жаль, если она не устраивает твой юридический ум. Возможно, я не дала себе времени «взвесить все факты». Если бы ты видел лицо Ника и слышал, что он говорил, то, возможно, поступил бы так же. После того, что ты для меня сделал, я чувствовала, что умру, если не отведу от тебя обвинение. Когда ты сюда пришел, я думала, ты поймешь. Возможно, я даже ждала слов благодарности. Ты же только и делаешь, что

выискиваешь огрехи и держишься так, будто я тебя предала. Ты не был так щепетилен, когда говорил о фальсификации улик. Отлично. Можешь делать и говорить все, что угодно, но это мои показания, и я буду их придерживаться.

Затянувшееся молчание становилось невыносимым. Бренда надела туфли на высоком каблуке; когда она шла через комнату к окну, Хью слышал, как они царапают натертый пол.

— Извини, Бренда. Я не понял.

— Не важно. Это не имеет значения.

— Конечно же имеет. Кстати, если девушка так влюблена, что ничего не видит перед собой…

— К чему беспокоиться?

Оставалось только одно, и он это сделал. В смятении чувств она стояла, прижавшись к нему, обвив его шею руками, когда заскрипели тормоза полицейских машин, забивших подъездную дорогу; сумерки наполнились громкими голосами, в саду замелькали неясные очертания.

— Возьми себя в руки, — сказал Хью. — Полиция уже здесь. Это наша версия, и мы будем держаться ее.

— Свет зажечь?

— Пожалуй, да.

Бренда поспешно подошла к выключателю и

нажала на него. Настенные канделябры с пергаментными экранами озарили бледно-зеленые стены длинной комнаты. Они осветили изысканное старинное серебро, рояль и стоявшую на нем вазу с белыми гвоздиками, глубокие, обитые белым шелком кресла. Осветили они и растрепанного молодого человека без пиджака, и Бренду в коричневой юбке и джемпере, влюбленно ему улыбавшуюся. В это же самое мгновение — словно под действием того же выключателя — в конце сада вспыхнуло белое сияние. Кто-то включил прожектора над теннисным кортом. Они образовали дымные нимбы над кронами деревьев и, словно в театре, высветили каждый лист, сияя в просветах между тополями. И через эту ярко освещенную сцену двигались человеческие фигуры. Их было шесть, почти каждый нес футляр с фотоаппаратом. Но внешность одного из вновь прибывших — невероятно крупного и дородного мужчины в черном плаще размером с палатку, в шляпе с загнутыми полями, плотно сидящей на копне седоватых волос, — была столь ошеломительной, что Хью тут же показал на него Бренде.

— Взгляни-ка, — хмуро сказал он.

— Ну? Что в нем такого? Кто это?

— Последний, кого я хотел бы здесь видеть, — ответил Хью. — Это Гидеон Фелл.

Словно услышав свое имя, доктор Фелл развернулся, как старинный галеон, и, моргая, посмотрел в сторону ярко освещенного дома. Они увидели очки на широкой черной ленте, необъятное красное лицо, сияющее, как у Санта-Клауса, и бандитские усы. С выражением искренней доброжелательности и рассеянности он вошел в сад, двигаясь в направлении ближайшего дерева, на которое и наткнулся бы, если бы констебль в форме не взял его за руку и не вывел на подъездную дорогу. Доктор Фелл вежливо приподнял шляпу — то ли перед констеблем, то ли перед фигурами в окне, это было неясно — и позволил констеблю оказать ему подобное одолжение.

Бренда нервно хихикнула:

— Он не выглядит таким уж опасным. У него дружелюбный вид.

— Да. Многие убийцы были того же мнения.

Молчание.

— Что ты хочешь этим сказать, Хью?

— Только то, что грядет генеральное сражение. И не с кем-нибудь, а именно с этим типом…

— Он проницательнее того, другого?

— Нет, но у него более богатое воображение. Он

большой друг Хэдли и гроза тех, кто затевает темные дела. Его конек — как раз такие дела, как это. Скрести пальцы и моли Бога, чтобы он не связал слишком глубокие отпечатки следов с корзиной для пикников, набитой фарфором. Бренда, нам необходимо найти слабое место.

— Какое слабое место?

– Добрый вечер, сэр, — прозвучал из окна голос, от которого они подскочили. («Придется прерваться», — решил Хью.) — Мое имя Гейтс, инспектор Гейтс, — продолжал вновь прибывший. — Я ищу доктора Янга и суперинтенданта Хэдли.

— Они внизу, на теннисном корте. Там, где вы видите свет прожекторов.

— Ах, хорошо, — любезно поблагодарил инспектор Гейтс. — А как ваше имя, сэр?

Хью назвал свое имя, затем представил Бренду.

— Понимаю, — прибавил вновь прибывший. — Значит, вы мистер Роуленд? Возможно, мы вскорости захотим встретиться с вами обоими. Не уходите.

Он кивнул и удалился, но зловещая атмосфера осталась.

— Бррр, — вырвалось у Бренды.

— Да, начинается.

— Тебе не кажется, что он мог нас услышать?

— Нет, конечно нет. Не надо видеть привидения всякий раз, как заскрипит мебель. Они всего лишь люди, такие же, как и мы. Но нам необходимо найти в нашей истории слабое место и подправить его. — И он рассказал ей о подслушанном разговоре. — Хэдли заявил, что ты все рассказала здраво и начистоту. За исключением одного пункта, который ты, вероятно, разъяснишь позже. Какого пункта? Где ты поскользнулась? В чем это слабое место?

— Ума не приложу.

Хью ненадолго задумался.

— Подожди-ка, — пробормотал он. — Вторая пара туфель, которую ты носила, была не *слишком* чистой, а? Твой рассказ о том, что весь день на тебе были одни и те же туфли. Но вспомни: ты играла в теннис на очень пыльном корте. Вторая пара, случайно, не была слишком чистой?

— Нет, с этим все в порядке. Я по меньшей мере два раза играла в теннис в этих туфлях, и с тех пор их не чистили.

— Между этими туфлями есть какая-нибудь разница? Кто-нибудь, например Китти, мог бы сказать, что в шесть часов на тебе были одни туфли, а в восемь — другие?

— Нет. Они совершенно одинаковые. А почему ты вспомнил Китти?

Если бы его ногти были длиннее, он бы принялся их грызть.

— Потому что я не понимаю, отчего Китти, абсолютно ничего не зная, решила, что ты говорила неправду. Она пришла ко мне на корт и заявила, что твой рассказ — полная чушь. В конце концов, он более чем здрав. Чем больше я об этом думаю, тем более здравым он мне кажется. Почему она так сказала?

— Китти оказала мне большую услугу, — произнесла Бренда глухим голосом, — очень-очень большую услугу. Она нанесла последний удар по моей нравственности. Что бы я ни говорила, она, разумеется, сказала бы, что я лгу. Она была влюблена во Фрэнка.

Хью во все глаза уставился на Бренду:

— Влюблена во Фрэнка?

— Если это можно назвать любовью. Разве ты не замечал? Последнее время она постоянно кокетничала с ним. Можно понять, что она почувствовала, увидав его мертвым. Для такой крупной женщины…

— Я нашел слабое место, — воскликнул Хью.

— В самом деле?

— Крупная женщина, — повторил Хью. — В разговоре с Хэдли ты подчеркнула, что человек, который шел в этих туфлях, весил никак не меньше ста сорока фунтов. Сто сорок фунтов — вес немалый. Человек с таким весом не может носить обувь четвертого размера.

И вновь она поправила его:

— Ах нет, множество женщин, располнев, продолжают носить обувь четвертого размера. К тому же есть высокие люди, которые носят одежду и обувь небольшого размера. Например, Китти: для удобства она носит пятый с половиной, но ей подошел бы и четвертый.

— Да пропади все пропадом! У нас нет оснований обвинять Китти, — запротестовал Хью. — Нельзя вытаскивать из беды одного, сфабриковав улики, чтобы на основании тех же улик подвергать опасности другого невиновного. — Он говорил медленно, четко выговаривая каждое слово. — Главный недостаток всего нашего безумного плана заключается в том, что мы делаем убийцей женщину, хоть отлично знаем, что это мужчина. Мы снова подыгрываем убийце.

В самом деле?

Рассудительность подсказывала Хью: «не будь глупцом. Брось это, пока есть время». И тем не

менее в глубине души он знал, что не бросит, и знал почему. И в его сознании тоже забрезжила истинная причина.

Он вдруг мысленно увидел ухмылку на лице старого Ника.

Ничто не доставило бы Нику большего удовольствия, чем если бы Хью предал Бренду. Ничто не доставило бы Нику большего удовольствия, чем если бы Хью пошел в полицию, как благонравный гражданин, и обвинил Бренду в даче ложных показаний. Он так и слышал его комментарий: «И за этого-то молодчика ты собираешься выйти замуж?» Если бы Бренда сказала теперь всю правду, то оказалась бы в еще худшем положении. Ей бы никто не поверил. Ложь была единственно возможным выходом. Значит, Ник жаждет сражения, да? Отлично. Он его получит. Значит, Ник думает, что его легко поймать в ловушку, да? Отлично. Пусть попробует.

Хью почувствовал, как подавленность проходит. Он поймал на себе какой-то странный взгляд Бренды и усмехнулся.

— Ты уже нашла пресловутое слабое место? — осведомился он.

— Значит, я действительно все сказала правильно?

— Конечно правильно. Мы вновь подтвердим твою историю и покончим с этим. Вот и все.

На фоне заливающего корт сияния на террасе в конце сада появилась темная фигура. Она медленно продвигалась, явно с каким-то поручением. Постепенно увеличиваясь в размере, фигура приблизилась к окну и просунула туда голову.

— Суперинтендант Хэдли хотел бы увидеться с вами обоими, сэр, — сказал инспектор Гейтс. — Он желает задать вам несколько вопросов.

Глава десятая
Ошибка

На теннисном корте в сиянии прожекторов, настолько белом, что оно казалось голубоватым, инспектор Хэдли излагал Гидеону Феллу свое мнение о данном деле.

— Затем, — заключил он, — Гейтс позвонил в Ярд, и меня попросили взять это дело на себя. А я попросил привезти вас. Раз уж вы здесь, то можете сразу и начать. Что до меня, то не нравится мне это проклятое дело. Начнем с того, что я не хотел в него лезть. Но не кажется ли вам, что здесь все довольно ясно? — Хэдли понизил голос.

Они стояли возле павильона. Над деревьями, похожими на театральный задник, сияли звезды, но просторный теннисный корт, залитый арктическим сиянием и окруженный травой, напоминал арену; каски и мундиры суетившихся на корте полицейских казались грязновато-коричневыми пятнами. Уже было сделано больше десяти снимков Фрэнка Дорранса — вполне достаточно, чтобы удовлетворить его тщеславие, если бы он мог их оценить; судебно-медицинский

эксперт склонился над его телом.

Два человека снимали гипсовые слепки с отпечатков ног. Гипс отливал голубоватым цветом. Под лучами прожекторов, падавшими с вершин тополей, тени от столбов, которые поддерживали высокую проволочную ограду, встречались в центре корта, покрывая его полосами, напоминающими решеточку на печенье. Дождь смыл белые линии разметки, теннисная сетка свисала, подобно обрушившейся арке. Едва слышный гул голосов — включая тот, который рассеянно напевал мелодию какой-то популярной песенки, — человеку непривычному, должно быть, действовал на нервы.

В маленьком павильоне горел фонарь. Окна светились желтизной; дверь была открыта. На крыльце лежали три предмета, обнаруженные в результате тщательного осмотра травяного бордюра вокруг корта: теннисная ракетка Фрэнка Дорранса, маленькая сетка для теннисных мячей и книга в яркой обложке под названием «Сто способов стать идеальным мужем».

Хэдли заговорил еще тише.

— Я уже получил показания, — продолжал он, — от миссис Бэнкрофт, Марии Мартен — да, черт возьми, ее действительно зовут Мария

Мартен! — и нашего добряка Ника. Теперь я собираюсь заняться двумя главными свидетелями: девицей Уайт и молодым Роулендом. Я уже говорил с этой девушкой, но недостаточно. Я видел ее каких-то пять минут в восемь часов, но она была слишком взволнована, определенно взволнована. Но… — Он обернулся. — Инспектор Гейтс!

— Сэр?

— Разве я не посылал вас в дом за мисс Уайт и мистером Роулендом?

— Да, сэр. Они здесь. Позвать их?

Хэдли колебался.

— Нет. Задержите их снаружи еще на минуту. — Он повернулся к доктору Феллу. — Но замечу, девушка вроде бы говорила откровенно. Вы согласны?

— Ну-у-у… — протянул доктор Фелл.

— О, похоже, вы сомневаетесь?

Доктор Фелл растерянно развел руками. В плаще с пелериной и широкополой шляпе он походил на итальянского бандита. Яркий свет играл на стеклах его очков, поддерживаемых широкой черной лентой; в ослепительных лучах была отчетливо видна выпяченная нижняя губа доктора и горестное выражение, с каким он оглядывался по сторонам.

— Не скажу, что у меня нет сомнений, — начал он, затем продолжил с виноватым видом: — Я еще не имел удовольствия встретиться с этой леди, а посему оценивать ее характер было бы с моей стороны преждевременно и неуместно. Но тревожило меня отнюдь не это, Хэдли… дело в том, что я дал волю воображению.

— Нет-нет, ради бога, не надо. Именно этого я и хочу избежать. Факты…

— Ну, я просто представил себе… — возразил доктор Фелл, откидывая голову и вращая глазами.

— Но послушайте, — сказал Хэдли. — Вывод предельно прост. Факты тоже. Вопрос в том, кто оставил определенный выбор следов. Посмотрите туда. — Он вытянул руку. — На корте видны три цепочки следов. Первая — следы жертвы ведут к ограде корта. Вторая — следы туфель Бренды Уайт ведут к ограде и возвращаются обратно. Третья — следы (предположительно) молодого Роуленда ведут к ограде и обратно. Так вот, следы покойного, а также Роуленда нас не интересуют. Что до Роуленда, то я намерен устроить ему хорошую взбучку за то, что он туда ходил; но его следы очень неглубокие, и он оставил их намного позже того времени, когда произошло убийство.

Итак остается один-единственный вопрос: кто оставил среднюю цепочку следов — Бренда Уайт или кто-то другой, надевший ее туфли? Если эти следы принадлежат ей, она и есть убийца. Если нет, виновен кто-то другой. Все сводится только к этому. Здесь нет альтернативы.

— Отнюдь не обязательно, — возразил доктор Фелл.

Хэдли прищурился:

— Не обязательно? Что вы хотите этим сказать? Девушка либо виновна, либо нет.

— Позвольте мне, как Икару, немного воспарить над грешной землей, — сказал доктор Фелл. — Как вы оцениваете эту ситуацию?

— Я считаю, что девушка невиновна. Пойдите и взгляните на эти следы. Они слишком глубоки и не могут принадлежать ей. Это раз. Вот как я представляю себе то, что здесь произошло.

Последний раз Дорранса видели живым в пять минут восьмого. К этому времени дождь прекратился и вся компания сидела в павильоне. — Хэдли протянул руку и костяшками пальцев постучал по стене. — Через минуту я расскажу вам об одном странном происшествии, которое случилось тогда и которое почти доказывает, что ни один из них не мог быть убийцей.

Когда дождь перестал, наша четверка рассталась. Роуленд и эта девушка, Уайт, пошли на подъездную дорогу: Роуленд собирался домой. Дорранс отправился провожать миссис Бэнкрофт — ее дом всего в нескольких шагах отсюда, — он хотел забрать книгу и портсигар, которые оставил у нее. Из дома миссис Бэнкрофт он вышел в пять минут восьмого. Он нес с собой все то, что вы видите на крыльце: теннисную ракетку, теннисные мячи и книгу. Он пришел сюда по тропинке между гаражом и теннисным кортом.

Дальнейшее лишь предположение. Я думаю, что здесь его ждал некто, надевший теннисные туфли Бренды Уайт. Убийца под каким-то предлогом заманил Дорранса на корт, там задушил его и оставил цепочку следов, чтобы свалить вину на мисс Уайт. Убийца не учел того, что после грозы поверхность корта сделалась гораздо мягче, чем можно было предвидеть, и его следы оказались гораздо более глубокими, чем следы Бренды.

Ну хорошо, — продолжал Хэдли, для вящей убедительности подняв палец. — В двадцать минут восьмого девушка сама спустилась сюда. Она увидела тело Дорранса, и у нее хватило ума понять, что ее заманили в ловушку. Затем появился Роуленд. Они все обговорили, и Роуленд

решил разрыхлить следы граблями, чтобы их было невозможно идентифицировать.

Хэдли сделал небольшую паузу. Он принялся вышагивать по траве, время от времени заглядывая в боковое окно павильона. Затем его острый, скептический взгляд вновь обратился на доктора Фелла.

— Разумеется, именно это он и собирался сделать! Уничтожить следы. Из зловещего эпизода с граблями Ник и эта стерва Мария раздули целую историю. Они из кожи вон лезли, чтобы сделать из Роуленда убийцу. Говорят, что он угрожал Доррансу. Но как именно? По словам миссис Бэнкрофт, он сказал: «Если мы не будем осторожны, то еще до исхода этого дня произойдет убийство». И мисс Уайт согласилась с ним. Позднее он пригрозил дать Доррансу в глаз; а еще позже сказал: «Это ваша последняя пакость».

Признаться, все это звучит подозрительно, пока не выяснены все обстоятельства. Я еще не допрашивал его, так что не могу судить. Если девушка действительно виновна, то не исключено, что он ее соучастник; даже наверняка соучастник. Но сам он не убивал Дорранса — взгляните на следы. Итак, мы возвращаемся к вопросу: принадлежат эти следы Бренде Уайт или не принадлежат? Я

говорю, что нет. А что скажете вы?

Доктор Фелл засопел громко и выразительно, словно бросая вызов. Он грузно наклонился и, посмотрев на крыльцо, стал раздвигать траву тростью с набалдашником в форме костыля. Затем он, мигая, посмотрел на корт, где судебно-медицинский эксперт как раз придавал телу Дорранса сидячее положение.

– Я уже говорил, — повторил он, поворачиваясь к Хэдли, — что дал волю своему воображению.

— Так не делайте этого больше. Факты…

— По правде говоря, — сказал доктор Фелл, поднимая трость и тыкая ею в Хэдли с таким видом, будто накладывал заклятие, — вы делаете то же самое.

— И что же я делаю?

— Даете волю воображению. Вы хотите верить тому, о чем говорите; вы считаете почти доказанным то, о чем говорите, но в глубине души вас терзают дьявольские сомнения. Почему?

— Чепуха!

— Та-та-та, — сказал доктор Фелл, — мальчик мой, я знаю вас вот уже двадцать пять лет. Я знаю, когда вы находитесь на грани срыва, и сейчас один из тех случаев. Прежде всего, зачем вы за мной послали? Мои возможности по срав-

нению с полицией — в чем я с удовольствием признаюсь — крайне ограниченны. Я не мог бы сказать вам, кто взломал сейф Исаака Гоулдбаума — Одноглазый Айк или Луи Ящерица. Если бы я предпринял попытку кого-то выследить, то этот человек чувствовал бы себя в такой же безопасности, как если бы по Пиккадилли за ним следовал мемориал Альберта. Равно как я не могу взглянуть на отпечатки ног и тут же сказать, кому они принадлежат. Нет. Я всего-навсего ваш консультант, пожилой тип, которому доставляют удовольствие всякие темные дела. Если вывод столь прост, зачем я здесь? Где темное дело? Да и есть ли здесь оно вообще?

Некоторое время Хэдли хранил молчание: суровый, прямой человек с крепкой челюстью, прямыми волосами и усами цвета темной стали. Когда он волновался, его глаза из серых становились черными, как и теперь. Какое-то мгновение он стоял весь напрягшись и сцепив пальцы. Затем еще плотнее натянул на голову котелок.

— Да, есть, — признался он. — Девица Уайт не могла оставить таких следов. Как, к несчастью, и никто другой.

— Ах, это уже лучше. Есть еще подозреваемые?

— Парень по имени Артур Чендлер, — почти

прокричал Хэдли. — Он не просто подозреваемый, он *первый* подозреваемый. Учитывая всю эту шумиху вокруг Мэдж Стерджес, он идеальный кандидат. У него был мотив, возможность и прежде всего темперамент. — Хэдли вкратце пересказал дело Мэдж Стерджес. — Мотив, который в принципе мог бы показаться неубедительным, здесь имеет решающее значение. Чендлер, что называется, горячая голова, но при этом хладнокровен. Он выступает в «Орфеуме».

Доктор Фелл заморгал:

— Вы имеете в виду мюзик-холл «Орфеум»? Чем он там занимается?

— Он акробат. Сенсационный номер на канате и трапеции; кроме того, ходит на руках, выделывает кульбиты. Он не очень знаменит, разве что блистает в номере под названием «Летающие Мефистофели». Чендлер — смышленый парень с дьявольским чувством юмора. К тому же весьма обаятельный. Но он обожает эту девицу Стерджес и убил Дорранса за подлость, которую тот совершил. — Хэдли поднял плечи. В его словах вдруг послышалась горечь. — Пожалуй, здесь есть доля и моей вины. Я предупреждал старика, доктора Янга. Если бы он не посмеялся над моими словами, я поставил бы полицейский пост. Но

я потерял терпение и ушел. Узнав, что сегодня днем Чендлера видели по соседству с этим домом, я поспешил вернуться. И вот что застал. — Он показал рукой на труп. — Так вот, Фелл, я практически уверен, что Чендлер тоже был здесь, на корте. Миссис Бэнкрофт говорит, что кто-то заходил в павильон и оставил газету, нарочно развернутую на странице с описанием дела Мэдж Стерджес. Если кому-то и пришла в голову такая проделка, то можно биться об заклад, что именно Чендлеру. Между прочим, газеты там уже нет. Если кому-то и пришла в голову мысль убить Дорранса, надев для этого чужую обувь, то только Чендлеру. Я уверен, что он был в этом самом павильоне. Услышав об убийстве, я сразу сказал себе, что в нем замешан Чендлер. Вот только…

— Только…

— Только это, — сказал Хэдли и выразительно кивнул в сторону цепочки следов. — Он так же не мог оставить эти следы в туфлях четвертого размера, как и молодой Роуленд. Чендлер довольно высокий, долговязый парень с ногами что твои речные баржи. Это невозможно.

Затем в качестве возможной подозреваемой следует сама Мэдж Стерджес. К этому варианту я отношусь не слишком серьезно. Не думаю, чтобы

хоть одна женщина была способна сегодня попытаться покончить с собой, а завтра совершить убийство. Но должно быть, после неудавшегося самоубийства она была крайне раздосадована, а прощальная записка, которую она оставила, полна такой горечи, такой обиды на Дорранса, что легко заключить: писавшая ее способна на все. Но и тут мы вновь наталкиваемся на одно и то же проклятое препятствие! Она невысока ростом. Она могла (даю волю фантазии) надеть туфли четвертого размера. Но ее вес не превышает ста двадцати фунтов, и она, как и Бренда Уайт, не могла оставить такие глубокие следы.

Хэдли снова сделал паузу. Слегка наклонившись вперед, он сосредоточенно постукивал пальцем левой руки по ладони правой.

— Вы начинаете понимать, — спросил он, — почему это дело одновременно такое простое и такое дьявольски сложное?

— Да, — сказал доктор Фелл.

— Хорошо. С одной стороны, — Хэдли повернул левую руку ладонью вверх, — мы имеем Бренду Уайт и Хью Роуленда. Любой из них мог совершить убийство. Но не совершил. Бренда Уайт могла носить туфли маленького размера, но не могла оставить такие глубокие следы.

Хью Роуленд мог оставить глубокие следы, но не мог надеть такие маленькие туфли. С другой стороны, — он повернул правую руку ладонью вверх, — мы имеем Артура Чендлера и Мэдж Стерджес. Следовательно… — Он осекся.

Из-за ограды теннисного корта вышел судебно-медицинский эксперт, врач-терапевт из Хайгейта, занимавшийся полицейскими делами в свободное от основной работы время. Он нес шарф, которым был задушен Фрэнк Дорранс: сложенную вдвое, толстую мягкую ленту, расширяющуюся на концах.

— Ну что, доктор? — осведомился Хэдли.

— Полагаю, — ответил врач, — следует дождаться вскрытия, но это чистая формальность. Я могу сказать вам, чем его убили. Вот этим. — Он потряс шарфом. — Труп, если позволите, я забираю с собой. Но я подумал, что шарф вам может понадобиться. На одном конце он весь разорван ногтями.

Хэдли кивнул:

— Я это заметил. Труп можете забрать. Из карманов я все вынул. — Он возвысил голос: — Все в порядке, ребята.

Они молча ждали, пока тело пронесут мимо.

Судебно-медицинский эксперт, казалось, был в

некоторой нерешительности.

— Я могу сказать вам еще кое-что, — предложил он. — Кто-то подбрасывает ложные улики.

Хэдли и доктор Фелл резко обернулись.

— Кто-то, — продолжал эксперт, — когда мальчик был уже мертв, пытался развязать шарф и ослабил узел. Это, конечно, не мое дело, но я решил вам сказать.

— Вы имеете в виду, что это сделал убийца?

— Не знаю. Возможно, и убийца. Хотя душители, как правило, так не поступают. Увидев дело рук своих, они обычно теряют голову и сматываются. Это все, суперинтендант. До свидания.

Хэдли пристально посмотрел медику вслед.

— Теряют голову и сматываются, — сказал он, переводя взгляд на шарф. — Однако не думаю, чтобы этот убийца потерял голову. Послушайте, Фелл. Я говорил вам, в чем состоит главное затруднение. Я говорил, что… Эй! Фелл! Проснитесь!

И действительно, вот уже несколько минут, как доктор Фелл, казалось, не слушал. Сперва он медленно переводил взгляд с одного конца корта на другой; затем, взглянув поверх высокой проволочной ограды, вновь опустил глаза и стал рассматривать узкую полоску травы за ней. Казалось, его заворожило упоминание об акробате.

На его широком красном лице застыло отсутствующее, крайне не соответствующее ситуации выражение, похожее на усмешку. Наконец, с сосредоточенной рассеянностью он вынул сигару и зажал ее в уголке рта, словно стараясь изобразить из себя редактора отдела новостей какой-нибудь чрезвычайно крутой газеты.

— Я бодрствую, — возразил он. — Я размышлял… так вот, я размышлял о редком хладнокровии некой особы.

— А? Кто же эта особа?

— Бренда Уайт.

— Продолжайте, — заинтересовался Хэдли.

Доктор Фелл пожевал сигару.

— Давайте, — произнес он с крайне огорченным видом, — давайте восстановим, как мисс Уайт обнаружила тело. Предположим, что она говорит правду. В таком случае в двадцать минут восьмого она спускается сюда, чтобы… — Фелл помолчал. — Кстати, об этом я, кажется, не слышал. Зачем она все-таки спустилась сюда?

Хэдли проявлял явное нетерпение:

— Ах, я не знаю. Чтобы забрать корзину для пикников или что-то в этом роде.

— Корзину для пикников? Почему она ей понадобилась?

— За ней ее послала Мария, — объяснил суперинтендант. — Звучит нелепо, но надо знать Марию. Затем следовало прихватить вешалки для одежды. Мария сушит на корте выстиранные вещи. Кстати, вот еще что: никак не могу понять, какое положение она занимает в этом доме. Волнуясь, называет хозяина по имени, но на ней вся стирка и глаженье. Отдает распоряжения даже девице Уайт, но получает их от других слуг. Ума не приложу, что она здесь такое.

Доктор Фелл, казалось, не слышал.

— Корзина для пикников, — задумчиво произнес он. Затем заглянул в окно павильона. Его взгляд лениво скользнул по двум скамейкам, ряду шкафов, потрепанному предмету, похожему на большой баул. — Я не вижу там никакой корзины. Девица ее забрала?

— Нет. Она увидела тело Дорранса и…

— И *не побежала* на корт, чтобы посмотреть, что случилось, — заключил доктор Фелл.

Их глаза встретились.

— Хэдли, — с громоподобной искренностью продолжал доктор Фелл, — я ничего не имею против милой леди. На вас явно произвели впе-

чатление ее beaux yeux[1]. Она (при том, что мне известно о ней) вполне может являть собой сочетание Флоренс Найтингейл и Элис Лайл. Но неужели вас ничуть не поражает ее нечеловеческое присутствие духа?

— Да, но…

— Минуту. Поставьте себя на ее место. Она приходит сюда за корзиной для пикников. После грозы еще довольно темно, а среди деревьев еще темнее. Неожиданно она наталкивается на тело человека, за которого намеревалась выйти замуж. Единственное, что она видит, и видит поразительно ясно, — задушенный человек, который лежит в конце цепочки неясных следов на песке. Знаете, как поступает в такой ситуации большинство людей? Естественным порывом — для кого угодно — было бы броситься вперед и посмотреть, что случилось. Ну?

— Я знаю, но…

— Так что же ей помешало подойти ближе, что заставило остановиться у двери корта? Потрясение? Страх? Отвращение? Это мы могли бы понять. Но она говорит «нет». Если я вас правильно понял, то даже в такую минуту она

---

[1] Примечания: 1
Прекрасные глаза *(фр.).*

разглядела следы на корте. И в них ей что-то показалось странным. Она заметила, что они такого же размера, как ее собственные туфли. Она сравнила следы со своими туфлями и вспомнила, что оставила запасную пару в этом павильоне. И, сообразив, что перед ней ловушка, остановилась на сухой земле. — Доктор Фелл снова скосил глаза на широкую черную ленту своих очков. Затем добавил более мягко: — Это не просто невозможно. Это невероятно.

Хэдли угрюмо кивнул.

— Да-да, все это я знаю, — проговорил он с заметным раздражением. — Мне это тоже пришло в голову. Первое, о чем я хочу спросить ее, — каким образом, едва взглянув на корт, она сразу узнала следы от своих собственных туфель. Но вы ведь понимаете, что это не улика? Приведите мне хоть один пример того, что девушка, которая весит сто фунтов, ступала бы так тяжело…

Его неуверенный взгляд остановился на боковом окне павильона. Он немного помолчал, а затем проговорил резко:

— Послушайте, Фелл. Интересно, что находится в этой штуковине?

— В какой штуковине?

— В этом старом бауле. Вот там, в углу.

— Не знаю. Вы заглядывали в него?

— Нет, но…

— Суперинтендант! — раздался громкий голос с теннисного корта. Один из полицейских, снимавших оттиски следов, сержант в штатском, поспешно поднялся с колен. — У меня кое-что есть, сэр, что может вас заинтересовать, — продолжал он.

Затем быстро прошел через уже высохший корт, открыл дверь и подошел к павильону, неся что-то на открытой ладони.

— Это кусок ногтя, сэр, — сообщил сержант. — Похоже, женский — во всяком случае, покрыт красным лаком. Сверкнул в свете прожекторов.

— Где вы его нашли? Рядом с телом?

— Нет, сэр. Между двумя цепочками следов. Следы убитого мы обозначили буквой *A*, женские следы — буквой *B* и следы второго мужчины — буквой *C*. Он лежал на земле между *B* и *C*, ближе к *C*, футах в двенадцати от проволочной двери.

Хэдли осмотрел кусочек ногтя и взглянул на доктора Фелла, который, не глядя на суперинтенданта, что-то пробурчал себе под нос.

— Положите его в целлофановый пакет, — сухо сказал Хэдли. — Пакет надпишите. Также отметьте его местонахождение на плане, который

вы чертите. — Он бросил на Фелла пылающий взгляд; он редко краснел, и темные с проседью усы и брови резко выделялись на жестком, бледном лице — но теперь кровь прилила к щекам. — Не знаю, сломан ли ноготь у девицы Уайт. Не заметил, хотя помню, что ногти у нее именно такого цвета. Но у нас скоро будет возможность проверить. И если эта молодая леди наплела мне кучу небылиц, то, клянусь Богом…

— Успокойтесь…

— Повторяю…

— Послушайте, — мягко возразил доктор Фелл. — Вот уже двадцать пять лет, как я пытаюсь привить вам принципы душевного равновесия. Но вы никак не поддаетесь. Вы всегда со страстью, чтобы не сказать буйно, бросаетесь в одном направлении. Но если вы случайно обнаруживаете некоторую шаткость вашей первоначальной идеи, то всегда столь же буйно бросаетесь в противоположном направлении. Тому, что на корте оказался этот кусочек ногтя, может найтись самое невинное объяснение.

— Хорошо бы ему найтись.

— К тому же, — продолжал доктор Фелл, который тоже понемногу распалялся, — в своих рассуждениях вы допускаете элементарную

ошибку. Я хотел обратить на это ваше внимание еще тогда, когда вы ополчились на мое воображение. Впрочем, пока оставим это. Что вы намерены делать?

— Намерен? — прорычал Хэдли. — Намерен? — Он достал из нагрудного кармана записную книжку и положил ее на крыльцо павильона. Рядом с ней он положил сине-белый шарф. Затем вынул карандаш, перочинный нож и открыл лезвие. — Кусок сломанного ногтя! Ноготь зацепился именно за этот шарф! Намерен? Я собираюсь немедленно вызвать сюда эту молодую парочку — вот что я намерен сделать. И если только они не выложат мне все начистоту!.. Отлично, инспектор. Пришлите их сюда.

Он принялся точить карандаш. Когда появились Хью и Бренда, нож все еще скрипел по грифелю, издавая резкие, неприятные звуки.

Глава одиннадцатая
Замешательство

На сей раз ожидание перед самой калиткой отнюдь не благотворно подействовало на нервы Хью. Он понимал, что Хэдли намеренно тянет время, и старался успокоиться. Они с Брендой ждали в присутствии констебля, который не был расположен вступать в беседу.

Подняв голову, они разглядывали звезды и почти не разговаривали; хуже всего было, когда мимо проносили тело Фрэнка, ярко освещенное фарами автомобилей, стоявших на подъездной дороге.

— Сюда, сэр, — сказал наконец констебль.

— Нам… нам войти вместе? — спросила Бренда, словно они стояли перед кабинетом дантиста.

— Да, мэм. Сюда, пожалуйста.

Входя в обширную зону, освещенную голубоватым сиянием прожекторов, Хью представлял себе не столько кабинет дантиста, сколько стадион или боксерский ринг — скажем, ринг в Национальном спортивном клубе. Он убеждал себя, что совершенно спокоен, но в груди его ощущалась

неприятная пустота, а ноги слегка дрожали.

На всем пути к павильону за каждым их шагом следило множество глаз, отмечая каждое их движение. Поставив одну ногу на крыльцо павильона, суперинтендант Хэдли затачивал карандаш, опершись о колено. Он выпрямился, всем своим видом выражая беспредельную вежливость и учтивость — слишком подчеркнутую учтивость, подумал Хью. Нервы его напряглись до состояния крайней восприимчивости, и он всем своим существом чуял неладное. Хэдли, чьи потемневшие глаза буквально сверлили собеседника и, казалось, жадно поглощали все, что находилось в пределах их видимости, приветствовал молодых людей с дружелюбной улыбкой и обменялся с Хью рукопожатиями.

— Добрый вечер, мистер Роуленд. Не имел удовольствия встречаться с вами с… позвольте, когда же мы виделись последний раз? Должно быть, на процессе миссис Джуел, не так ли?

— Вы правы, суперинтендант. На процессе миссис Джуел. Я был среди защитников.

— Да, конечно. Вы были среди защитников, — подтвердил Хэдли, несколько изменив интонацию. — Сожалею, что мне пришлось снова побеспокоить вас, мисс Уайт. — (Бренда сдер-

жанно кивнула.) — Но нам необходимо уточнить несколько незначительных деталей, после чего мы больше не станем вас тревожить. Думаю, ни один из вас прежде не встречался с доктором Феллом?

Хью знал, что при любых других обстоятельствах в глазах доктора зажглись бы огоньки. Его лицо засияло бы, как у старого короля Коля; от сдавленного смеха заколыхались бы многочисленные подбородки, спускавшиеся до жилета; он сорвал бы с головы широкополую шляпу и отвесил бы Бренде низкий поклон. Но сейчас он просто приподнял шляпу, показав копну седеющих волос, свесившихся на одно ухо. Он с некоторым беспокойством рассматривал незажженную сигару, которую держал в руке. До крайности обостренные чувства Хью отметили и кое-что еще.

И доктор Фелл, и Хэдли как бы невзначай бросили взгляд на правую руку Бренды.

— Я бы хотел попросить вас сесть, — продолжал Хэдли, — но мне пришла в голову одна мысль. Мы вынесем сюда одну из этих скамеек. — Он просунулся в узкую дверь павильона. — Вот так, — заключил он, с громким скрипом таща скамью по деревянному настилу крыльца. — Нет-

нет-нет, сядьте там… оба. Я постою.

Они сели. Хэдли снова взглянул на правую руку Бренды.

«Все в порядке, — сказал себе Хью. Проклятый кусок ногтя благополучно лежал в правом кармане его брюк. — Но неужели они что-то заподозрили?»

— Прежде всего, — продолжал Хэдли, держа на свету острие карандаша и внимательно разглядывая его, — должен вам сказать, что я снял показания с миссис Бэнкрофт. Поэтому от вас мне главным образом нужно… скажем, подтверждение. — Он отвел взгляд от карандаша и приятно улыбнулся.

— Можете называть это как вам угодно, — сказала Бренда.

— Хорошо! Так вот, насколько я понимаю, — Хэдли снова принялся изучать карандаш, — сегодня днем мистер Роуленд попросил вас разорвать вашу помолвку с мистером Доррансом. Мистер Дорранс и миссис Бэнкрофт это слышали. И вы отказались. Это так?

Бренда не ожидала нападения с этого фланга. Краска стала медленно заливать ее лицо.

— Да, я отказалась… тогда.

— Понимаю. Вы имеете в виду, что позднее у

вас был случай передумать?

— Полагаю, у меня всегда было намерение передумать.

— И однако, вы передумали несколько позже?

— Да.

— Почему, мисс Уайт?

Бренда слегка повернулась и бросила на Хью взгляд, молящий о помощи. Но Хью на какое-то мгновение потерял нить разговора. Он как бы невзначай сунул правую руку в карман брюк, дабы убедиться, что кусочек ногтя находится на месте. Но его там не было. Хью охватила паника. Его там не было. Пальцы Хью нащупали бензиновую зажигалку, табачные крошки, застрявшие в швах кармана, — и больше ничего.

Выронил. Но боже мой, где? На корте, когда Китти застала его врасплох? Случайно вытащил из кармана, кладя туда зажигалку? На корте… но где именно? Конечно, они знают, знают, наверняка знают. Хью посмотрел на корт и тут же почувствовал на себе взгляд потемневших глаз Хэдли.

— Вижу, вы что-то нащупываете в кармане, мистер Роуленд. Вы хотите закурить? — Хэдли вынул пачку сигарет. — Угощайтесь.

— Нет, благодарю.

— А вы, мисс Уайт?

— Нет, благодарю, не сейчас, — сказала Бренда и откашлялась, чтобы прочистить горло.

— Как угодно. Так вернемся к вопросу о том, что вы все же передумали.

И здесь Хью перебил его.

— Если не возражаете, суперинтендант, — сказал он на удивление спокойным голосом, — то я позволю себе предположить, что в этом вопросе мы едва ли можем вам помочь. Мисс Уайт не питала к Доррансу неприязни. Она всего лишь не хотела выходить за него замуж. Что до меня, то могу откровенно признаться, что я считал его свиньей. — И, слегка наклонив голову, добавил: — Любопытно, что думал о нем брат Мэдж Стерджес?

Стрела попала в самое яблочко. Хью это понял. Но отвлечь Хэдли было не так-то просто.

— Он не слишком вам нравился, мисс Уайт? Вы не вышли бы за него даже ради пятидесяти тысяч фунтов?

— Нет, не вышла бы. Кроме того, я и так не увидела бы этих денег.

«Будь начеку», — крикнул Хью про себя.

— Вы не увидели бы этих денег? — переспросил Хэдли. — Что вы имеете в виду, мисс Уайт?

— Все деньги были завещаны Фрэнку.

— Но насколько я понимаю, вы наследовали вместе?

— Нет-нет-нет, — серьезно сказала Бренда. — Попросите адвокатов показать вам завещание. Дядя Джерри все устроил так, чтобы развод или раздельное проживание были исключены. Я хочу сказать, что если бы мы поженились, получили деньги и через неделю развелись, то остались бы ни с чем. Пятьдесят тысяч фунтов — это немалый капитал. Он вложен с прибылью от шести до восьми процентов и приносит около четырех тысяч годового дохода. Фрэнк должен был получать проценты до тех пор, пока мы не разведемся или не разъедемся. Конечно, теоретически это было совместное наследство, поскольку я должна была получать свою долю из этой суммы. Однако в действительности это не совсем так: Фрэнк твердо решил вложить все деньги в сеть ночных клубов, и ни один из нас не имел бы права трогать капитал до тех пор, пока другой…

Она замолчала.

— Понятно, — кивнул Хэдли, внимательно рассматривая кончик карандаша. — Пока другой не умрет. Итак, теперь все принадлежит вам без каких бы то ни было ограничений. Это так?

Самообладанием (или видимостью самообла-

дания) Бренды оставалось только восхищаться. Она вздернула подбородок и машинально отбросила волосы со лба. Затем положила ногу на ногу и стала быстро, резко и нервно качать носком туфли. Вот и все.

Хью четко видел все окружающие предметы: скамью, на которой они сидели, как двое школьников; ракетку Фрэнка, лежавшую почти у их ног; маленький павильон с горевшим внутри фонарем; даже край корзины для пикников, стоявшей за открытой дверью. Ему стоило некоторого усилия отвести от нее взгляд. Где же он потерял кусочек ногтя?

— Я не это имела в виду, — сказала Бренда. — Послушайте, к чему строить подобные предположения?

— Я не строил никаких предположений, мисс Уайт. Я лишь повторил то, что вы сказали. Вы знали об этом условии, мистер Роуленд?

— Да.

— Вы знали об этом. Понятно. — Хэдли наконец остался доволен тем, как заточен карандаш. — Ненадолго оставим этот вопрос и вернемся к тому времени, когда все вы пришли сюда поиграть в теннис. Мистер Роуленд, если не ошибаюсь, кое-кто слышал, как вы сказали: «Если мы не будем

осторожны, то еще до исхода дня произойдет убийство». И мисс Уайт с вами согласилась.

— Да.

— Что вы имели в виду?

Хью рассмеялся:

— Ничего, ровно ничего, суперинтендант. Если ваш осведомитель слышал и остальное, то вам известно: мы сошлись на том, что у всех перед грозой разыгрались нервы. — Он помолчал. — Вы способны это понять? Вы сами не страдали от жары? Не могли из-за нее поддаться искушению сказать или сделать нечто такое, чего говорить и делать не следует?

Хэдли резко повернулся:

— Что вы имеете в виду, мистер Роуленд?

А кто его знает — что. Только стрела вновь попала в самое яблочко.

— Ничего, ровным счетом ничего, суперинтендант. У меня нет никакой задней мысли.

— Вы стали играть в теннис, — продолжал Хэдли. — Я хочу узнать об этом как можно подробнее. Вы и миссис Бэнкрофт играли против мисс Уайт и мистера Дорранса?

— Да.

— Мисс Уайт и мистеру Доррансу досталась южная сторона корта. Вам и миссис Бэнкрофт

— северная, то есть та сторона, где впоследствии было обнаружено тело мистера Дорранса? Это так?

Хью вслед за ним перевел взгляд на корт.

— Да, так.

— Вы играли, пока…

— Пока не разразилась гроза, примерно до четверти седьмого.

— И как мне сказали, во время игры вы вновь угрожали мистеру Доррансу?

— Не совсем так. Я пригрозил ударить его.

— Но вместе с тем вы употребили слова: «Мне бы хотелось вас убить»?

— Возможно. Не помню.

— Понятно, — сказал Хэдли, не сводя с Хью тяжелого взгляда. — Во время игры произошло что-нибудь еще?

Приняв решение, Хью пошел ва-банк:

— Ничего такого, что мне бы запомнилось. Во всяком случае, ничего серьезного. — Он немного помолчал. — Если не считать того, что во время последнего гейма Бренда, подавая мяч, сломала ноготь на среднем пальце. Еще и поэтому она не горела желанием продолжать игру.

Молчание.

Молчание настолько полное, что Хью мог

слышать, как трепещут крылышки мотылька, вьющегося вокруг фонаря в павильоне. Все собравшиеся смотрели на него во все глаза. И вновь ему потребовалось усилие, чтобы отвести взгляд от корзины для пикников.

— Похоже, вы почему-то мне не верите, — сказал Хью. — Я не знал, что это так важно. Но это правда. Ведь так, Бренда?

— Конечно правда, — ответила Бренда, изобразив легкий смешок. — Взгляните! — Она вытянула руку. — Если вы, мистер Хэдли, когда-нибудь играли в теннис, то знаете, что удар приходится по среднему пальцу, когда держишь ракетку свободно. Когда ноготь обломился, было страшно больно, но потом я об этом забыла. Но почему вы спрашиваете?

Снова молчание.

Хэдли зашел им за спину и направился по траве к другой стороне крыльца. Он поднял предмет, в котором оба узнали шарф Фрэнка Дорранса. Затем он вернулся и встал перед ними с шарфом в руках.

— Значит, — заявил он с довольным видом, — вы сломали ноготь, играя в теннис?

— Да, конечно.

— На корте?

— Да.

— Как раз об этом я собирался спросить вас. Думаю, мы нашли обломанный кончик ногтя. Сержант!

— Сэр?

— Будьте так любезны, дайте мне пакет. Да, думаю, это так. Вы не возражаете, мисс Уайт? Благодарю вас… Мисс Уайт, вы и мистер Дорранс играли с южной стороны сетки. Чем вы объясните тот факт, что мы нашли этот кусочек ногтя на северной стороне, в нескольких футах от тела мистера Дорранса?

— Тем, — не задумываясь, выпалил Хью, — что во время последнего гейма она играла на северной стороне.

— Она…

Хью умышленно посмотрел прямо в глаза суперинтенданту:

— Послушайте. Представьте положение игроков. Счет был пять — два в пользу Бренды и Фрэнка. Они стояли с этой стороны сетки; Бренда подавала мяч и выиграла очко в восьмом гейме. В последний раз Бренда подавала на Китти. Это значит, что она стояла на месте подачи с восточной стороны и бросала мяч к павильону, туда, где мы сейчас стоим. Вы, вероятно, нашли этот но-

готь где-то поблизости от цепочек следов, может быть, в десяти-двенадцати футах от проволочной двери.

После очередного затянувшегося молчания он добавил:

— Понимаю, именно там вы его и нашли, почему и усмотрели в находке некий зловещий смысл. Бросьте, суперинтендант. Я уже давно мог бы рассказать вам об этом.

Хью откинулся на спинку скамьи. Он слегка улыбнулся и небрежно положил руку на запястье Бренды. Бренда улыбнулась ему, но рука ее была холодна как лед. Стоявший на заднем плане доктор Гидеон Фелл — грузный и сонный — тоже слегка улыбнулся, бросил взгляд на Хэдли и сделал жест рукой, словно ставил на место шахматную фигуру.

— Шах, — сказал доктор Фелл.

Хэдли положил целлофановый пакетик в карман. Он был сама любезность.

— Послушайте, мистер Роуленд! Неужели вы действительно думаете, что я этому поверю?

— Естественно. Ведь это правда.

— Надеюсь, что да, — изрек Хэдли, пристально глядя на Хью. — Мы должны проверить, знает ли об этом инциденте миссис Бэнкрофт. Сержант!

Сходите к миссис Бэнкрофт и попросите ее присоединиться к нам. Можете пригласить и доктора Янга. — Он снова оживился. — Мне говорили, что, когда разразилась гроза, вы, все четверо, укрылись в этом павильоне…

Хью кивнул:

— Да. И нашли газету с заметкой о неудавшемся самоубийстве Мэдж Стерджес. Какой-то посторонний человек совсем недавно оставил ее там. Это обстоятельство вывело Фрэнка из себя, хоть он и не хотел в этом признаться.

«Интересно, — подумал он, — насколько сильное впечатление может произвести имя Мэдж Стерджес». Он не имел ни малейшего представления о том, что за ним скрывается, но намеревался воспользоваться им еще и еще.

Хэдли раскрыл записную книжку:

— Значит, у вас создалось впечатление, будто мистер Дорранс вышел из равновесия?

— Да. И не у меня одного. Китти Бэнкрофт съязвила по этому поводу и поинтересовалась, что с ним.

— И он объяснил?

— Нет. Боюсь, что нет.

— Но почему у вас создалось впечатление, будто он не в себе?

— Я могу вам ответить, — вмешалась Бренда. Она слегка повернула голову, и свет из двери павильона засверкал в ее глазах, осветил полуоткрытые губы, лицо, окрашенное легким румянцем. — Он вел себя в свойственной ему манере. Зная его, нельзя было ошибиться. Потом мы заговорили о вас. Вам следует знать это, мистер Хэдли. Мы принялись рассуждать о способах совершения убийства.

Для Хэдли такое заявление было новостью, как ни старался он скрыть свое удивление. Он резко вскинул голову:

— О способах?.. Продолжайте! Миссис Бэнкрофт ничего не говорила об этом.

— Возможно, нет, — сказала Бренда, не сводя глаз с угла навеса над крыльцом. — Китти первая представляла свой способ: она сказала, что ее подозревали в убийстве мужа в Виннипеге и что, услышав о вашем приезде сюда, она ужасно испугалась, не обнаружила ли полиция новых улик.

Всеобщее изумление. Хэдли посмотрел на доктора Фелла.

— Мисс Уайт, это что, шутка?

— Ах, не знаю, — раздраженно ответила Бренда. — Потом она все обернула в шутку, но у меня возникли сомнения. — И далее Бренда

подробно рассказала о том, что было сказано в павильоне. — Видите ли, мой способ убийства был удушение, — объяснила она, и в ее широко раскрытых голубых глазах читалась мольба о том, чтобы ей верили. — Поэтому я и не побежала на корт, увидев, что там лежит Фрэнк. Неужели вы думаете, что при других обстоятельствах я сразу не бросилась бы туда? Я ведь не чудовище. Я не побежала туда именно потому, что он был *задушен.* У меня создалось впечатление, что кошмар стал реальностью. Я не могла сдвинуться с места.

— Так вот оно что, — пробормотал Хэдли.

Он снова бросил взгляд на доктора Фелла; тот что-то проворчал. Чаши весов стали едва заметно клониться в их пользу. По выражению лица Хэдли ни о чем нельзя было судить, но Хью оно говорило о многом.

— Я отлично понимала: здесь что-то не так, — сказала Бренда. — Любой понял бы. Когда ты сама делаешь недвусмысленные намеки о том, что человека можно задушить шелковым шарфом, а после кого-то действительно душат шелковым шарфом, то это одновременно и смешно, и жутко!

В голосе Хэдли зазвучали примирительные

нотки:

— Я это прекрасно понимаю, мисс Уайт. Но как вы узнали, что следы были оставлены вашими туфлями?

— А вот как. Сперва я ничего не заметила. Потом подумала: «Что он здесь делает?» И увидела следы. Моя голова была занята теннисом, теннисом и только теннисом; следы были плоскими, словно от теннисных туфель, а здесь, кроме меня, никто не носит обувь такого маленького размера.

— И вы поняли, что это ловушка?

— О господи, нет! Я вовсе не думала о том, что это ловушка. Во всяком случае, тогда. — Бренда широко открыла глаза. — Я подумала лишь о том, что кто-то надел мои туфли. И что я не могу к нему подойти. Вы видели его лицо?

— Откровенно говоря, я и вам хотел задать этот вопрос. — Хэдли говорил таким медоточивым тоном, что Хью снова поддался тревоге. — Попробуем все выстроить по порядку. В показаниях, которые вы недавно дали, необходимо уточнить несколько пунктов.

— Да.

— Значит, вы сказали, — Хэдли нахмурился, — что в семь часов, после грозы, мистер Дорранс и миссис Бэнкрофт отправились к ней домой, а вы

и мистер Роуленд пошли к подъездной дороге. Вы сказали, что он «поехал домой».

— Да.

— Но ведь совершенно очевидно, что мистер Роуленд домой не уехал. Куда он поехал?

— Не знаю, — ответила Бренда, бросив быстрый взгляд на Хью. — Он сел в машину и уехал.

— Сел в машину, — задумчиво повторил Хэдли, и его карандаш стал описывать круги. — И уехал. Ясно. Насколько я понимаю, вы сразу пошли домой, на кухню. Теперь обратимся к тому, что не совсем ясно. Почему вы потом вернулись на корт?

Внутренний голос Хью отчаянно взывал к Бренде: «Бренда Уайт, если ты когда-нибудь способна была проявить осторожность, прояви ее и сейчас! Непременно прояви!» Его голова звенела от усилий телепатически передать Бренде предупреждение. Напряжение среди присутствующих заметно возросло. Хью слышал астматическое дыхание доктора Фелла.

— Вы говорите, что горничная Мария попросила вас пройти сюда и забрать… э-э… корзину для пикников. Правильно?

— Нет-нет. Не корзину для пикников. Баул для пикников.

— Баул для пикников?

— Да.

— Но какая разница? — осведомился Хэдли. Он почти шутил. — Разве это не одно и то же? Моя жена всегда заставляет меня таскать это, когда мы едем за город.

— Нет-нет. Это не одно и то же, — сказала Бренда и замолкла.

— Но что же это, мисс Уайт. И где оно?

— Там, — оглянувшись через плечо, сказала Бренда. — В углу. Отсюда его видно.

— Что? Этот чемодан? Та самая штука, на которую вы постоянно поглядывали последние пятнадцать минут? — Бренда хотела было возразить, но Хэдли ее опередил. Он шагнул на низкое крыльцо и заглянул в дверь. — Непохоже, чтобы он мог кому-нибудь пригодиться. Зачем он ей понадобился? Что в нем?

Бренда даже не пошевелилась.

— Кое-что из посуды и… и термос.

— Посуда, — пробормотал Хэдли. По-прежнему держась за косяк двери, он выгнул шею и посмотрел в сторону теннисного корта, где вилась цепочка следов.

— Видите ли, — затараторила Бренда, словно могла таким способом отвлечь его внимание. —

Он понадобился Марии. Кроме того, я обещала Китти. Я дала ей торжественное обещание, что сегодня же принесу его домой. Поклялась, что принесу. Китти сказала, что он из хорошей кожи и здесь напрасно сгниет.

Хэдли насторожился:

— Вы обещали миссис Бэнкрофт принести его сегодня домой?

— Да, обещала. Ведь так, Хью?

— Разумеется, так.

— Но на самом деле *не принесли*?

— Нет. Она сказала, что он из хорошей кожи и зря сгниет здесь…

— Понимаю. Тяжелый? Он тяжелый, мисс Уайт?

— Не очень.

Пробормотав извинения, Хэдли сунул голову в дверь павильона и протиснулся внутрь. Они видели, как он склонился над баулом. Затем он выпрямился, и до них донесся глухой голос:

— Вы совершенно правы.

Он обернулся, стукнувшись головой о фонарь, и, когда снова появился на крыльце, Хью с какой-то маниакальной отстраненностью увидел баул, который Хэдли держал двумя пальцами.

Суперинтендант открыл замок. В бауле не было

теннисных туфель, не было почти ничего. Если не считать двух чашек и треснувшей тарелки, баул для пикников был пуст.

Глава двенадцатая
Злоба

Когда пришел сержант, Китти и Ник сидели в саду небольшого уютного дома Китти.

Маленький сад окружала беленая стена восьми футов высотой, под аркой калитки свисал миниатюрный фонарь. По обеим сторонам лужайки, которую пересекала тропинка, вымощенная камнями, росли розовые кусты. Фасад дома оживляли французские окна с карнизами. Из окон струился свет, такой же тусклый, как свет фонаря над калиткой.

Ник сидел в инвалидном кресле на колесах. Раскрыв зубами складной нож, он в полутьме предавался весьма кропотливому занятию — пытался одной рукой очистить яблоко. Китти сидела на ступеньке крыльца, обхватив руками колени и положив на них голову. Из инвалидного кресла доносились злобные, монотонные проклятия.

Китти подняла голову.

— Вы устали, бедненький, — сказала она. — Я дала вам немного поесть. Почему бы вам не отправиться домой и не прилечь?

— Прилечь! — сказал Ник. — Похоже, все и каждый только о том и думают — о том, как бы мне прилечь! Сколько, по-вашему, мне лет? Не будь у меня сломана нога, я пробежал бы милю быстрее всех в Северном Лондоне. И в фехтовании обошел бы любого на семь уколов.

Китти вскинула глаза, вздрогнула и плотнее обхватила колени.

— Я этого не потерплю, — заявил Ник. — Это мой дом. Мой теннисный корт. Пока я хоть что-нибудь здесь значу, мне никто не будет приказывать. — После недолгого молчания Китти с удивлением услышала глухой смех Ника. — Впрочем, знаете ли, возможно, это и к лучшему. Спокойный подход… осторожный подход… драматический подход…

Китти снова подняла голову:

— Ник.

— Э-э?

— Кто, по-вашему, действительно убил Фрэнка?

— Мистер Выскочка Роуленд.

— О да, знаю, вы говорили, что он. — В голосе Китти звучало явное нетерпение. — Но кто истинный убийца?

— Мистер Выскочка Роуленд, — повторил Ник.

Яблоко хрустнуло под его зубами.

За этот день Китти переоделась, возможно, раз в шестой. Ее покойный муж имел обыкновение повторять, что она переоблачается из одного наряда в другой быстрее, чем любая из его знакомых женщин; и хоть опыт его продолжался недолго, это, скорее всего, была правда. Сегодня она уже успела сменить вечернее платье на другое — черное; и на его фоне белки ее глаз выделялись ярче, чем смуглая кожа.

— Я не знаю, о чем вы думаете, — сказала Китти сквозь зубы. — Но одно мы обязаны сделать. Мы должны остановить Бренду. Убедить ее перестать лгать.

— Вы полагаете, что Бренда лжет?

– Конечно лжет. Я не так умна, как некоторые, и поэтому не доверяю всем этим умникам. И не надо ухмыляться. Но что до меня…

— Хм.

— По-моему, все очень просто. Разве вы не понимаете, что, когда убили беднягу Фрэнка, на корте вообще не было никаких следов? Бренда нашла его там и сама оставила все эти следы. Теперь она боится, что полиция обвинит ее в убийстве.

— Не обвинит, — сказал Ник с набитым яблоком ртом.

— Почему нет? Почему?

— Следы слишком глубокие. Помимо всего прочего, кто-то ведь должен был убить Фрэнка. Как мог убийца перейти через весь корт и вернуться назад, не оставив следов? Э-э?

— Какой вы глупый! — сказала Китти. — Не хочу сказать, что очень, но все-таки глупый. Как же, по-вашему, беднягу Фрэнка умудрились заманить на корт? Вы же знаете его аккуратность. Знаете, что он терпеть не мог, когда на его туфлях было хоть единое пятнышко. — В ее голосе звучала убежденность. — Пари — вот что это такое. Помните, как Фрэнк поспорил с Хью Роулендом по поводу гимнастики? Фрэнк держал пари…

Ник остановил ее.

— Я помню, — сказал он очень мягким голосом. — Час назад я вспоминал об этом. Любопытно, помнит ли Роуленд. И я очень хочу, чтобы и вы запомнили это.

— Нечто подобное я и имею в виду. Что-то в таком роде, но не совсем. Фрэнк был таким ребенком. Какой-нибудь гнусный тип сказал: «Я могу сделать то-то и то-то». Фрэнк возразил: «Нет, не можете». И они попробовали. Вероятно, что-то такое, после чего на корте не осталось следов, — например, длинный прыжок. Или прыжок

с шестом — да, скорее всего, именно прыжок с шестом. В Канаде это называется так.

И вновь Ник прервал ее.

— Мировой рекорд по прыжкам с шестом, — сказал он, — равен двадцати пяти футам одиннадцати и одной восьмой дюйма. Правда, этому рекорду по меньшей мере лет десять, но его еще никто не побил. Вы же предполагаете, что убийца прыгнул на расстояние в двадцать четыре фута. Нет, ненаглядная моя. Нет. Олимпийский чемпион в хорошей форме, как следует разбежавшись для толчка, мог бы прыгнуть на такое расстояние. Но чтобы прыгнуть на наш корт, ему пришлось бы встать спиной к проволочной ограде и прыгать без разбега. Нет. Это невозможно. — Ник говорил быстрее обычного, каким-то заговорщическим тоном. Он снова впился зубами в яблоко. — Что же до прыжка с шестом, то это хорошо. Очень хорошо! Но и здесь есть изъян. Наверное, вы подумали о нем, когда услышали про Роуленда с граблями в руках?

— Я ни о чем подобном не думала. Мне это и в голову не приходило.

— А вот я думал, — уверил ее Ник, понижая голос. — Я говорю: хорошо. При помощи граблей (а еще лучше подпорки для сушки белья) на неболь-

шое расстояние можно прыгнуть. Но повторяю: на небольшое; и возникает то же возражение: необходимо место для разбега. Нет, Китти. Пролететь по воздуху не способен ни один убийца.

Наступило молчание. Китти даже вздрогнула — так поразило ее то обстоятельство, что к Нику вернулась его обычная веселость. Еще час назад он буквально неистовствовал от горя, теперь же казался совсем другим человеком. Только Китти была свидетельницей его слабости; она, как воплощение стойкости, застыла рядом с ним и, не говоря ни слова, держала его голову, словно он был действительно болен.

А теперь Ник вновь обрел свою лучшую форму. Он вновь был приветливым, обходительным собеседником; хозяином, который любит поражать посетителей своим гостеприимством, прекрасным рассказчиком, обожающим устраивать праздники. К нему вернулось былое обаяние. Он добавил:

— Нет. Бренда говорит правду. Мне она не станет лгать.

— Почему вы так в этом уверены?

— Потому что она никогда не лгала мне, — ответил Ник, и в голосе его звучала неподдельная искренность. — Раз Бренда говорит, что не остав-

ляла этих следов, значит так оно и есть. Следы оставил кто-то другой, надев ее туфли, — ведь это просто, не правда ли? Не понимаю, почему вы не хотите признать этого.

— Я скажу почему, — резко ответила Китти. — Следующей новостью, которую вы узнаете, будет то, что эти следы оставила я. Да, конечно, это абсурд, — продолжала Китти. — Но да будет вам известно, я тоже могу носить обувь четвертого размера. К тому же сегодня я глупо пошутила, и это меня очень беспокоит.

— Кто, — пробормотал Ник, — кто выдумал эту избитую фразу, что трусами нас делает раздумье?

— По-моему, Библия или Шекспир.

— В этом ваша беда, Китти. Вы! Вы убили Фрэнка? Непохоже! Видите ли, дорогая, я знаю, какие отношения связывали вас и Фрэнка.

Китти заговорила еще более резко:

— Что вы имеете в виду?

Ник усмехнулся, поудобней устроился в кресле, которое при этом заскрипело, и откинул голову на спинку. Китти смутно видела, что он смотрит на звезды — бесчисленные звезды, усыпавшие небо, светлевшее над темной бездной сада.

— Интересно, где он сейчас? — сказал Ник. — У

этого мальчика был характер, черт возьми! Люблю, когда у парня есть характер! Да, Китти, я не возражал, боже упаси. Я знал, что он, бывало, не уходил из вашего дома раньше четырех утра. Знал, что ему это на пользу. От женщины, которая старше тебя, можно многому научиться. Вы понимаете? — Он поднял голову и подмигнул ей. — Ценный опыт, — продолжал Ник. — Хорошо, что это не могло помешать женитьбе мальчика. А я в этом уверен. В конце концов, Китти… э-э… мы с вами взрослые люди. Легкая интрижка — вот и все. Это не слишком серьезно. К тому же вы были слишком стары для него.

Глаза Китти расширились до невероятных размеров. Ее руки по-прежнему сжимали колени, и голова по-прежнему лежала на них.

— Если на то пошло, — сказала она, — то вы гораздо старше Бренды и разница в годах между вами куда больше, чем между мной и Фрэнком.

Инвалидное кресло заскрипело.

— Вы говорите, — продолжила Китти, и ее резкий голос громко прокатился по саду, — что мы взрослые люди. Возможно, в этих местах, кроме нас, вообще нет взрослых людей. Поэтому мы можем быть откровенны друг с другом, не так ли?

— Моя дорогая…

— Я видела, как вы на нее смотрели, Ник. Говорят, что когда-то вы были любовником матери. Хотите получить и дочь?

— А вы, оказывается, злобная ведьма, — воскликнул он.

— Когда необходимо, — согласилась Китти, — то да. Хоть я и не люблю этого. Я люблю красивые вещи, одежду, цветы, люблю, когда меня окружают счастливые люди. Но как бы то ни было, случилось несчастье. Я слишком много пережила и поэтому имею большее право быть злобной ведьмой, чем любой из ваших знакомых. Я хочу знать. Вам надо было устранить Фрэнка, чтобы прижать Бренду к стене?

— Вы хотите сказать, что я убил Фрэнка?

— Не знаю. — Китти вздрогнула и подняла глаза к небу.

Ник не возмутился и даже не обиделся. Левой рукой он настолько неловко отбросил огрызок яблока, что тот, ударившись об окно, отлетел к розовому кусту. Затем он заговорил с Китти таким вкрадчивым голосом, что та обернулась и внимательно посмотрела на него.

— За сегодняшний день я слышу это второй раз. Послушайте. За кого вы принимаете меня? Неужели вы полагаете, что я из кожи вон лез,

да-да, из кожи вон лез (а, видит Бог, именно это я и делал), чтобы поженить Бренду и Фрэнка, лишь затем, чтобы убить его за месяц до свадьбы? Едва ли у меня будут собственные дети. Вы полагаете, что мне вообще не нужны дети? Вы полагаете, что я мог бы убить Фрэнка, именно Фрэнка, а не кого-нибудь другого?

Китти повела плечами:

— Нет, пожалуй, нет. И тем не менее странно, ужасно странно, что…

Пожалуй, она и сама не знала, что имела в виду, и непроизвольно протянула руку к его повязкам.

— Знаю, — сказал Ник. — В детективном романе убийцей неизменно оказывается калека, сидящий в инвалидном кресле. Если бы речь шла о детективном романе, я уже давно заподозрил бы сам себя. Неужели вы думаете, что я в таком состоянии способен летать над теннисным кортом? Да ведь я выпрямиться и то не могу без того, чтобы не опереться на здоровую руку. Да, черт побери, я инвалид. И переломы — отнюдь не симуляция. Они причиняют мне адскую боль. — Он глубоко вздохнул. — Хотите — верьте, Китти, хотите — нет. Но это правда. Что же касается Бренды, то позвольте мне в минуты слабости быть сентиментальным глупцом. Это все.

И вновь молчание. Ник настолько растрогался, что вынул платок и высморкался.

— Ну… — проговорила Китти.

— Знаю, что, заговорив о Фрэнке, я разбередил вашу рану.

— Но, Ник, факт остается фактом, ведь кто-то убил Фрэнка. Кто?

— Мистер Выскочка Роуленд, — заявил Ник. — И я знаю как… Ш-ш-ш!

Наверное, в своем споре они распалились больше, чем сами думали. На лицах обоих появилось виноватое выражение, когда они услышали скрип садовой калитки и из-под арки вынырнула голова сержанта полиции. Появление полицейского было встречено звонким лаем. В приоткрытую дверь дома проскользнул белый шнуровой терьер и, неистово виляя хвостом, бросился через лужайку. За ним мчался еще один шнуровой терьер, он с такой силой налетел на первого, что обе собаки прянули в разные стороны и, проскочив свою цель, вынуждены были развернуться и бежать обратно. Собаки с блестящими, восторженными глазами и маленькими, как у важных правительственных чиновников, бородками буквально захлебывались от восторга. С радостным заливистым лаем они подпрыгива-

ли, вертелись в воздухе, извивались всем телом, подобно восточным танцовщицам, отчего сержанту Макдугалу казалось, что с ним жаждет познакомиться не две, а целая дюжина собак.

— Миссис Бэнкрофт? Если не возражаете, суперинтендант Хэдли хотел бы видеть вас на теннисном корте. И вас тоже, сэр, если это вас не затруднит.

— О!

Сержант Макдугал был человек добросовестный. Он засек время и подсчитал, что от теннисного корта до дома миссис Бэнкрофт всего десять минут ходьбы. Но он был к тому же человек заинтересованный; ему хотелось знать, что происходит на корте, однако его попытка поскорее доставить туда свидетелей успехом не увенчалась, поскольку собаки почувствовали к нему явную симпатию. Когда он вернулся со свидетелями, у него было чувство, будто он пропустил нечто важное.

Суперинтендант Хэдли стоял на крыльце павильона и вытряхивал большой кожаный баул. Сержант Макдугал находился слишком далеко и не мог видеть его содержимое.

Издалека донесся голос Хэдли:

— Вы совершенно правы, мисс Уайт, он почти

пуст.

В ответ едва слышно прозвучал голос Бренды:

— Естественно. Но что вас в нем так заинтересовало?

— Ничего. Ничего. Я было подумал… — Хэдли с грохотом забросил баул обратно в павильон. — Очень хорошо: я ошибся. — Он отряхнул руки.

Бренда стояла на своем:

— О чем подумали? Что вы имеете в виду?

— А вы не догадываетесь, мисс Уайт?

— Нет.

— Если бы баул был набит посудой, — сказал Хэдли, — то весил бы гораздо больше. Фунтов тридцать. А мне не нравится вид этих следов, хоть и не знаю почему. Я было подумал, что если бы вы несли корзину с посудой, немного пошатываясь, то оставили бы следы именно такой глубины. Теперь вам все известно.

Здесь Хью не выдержал:

— Но, суперинтендант…

— Да-да, знаю, — прервал его Хэдли. — И вот мой ответ: нет, я не думаю, чтобы кто-то выходил на корт, нагруженный целой тонной фарфора. Это было предположение, которое нуждалось в проверке. Вот и все.

— Ник! — прошептала Китти Бэнкрофт.

Они ожидали у южного конца корта и сквозь проволочную ограду смотрели в направлении павильона. В свете прожекторов люди на крыльце казались неясными пятнами. Когда сержант Макдугал отправился доложить о их приходе, Китти схватила Ника за руку.

— Так вот как это получилось, — выдохнула она. — Черт возьми, Ник, что происходит? Корзина была набита посудой.

— Неужели?

— Конечно. Неужели вы не помните? Вы ее несли… — Она запнулась. — Ник, ангел мой, что у вас на уме?

— Вы не скажете им, что там была посуда, — отрезал Ник.

Китти отшатнулась от него, ударилась о проволоку и резко выпрямилась, не сводя с Ника глаз. Она выглядела почти величественно и заговорила высоким стилем, хотя голос ее звучал неестественно визгливо:

— По-моему, вы не в своем уме. Конечно, я все им скажу.

Сидя в инвалидном кресле, Ник продолжал трясти головой:

— Вы хотите, чтобы настоящий убийца был схвачен?

— Конечно хочу!

— Вы хотите увидеть это сейчас? Через несколько минут?

— Естественно.

— Вы уверены, что хотите увидеть, как схватят настоящего убийцу? — осведомился Ник таким проникновенным тоном, что Китти еще крепче вцепилась в прутья ограды. — Тогда слушайте меня, — посоветовал Ник. — Рассказ Бренды — чистая правда. Рассказ… Бренды… правда. Здесь нет никакого обмана. Она сказала, что вообще не ходила на корт, значит так оно и было. Я не знаю, что это за разговоры о посуде. Я не уносил оттуда никакой посуды, если вы это имели в виду. Когда, дьявол меня забери, я успел бы это сделать? С той минуты, как было обнаружено тело Фрэнка, я все время находился либо с вами, либо с суперинтендантом. Разве не так?

— Да, так.

— Посуда не имеет к делу никакого отношения. И Бренда здесь вовсе ни при чем. Вы слышите? Ни при чем. И вы не будете вмешивать ее в это дело, рассказывая о том, что было в корзине. Поняли? — Он весь дрожал.

— Ник, я намерена исполнить свой долг. Я хочу помочь Бренде. Но если вы полагаете, что ей

может помочь откровенная ложь…

— Что? Что? Ах, ложь? Откуда вам известно, что в корзине была посуда?

— Не говорите глупостей. Мне это отлично известно.

— Откуда вам это известно? Ну, моя прекрасная амазонка! Ну, моя жемчужина южных морей! Откуда вам это известно? Когда вы последний раз заглядывали в эту корзину?

— Примерно год назад.

— Год назад!

— Вам не удастся провести меня, доктор Янг. Я знаю, что говорю. Во всяком случае, я…

— Я бы вам этого не советовал, Китти. Очень опасно сообщать полиции то, в чем вы сами не уверены. А в награду я выполню свое обещание — сделаю так, что через пятнадцать минут истинного убийцу выведут отсюда в наручниках. Что вы на это скажете?

— Я ничего не скажу, — пообещала Китти. Она обернулась и посмотрела в сторону павильона. Оттуда донесся учтивый, но довольно нетерпеливый голос Хэдли.

Глава тринадцатая
Ирония

— А теперь, мистер Роуленд, мы выслушаем, что вы имеете сказать, — начал Хэдли.

Бывают такие состояния духа, при которых избыток сюрпризов пробуждает спокойствие, близкое к равнодушию. Хью пребывал именно в таком состоянии. Он не знал, какие ловушки подстерегают его. Не знал, где они расставлены. Но теперь, когда с Бренды были сняты все подозрения, его это не очень беспокоило.

Как произошло, что Бренда оказалась вне подозрений, он не знал. В его голове звучал все тот же вопрос: куда исчезли тридцать фунтов фарфора, два термоса и пара теннисных туфель, которые еще два часа назад находились в корзине для пикников? Они с Брендой обменялись взглядами, в которых выражался один и тот же вопрос и тот же самый ответ. «Это сделала ты?» — «Нет. Это сделал ты?» — «Нет!» Взгляды эти можно было приравнять к недоуменному пожатию плечами.

Но мало того. Он знал, что Китти Бэнкрофт, указав истинный вес корзины для пикников, вскоре

сведет на нет их неожиданную удачу. Именно поэтому он, словно во сне, увидел, как Китти решительно вышла из-за угла корта; поймал на себе ее горящий взгляд и услышал, как, отвечая на вопрос Хэдли, она клянется, что последний раз видела фарфор в корзине для пикников шесть месяцев назад.

Да, мир обезумел, иначе не скажешь.

А может быть, нет? Может быть, Китти всего-навсего хороший товарищ?

Хью почувствовал прилив благодарности к Китти, и она тут же преобразилась в его глазах. Он попытался дать ей знать об этом, но она, обращаясь к Хэдли, упорно смотрела либо себе под ноги, либо в направлении корта. Хью поднялся, чтобы уступить ей место на скамье рядом с Брендой; она уселась с явной неохотой, откровенно не желая находиться в центре сцены. Затем он бросил взгляд через плечо и увидел старого Ника в инвалидном кресле. Хью словно озарило: он понял объяснение загадки.

Так, значит, исчезновение фарфора — дело рук Ника? Конечно. Нечего и сомневаться! Ник увидел, понял и принял меры! Здорово! Дьявольски здорово! Хью не питал иллюзий относительно того, как относится к нему доктор Николас Янг.

Но если это сделал Ник, то сделал он именно то, что надо; Хью даже испытал к нему некоторое подобие дружеского чувства.

Что касается Бренды, то она уже полностью оправилась. Хью знал, что в тот момент, когда к ее ногам упала открытая корзина, нервы ее не выдержали, и она была близка к обмороку. Хью увидел ее поникшие плечи, отчаяние в глазах и так сильно сжал ей руку, что, должно быть, остались синяки. Теперь же, если не считать бурно вздымавшейся груди, она выглядела вполне спокойной.

— Благодарю вас, миссис Бэнкрофт, — бодрым тоном сказал Хэдли. — Кажется, все в порядке. Но в ваших предыдущих показаниях есть один пункт, который мне хотелось бы уточнить. Поэтому прошу вас остаться. А теперь, мистер Роуленд, мы выслушаем, что вы имеете сказать.

— Правильно, суперинтендант.

Иными словами, Хью решил, что худшее позади. Еще ни разу в жизни он так не ошибался. Угрюмый взгляд Хэдли мог бы его предупредить.

— Полагаю, вы знаете, что вам могут грозить большие неприятности из-за того, что вы сегодня здесь сделали?

Хью едва не подскочил:

— Нет. Я вас не совсем понимаю. Каким образом?

— Попробуем помочь вам понять, — промолвил Хэдли дружелюбно. — Мисс Уайт говорит, что в самом начале восьмого вы расстались с ней и уехали на своей машине. Куда вы отправились?

— Я проехал только двадцать или тридцать ярдов, до конца улицы. Там я остановил машину.

— Почему?

— У моей машины спустила передняя шина. Я это не сразу заметил. Поэтому я вышел из машины и заменил колесо.

— Вы имеете в виду, что доехали до конца улицы, не заметив, что шина спустила?

— Я не знаю, когда случился прокол. И не сразу его обнаружил. Поэтому, как я уже сказал, я вышел и заменил колесо.

— В котором часу это было? Сколько времени у вас ушло на замену колеса?

— Около двадцати минут. Уже заканчивая, я заметил, что часы на приборном щитке показывают двадцать пять минут восьмого. Если вы хотите знать, зачем я вернулся, то я вернулся, чтобы взять насос. Я обнаружил, что в моей машине насоса нет. Я помнил, что здесь, в гараже, однажды видел насос, и вернулся.

— Поразительно, — пробормотал старый Ник.

Хью почувствовал холодок по спине и легкий толчок, словно он наступил на несуществующую ступеньку лестницы. Только и всего — но то было предчувствие.

Он бы не возражал, если бы Ник просто пытался язвить. Это помогло бы ему избавиться от чувства вины, которое он начал испытывать в присутствии старика, — чувство, будто именно он лишил Ника и Бренды, и Фрэнка, будто именно он несет за все ответственность.

Но Ник не язвил. Что-то бормоча, он терпеливо, словно паук в паутине, сидел в своем инвалидном кресле.

Хэдли повернулся к нему:

— Что в этом поразительного, сэр?

— Насос, — объяснил Ник. — Да, в гараже есть насос. Стационарный насос, как в общественных гаражах. Мистеру Роуленду было бы весьма затруднительно воспользоваться им, чтобы накачать шину у автомобиля, стоящего на другом конце улицы.

Глаза Хэдли сузились.

— Когда я последний раз был в этом доме, — сказал Хью ровным голосом, — то видел в гараже ручной насос. Я точно помню.

— Хью совершенно прав, суперинтендант, — подтвердила Бренда. — Я сама помню, что видела этот насос.

Ник ничего не сказал — просто по-прежнему тряс головой.

— Продолжайте, — твердо сказал Хэдли. — Вы пришли в гараж за насосом. Вы взяли его?

— Нет. Я не дошел до гаража. Проходя мимо, я заметил, что калитка в живой изгороди открыта, и вошел.

— Зачем?

Наступило молчание.

— Откровенно говоря, не знаю.

— Но должна же была быть какая-то причина, чтобы войти? Судя по тому, что вы нам рассказываете, вы искали насос, чтобы накачать колесо. Почему же вы остановились и вошли сюда?

Хью задумался.

— Калитка была открыта. Я помнил, что, когда мы уходили, она была закрыта. Я почти ожидал встретить Фрэнка. Яснее я не могу объяснить. — Он осадил себя, поскольку дальше пошла бы ложь.

— Продолжайте, — попросил Хэдли.

— Я вошел. Было довольно темно, но общие очертания виднелись отчетливо. Я увидел мисс

Уайт. Она стояла примерно там, где сейчас стою я, — около двери на корт. Она выглядела расстроенной. Я побежал к ней. Она рассказала мне то, о чем вы слышали: что она увидела тело Фрэнка, но не пошла на корт и что следы оставил кто-то другой.

— В какое это было время?

— Около половины восьмого. Точно не могу сказать.

— Продолжайте.

Полная правда сослужит здесь наилучшую службу.

— Мы поговорили о случившемся. Естественно, мисс Уайт была очень взволнована. Правде не всегда верят. Я испугался, что на основании следов полиция придет к неверным заключениям, хотя оставила их вовсе не мисс Уайт. Поэтому я решил взять из павильона грабли и разрыхлить следы так, чтобы их нельзя было узнать.

Хью отдавал себе отчет в том, что ему грозит масса неприятностей, и вместе с тем понимал, что сказал именно то, что надо. Он заметил, как Хэдли кивнул и бросил многозначительный взгляд в ту сторону, где темнела огромная тень доктора Фелла. Заметил на лице Хэдли торжествующую улыбку.

— Значит, вы признаете это, мистер Роуленд?

— Да.

— Вы — кого считают уважаемым членом уважаемой адвокатской конторы — признаете, что намеревались совершить серьезное правонарушение? И только вмешательство Марии удержало вас от этого. Так ведь?

— Нет.

— Не так?

— Нет. Я признаю, что это была глупая и опасная мысль, и приношу свои извинения. Но я не привел ее в исполнение по двум причинам. Во-первых, потому, что сама мисс Уайт собиралась сказать правду, во-вторых, потому, что, только взяв в руки грабли, я как следует рассмотрел следы. И тогда мы заметили то, чего мисс Уайт из-за волнения не заметила раньше: следы были слишком глубокими и не могли принадлежать ей. Я понял, что ее рассказ подтверждается, что нет необходимости что-то придумывать, и послал мисс Уайт в дом.

«Если это их не убедит, — мрачно подумал Хью, — то ничто не убедит». Его рассказ был точно рассчитанным сочетанием искренности и скованности — он отражал определенное состояние духа. Хэдли кивнул со злорадным удо-

влетворением:

— Вы слишком умны, чтобы быть откровенным, мистер Роуленд. А теперь расскажите нам всю правду о ваших последующих похождениях. — Он кивнул в сторону корта. — Полагаю, это вы оставили третью цепочку следов?

— Да.

— Когда?

— После того, как послал мисс Уайт в дом. Где-то между без десяти минут восемь и восемью.

— Что заставило вас отправиться туда?

Хью развел руками:

— Мне было необходимо увидеть, как обстоит дело. Это вы можете понять, суперинтендант? Хотел посмотреть, нет ли какого-нибудь ключа к разгадке. Меня интересовало, что Фрэнк вообще делал на теннисном корте. Интересовало, что сталось с его ракеткой и мячами. Интересовало, что…

— Постойте! — резко оборвал Хэдли, вскидывая голову. — Вы имеете в виду теннисную ракетку, которая лежит на крыльце? Хотите сказать, что внимательно осмотрели корт и не увидели ракетку?

— Нет. Я ее действительно не видел.

— А теннисные мячи? А книгу, которую он

одолжил у миссис Бэнкрофт?

— Нет.

Хью был не на шутку озадачен. Все названные предметы нельзя было не заметить. Они слишком бросались в глаза. У ракетки Фрэнка была рама из белого полированного дерева и зеленые струны; мячи были сравнительно новые, беловатые, с зеленой сеткой; книга была в красном переплете с белым тиснением. Освещенные ослепительным светом, они обрели зловещую реальность. Но, даже мучительно напрягая память, Хью не мог вспомнить, видел он их после смерти Фрэнка или нет.

— И я не могу их вспомнить, — согласилась Бренда, поймав его взгляд. — Я сама была здесь некоторое время, но их не видела. — Она нервно рассмеялась. — Я абсолютно уверена, что непременно запомнила бы книгу под названием «Сто способов стать идеальным мужем». Где они лежали?

Хэдли колебался:

— Сержант! Сходите и покажите им это место. Мы нашли эти вещи на корте. Они были свалены в кучу под самой оградой с восточной стороны. Там, где сейчас стоит сержант, — немного дальше середины. И вы говорите, что, когда были здесь

последний раз, у ограды ничего не лежало?

— Уверена, что нет, — твердо ответила Бренда.

— Вы полагаете, что кто-то положил их там позже?

— Не знаю.

— А вы, мистер Роуленд?

— Не стану клясться, суперинтендант, но могу сказать, что не видел их.

— Поразительно, — пробормотал старый Ник.

Хэдли обвел всю группу твердым, подозрительным взглядом:

— Впрочем, не важно. Этим мы займемся позднее. Итак, мистер Роуленд, вы отправились на корт, чтобы поискать ключ к разгадке. Вы прикасались к телу?

— Нет. Да, — выпалил Хью.

Он оговорился, поправился и восстановил равновесие с такой скоростью, что два слога слились в один, словно при ускоренной звукозаписи. Они еще не успели слететь с его губ, как он вспомнил, что Бренда *прикасалась* к телу: она распустила концы шарфа, чтобы проверить, не подает ли Фрэнк признаков жизни. Полицейские не могли этого не заметить. Хэдли не преминул воспользоваться оплошностью Хью.

— Что вы хотите сказать вашим «нда»? Вы при-

касались к телу или не прикасались?

— Извините. Я забыл. Да, прикасался. Я ослабил узел шарфа на его шее.

— Зачем вы это сделали?

— Проверить, не осталось ли в нем признаков жизни.

Брови Хэдли поползли вверх.

— Так ли? Уже в половине восьмого вы знали, что он не подает никаких признаков жизни. Или вы полагали, что в восемь они появятся?

Это уже совсем плохо.

Живая, бодрствующая часть сознания Хью говорила ему: «Вот осел; когда же ты научишься думать, прежде чем говорить?» Другая часть отчаянно искала что ответить. Но тут он услышал свой собственный, на удивление спокойный голос:

— Я неудачно выразился. Конечно, я знал, что он мертв. Но в случае насильственной смерти, даже зная, что человек мертв, всегда посылают за врачом. То же было и со мной. Узел шарфа был распущен. Я знал, что Фрэнк мертв, но должен был убедиться.

— Поразительно, — пробормотал старый Ник.

Инвалидное кресло со скрипом приблизилось еще на несколько футов, что уже начинало про-

изводить гипнотический эффект.

— Суперинтендант, — проговорил Ник мягким, усталым, почти трагическим голосом. — Я не хочу вмешиваться. Сегодня я уже наговорил кучу вздора, за который мне становится стыдно. Но все-таки можно мне кое-что сказать?

Хэдли подозрительно посмотрел на него:

— В зависимости от того, насколько это важно. Это важно?

— Боюсь, — продолжал доктор Янг, пытаясь подражать своим былым грубовато-добродушным манерам, — что старый Ник теперь мало кого интересует. Смерть Фрэнка, естественно, меня потрясла. Но в то же время я не хочу, чтобы вы подумали, будто я держу зло на молодого Роуленда. Вовсе нет. Сегодня, будучи не в себе, я, возможно, наговорил много глупостей, но зла я не держу. И не потому, что я простил — отнюдь нет, — а потому, что хочу, чтобы Бренда была счастлива.

— Да-да, ну же!

— Джерри Нокс и я, — продолжал Ник, вынимая носовой платок и сморкаясь, — всегда старались делать для Бренды все, что в наших силах. Да, старались. Если бы Бренда подошла ко мне и сказала: «Ник, я не хочу выходить за Фрэнка, я

хочу выйти за этого парня Роуленда», я бы сказал: «Хорошо, дорогая, если ты действительно этого хочешь, давай выходи. Ты ведь не думаешь, что старый Ник встанет на твоем пути?»

— Ник, пожалуйста!.. — воскликнула Бренда. Она спрыгнула с крыльца и подбежала к нему.

— Ну-ну, моя дорогая, — сказал Ник, гладя ее по руке. — Я не хочу, чтобы ты думала, будто я ищу сочувствия. Пойми это! Кое-кто из нас уже не так молод, как бы ему хотелось. Но я вовсе не поэтому обращаюсь к суперинтенданту. Нет, я обращаюсь к нему потому, что... Дорогая, у меня в кармане спички и пачка сигарет. Ты не дашь мне огня?

Бренда исполнила его просьбу. Когда она чиркала спичкой, руки у нее дрожали. Хью видел ее лицо над пламенем, оно пылало, и в нем читались сострадание, чувство вины и даже стыд — и в его выражении молодой человек увидел серьезную опасность всему, что связывало его с Брендой.

Чего доброго, Ник еще завоюет ее.

— Нет! — отчеканил Ник, беря у нее спичку и откидываясь на спинку кресла, под лучами прожекторов вверх поползли кольца голубого дыма. — Так вот, суперинтендант, я, что называется, теоретик. О преступлениях мне известно только по книгам. Но и Фрэнка, и Бренду я всегда учил

в случае необходимости мыслить быстро и правильно. Я был для них своего рода наставником.

— Да, дорогой, — подтвердила Бренда серьезным тоном.

— Да. Да? Вы желаете знать, каким образом мужчина весом в сто сорок или сто пятьдесят фунтов и с соответствующим размером ноги смог надеть туфли четвертого размера. Я могу вам сказать, — яростно прошипел Ник. — Но вот в чем беда. Я не держу зла на молодого Роуленда. И не хочу, чтобы вы думали, будто я хочу его обвинить, поскольку это не так…

— Минуту, доктор Янг, — прервал Хэдли. — Если у вас есть что нам сказать, говорите.

— Именно это я и делаю. Не знаю, сам ли я додумался или прочел в каком-нибудь рассказе. Но я вспомнил про акробатический трюк, относительно которого Роуленд заключил с Фрэнком пари. Потому-то мне и пришло это на ум. Они поспорили две недели назад. — Ник поднес руку, в которой держал сигарету, ко лбу. — Суперинтендант, вам не нравится странный вид этих следов? И — да поможет нам Бог! — мне тоже. Они словно петляют. Вы говорили то же самое, так ведь?

Хэдли едва не потерял терпение:

— Говорил или не говорил, к чему вы клоните,

сэр? В чем заключалось пари Роуленда с мистером Доррансом?

— В том, — пробормотал Ник, — что Роуленд пройдет через весь наш сад *на руках.*

В голове Хью словно раскрылось окно: он понял, к чему клонит старик. Он вспомнил тот вечер в саду. Вспомнил, что до дела так и не дошло. Понял, что, выражаясь фигурально, все переворачивается с ног на голову, грозя его уничтожить.

— Ужасно говорить такие вещи, — сокрушенным тоном уверял Ник. — Но это может сделать любой порядочный гимнаст. Мужчина весом в сто сорок или сто пятьдесят фунтов не может надеть на ноги туфли четвертого размера. Но он может надеть их на руки.

Все это время я опасался, что бедного Фрэнка убили именно таким способом. Парень, убивший Фрэнка, сказал ему: «Хотите побиться об заклад, что я дойду до середины корта в туфлях четвертого размера, которые мне слишком малы?» Фрэнк ответил: «Вам этого не сделать». Тогда убийца берет туфли четвертого размера, надевает их на руки и идет туда на руках. Вот почему следы петляют. Вот почему убийце пришлось разрыхлить землю вокруг тела Фрэнка: придя туда, убийца должен был выпрямиться. Выпрямившись, он

обхватил бедного Фрэнка и задушил его…

— Ник! — воскликнула Китти Бэнкрофт.

— …И затем вернулся на руках. Я сказал «опасался» — именно это я имел в виду. Почему? Ибо, что бы ни случилось, я хочу видеть Бренду счастливой. И она будет счастлива, чего бы мне это ни стоило.

Разные люди, стоявшие у теннисного корта, восприняли это объяснение по-разному. Китти напряженно вглядывалась в пустоту, словно ее посетило неожиданное прозрение. Бренда была готова вот-вот разразиться истерическим смехом. Но ни на кого не произвело оно более странного впечатления, чем на суперинтенданта Хэдли. После продолжительного молчания он присвистнул и задумчиво проговорил:

— Доктор Янг, я вам очень обязан.

— Вы полагаете, что моя догадка правильна?

— Да, — согласился Хэдли с чрезвычайно серьезным видом. — Я полагаю, что, вероятнее всего, вы попали в точку. Клянусь Богом, да! Мы уже имеем мотив, возможность и темперамент. Теперь, когда у нас в руках способ…

— Все в порядке, Бренда, — заверил девушку Ник. — Видит Бог, я бы никогда не пошел на такой шаг, если бы мог иначе. Но, суперинтендант, я не

понимаю, зачем ему понадобилось делать это в туфлях Бренды; разве что сперва он хотел бросить на нее подозрение, а затем проявить благородство, ее же выгораживая. Такое вполне вероятно. Мне знаком такой психологический тип. Но в конце концов, должен же Роуленд питать к ней хоть какое-то чувство…

Суперинтендант Хэдли словно пробудился ото сна.

– Роуленд? — переспросил он недоуменно. — Кто говорит, что это Роуленд? Вы?

Ник попытался было привстать, но тут же плюхнулся обратно:

— Нет. Нет, суперинтендант, конечно нет. Но… я имею в виду… что…

— Если вы, сэр, не можете сами догадаться, кого я имею в виду, — отрывисто проговорил Хэдли, — то в мои обязанности не входит сообщать вам об этом. Нет ничего более дикого, чем мысль, будто мистер Роуленд может совершить преступление способом, который навлек бы подозрения на мисс Уайт. Кроме того, ни один гимнаст-любитель не осмелится на такой трюк. Он с ним не знаком; ему с ним не справиться; он слишком рискован.

Нет. Человек, о котором я думаю, — профессиональный акробат. Человек, который на моей

памяти именно так ходил на руках. Человек, который проделывает это двадцать раз в день. Человек, которому равно сподручно ходить как на ногах, так и на руках. Человек, который сегодня был в этом павильоне. Человек, который вполне мог додуматься до того, чтобы навлечь подозрение на мисс Уайт и хоть как-то отомстить за Мэдж Стерджес. Человек, который обещал убить Дорранса, который был способен убить Дорранса и который, по-видимому, выполнил свое обещание. Премного вам благодарен. Если эти следы вкупе с показаниями мисс Уайт и мистера Роуленда не доказывают его вину, то провалиться мне на этом месте.

Бренда и Хью дружно запротестовали:

— Но…

— Послушайте, суперинтендант, вы не можете этого сделать! Вы не понимаете. Вы все непр…

— Думаю, мне больше нет необходимости затруднять вас, — сказал Хэдли, с удовлетворением закрывая записную книжку. — Фелл! Могу я поговорить с вами наедине?

Через двадцать четыре часа Артур Чендлер, который знал про следы не более человека с Луны, был арестован по обвинению в убийстве Фрэнка Дорранса.

Глава четырнадцатая
Эксперимент

Воскресенье.

Теплое, пасмурное, сырое воскресенье, располагавшее к лености, что, впрочем, не распространялось на Хью Роуленда и Бренду Уайт. Хотя Хью едва ли полагал, что может попасть в более сложное положение, нежели то, в котором он уже оказался, новые неприятности свалились на него, едва он кончил завтракать. Перед тем как покинуть дом Ника, он имел возможность лишь очень кратко переговорить с Брендой.

— Беда в том, — бушевал он, — что ни один из нас никогда не слышал про этого парня, — кстати, как его зовут?

— Чендлер. Так сказал суперинтендант.

— Чендлер. Стоп! Кажется, я действительно слышал, как Хэдли назвал это имя Нику на подъездной дороге. Но из-за наших собственных неприятностей я совершенно забыл о нем. Во всяком случае, я даже не знал, кто он такой. Акробат! Надо же, не кто-нибудь, а именно акробат! Конечно, его, возможно, не арестуют. Возможно,

он сумеет подтвердить свое алиби. Но мы не можем допустить, чтобы на основании наших ложных показаний повесили совершенно невинного человека.

— Знаю, что не можем, — почти прорыдала Бренда. — Но что же нам делать?

— Остается только одно. Я должен повидаться с отцом. Он и мистер Гардслив — стреляные воробьи; возможно, они сумеют найти выход. Доброй ночи, дорогая. Утром я тебе позвоню.

— Ну и ночка меня ждет, — сказала Бренда, задрожав. — Я имею в виду Ника. Позвони пораньше.

Пылкий поцелуй, запечатленный им на устах Бренды, более чем красноречиво выразил всю полноту его чувств. Будучи не в том состоянии духа, чтобы возиться с застрявшей машиной, он отправился домой на такси, всю ночь видел пренеприятнейшие сны и после завтрака был готов предстать перед мистером Роулендом-старшим.

Роуленды — отец, мать и сын — жили на Итон-авеню, неподалеку от Швейцарского коттеджа — на улице высоких фантастических домов, где дом Роуленда-старшего был одним из самых высоких и самых фантастических. Роуленд-старший имел обыкновение проводить воскресное

утро в своей берлоге за чтением «Обсервер» или «Санди таймс», и тревожить его в это время не полагалось. Хью его потревожил.

Роуленд-старший был маленький человечек в больших очках, и у него давно вошло в привычку уснащать свою речь афоризмами и пословицами самого мрачного свойства. Некоторых людей эта привычка побуждала обращаться для бодрости к спиртному. Но это же заставляло окружающих недооценивать его, к чему он, собственно, и стремился. Человек он был добродушный, но к тому же весьма хитрый и способный. Он выслушал Хью спокойно, к чему тот заранее был готов, но при этом несколько раз подходил к окну, дабы убедиться, что миссис Роуленд благополучно пребывает в саду. Затем он принялся комментировать.

— «Впервые прибегая к *лжи*, какую вьем мы паутину», — продекламировал мистер Роуленд-старший, покачивая головой.

— Но ведь фактически, сэр, — сказал Хью, — это не в первый раз, не так ли? В конце концов, мы фальсифицировали защиту миссис Джуел…

На лице Роуленда-старшего появилась болезненная гримаса, и он остановил сына. Согласно его теории подобные вещи допускались, но ссы-

латься на них не следовало. Затем он задумчиво произнес:

— Мы отправим твою мать на север Шотландии. Это самое далекое место, куда мы можем отправить ее без паспорта, — объяснил он. — А времени на его получение нет. Будет скандал, Хью. Да, я предвижу скандал.

— Итак, сэр?

— Итак, Хью, я не знаю, поздравлять ли тебя или выражать сочувствие. Похоже, ты сделал решительные шаги в нескольких направлениях. Насколько я понимаю, ты по-прежнему твердо намерен жениться на этой молодой леди?

— Если она по-прежнему мне не откажет. А именно этого я и боюсь.

— Не вижу никаких препятствий, — заметил Роуленд-старший, еще немного подумав. — Кажется, эта девушка приходила сюда на чай? Да-да, припоминаю. Высокая, темноволосая, с изысканными манерами.

— Небольшого роста и светловолосая. Насчет изысканных манер ничего не могу сказать.

— Это не так существенно, — невозмутимо произнес Роуленд-старший. — Я помню, Хью, что она произвела на меня самое благоприятное впечатление. *Самое* благоприятное. Я увидел в ней

девушку с характером. Да. Как я не раз говорил тебе, характер — это то, что в нашем мире ценится превыше всего. Прекрасный, безупречный характер, чтобы достойно встретить и вынести бесчисленные превратности жизни. Э-э-э… К тому же ты, кажется, говорил, что молодая леди наследует значительную сумму?

— Мы к ней не притронемся, — хмуро сказал Хью. — Это деньги Фрэнка. Он может забрать их с собой. На жизнь нам хватит, благодарю.

Его отец кашлянул.

— Без сомнения, без сомнения, — согласился он. — Достойное чувство, оно делает тебе честь. — Он снял очки и сделал рукой широкий жест.

— Но послушайте, сэр! Речь идет не о том. Я хотел поговорить с вами совсем о другом. Разве вы не видите, что мы попали в неприятное положение: я хочу знать, что нам, черт возьми…

— Только без брани, Хью. Будь любезен. «Не зная, что сказать, он начинал браниться». Кажется, это Байрон.

Хью всегда относился к Байрону без особого энтузиазма, теперь же поэт упал в его глазах еще ниже.

— Хорошо. Но вернемся к нашим неприятностям. Признаюсь, что я сам во всем виноват, — но

что вы мне посоветуете? Что я, по-вашему, должен делать?

— Что ты *сам* собираешься делать, мой мальчик?

— Сэр, я всю ночь думал над этим. По правилам элементарной порядочности следует сделать лишь одно. Если Чендлера арестуют, мы с Брендой пойдем к Хэдли и расскажем правду.

Роуленд-старший прочистил горло. Он сидел откинувшись на спинку кресла и вертел очки в пальцах.

— Ты уверен, что если вы расскажете правду, то вам поверят? — спокойно спросил он.

Хью внимательно посмотрел на отца:

— Но этот человек невиновен!

— Ты уверен, что невиновен, мой мальчик?

— Но…

— Чем старше я становлюсь, мой мальчик, тем больше поражаюсь трагической иронии жизни, — заметил Роуленд-старший с той долей банальности, которая даже для него была чрезмерной. — В данный момент я тебе ничего не посоветую. Ты слишком спешишь. *Слишком* спешишь. Мы ничего не должны делать в спешке, дабы не каяться на досуге. На основании своего долгого опыта я знаю, что полиция знает свое

дело. Что же касается этого человека… э-э?..

— Чендлера. Артура Чендлера.

— Ах да. Чендлера. Так вот, его дело будет весьма сложным. Полиция убеждена в его виновности на основании ложных показаний. Но действительно ли он невиновен? Я склонен в этом усомниться. Предположим, что Чендлер совершил это убийство — убийство крайне подлое, странное и неестественное, — так вот, Чендлер совершил это убийство неизвестным нам способом. Он в безопасности. Улик против него нет. Но всплывают ложные показания, которые говорят о том, что этот человек все-таки виновен. Это и есть та трагическая ирония, которую я имел в виду, или же, говоря другими словами, мстительное Провидение. Правосудие должно свершиться, не так ли? А мы призваны служить правосудию, Хью.

Хью смотрел на отца, стараясь переварить услышанное, затем закурил сигарету и сел напротив.

— Я не строю никаких предположений, — добавил Роуленд-старший, бросив взгляд на сына. — Ведь это тебе самому пришло в голову, что если паче чаяния всплывет правда, то твоя профессиональная карьера рухнет?

Последовало молчание.

— Меня это не заботит.

— Однако ты должен позволить мне позаботиться об этом. Мой мальчик, ты спешишь. О-очень спешишь.

— Но, сэр, послушайте. Неужели вы серьезно предлагаете мне держаться ложной версии, явиться на свидетельское место и отправить Чендлера на виселицу?

— Отнюдь нет.

— Так что же тогда?

— Единственное, что я предлагаю, — это ничего не делать в спешке. Тише едешь — дальше будешь. Если Чендлер виновен, что представляется вполне вероятным, — продолжал отец Хью, — нам следует рассмотреть все альтернативы. Мы должны выяснить, каким все-таки способом он совершил это дьявольское преступление, дабы в случае необходимости подготовить доказательство в подтверждение наших справедливых притязаний. Итак, какова ситуация?

Хью всплеснул руками:

— В том-то и беда. Ситуация чрезвычайно проста. Посреди теннисного корта лежит труп, и от него не идет никаких следов. Вот и все. Бренда подходит к нему и оставляет следы. В довершение

всего мы сочиняем уйму небылиц, в результате чего вся эта чертовщина настолько запутывается, что никто ничего не может понять. Клянусь священными котами, я и сам ничего не понимаю. Кроме того, если Чендлер и совершил убийство, то каким способом?

— Он… э-э-э… акробат, как ты говоришь. Да?

— Да. Но даже акробат не наделен даром левитации. Он не может ходить по воздуху.

Роуленд-старший раскачивал очки на пальце.

— Нет, — вполне серьезно согласился он. — Такую возможность следует отбросить. В то же время меня поразило предположение, которое пришло тебе в голову, когда ты осматривал корт. — Маленькие жесткие глаза, блестевшие на маленьком сморщенном личике, похожем на печеное яблоко, остановились на Хью. — Помнишь, ты подумал, что убийца мог пройти по теннисной сетке, как по канату.

В душе Хью проснулась робкая надежда.

— Да, помню.

— Согласен, что при обычных обстоятельствах подобная возможность показалась бы нелепой. Но если допустить, что убийца — профессиональный акробат, столь ли она абсурдна?

— Ну…

— Опять-таки если допустить, что сетка достаточно прочна. Это надо проверить. Мой мальчик, я всегда говорил тебе (и буду рад, если этот урок ты запомнишь на всю жизнь), что в таких делах хорошая подготовка — половина победы. Твою догадку надо проверить. Отлично, проверим. Шеппи сейчас здесь. Пошлем за Шеппи.

В течение восемнадцати лет Шеппи служил старшим клерком в фирме «Роуленд и Гардслив» и пользовался особым доверием своих хозяев. По воскресеньям его постоянно приглашали на обед: в одно — к мистеру Роуленду, в другое — к мистеру Гардсливу. Он всегда прибывал ровно в одиннадцать часов и читал «Обсервер» и «Санди таймс» в библиотеке, тем временем как его босс читал те же газеты в кабинете. За восемнадцать лет он, как и его хозяева, немного усох и сморщился, в остальном же почти не изменился. Роуленд-старший приветствовал его с нахмуренным челом.

— Доброе утро, Шеппи, — сказал он. — Нам было бы интересно выяснить, возможно ли пройти через теннисный корт по верху сетки.

— Очень хорошо, сэр, — сказал Шеппи, ничуть не смущенный столь незначительной просьбой.

— Вы знакомы с Английским клубом лаун-тен-

ниса?

— Я осматривал его территорию.

— Хорошо. Я бы хотел, чтобы вы сходили туда, взяв… — Он взглянул на Хью. — Есть ли какие-нибудь сведения относительно веса Чендлера?

— Нет. Но, судя по тому, что о нем говорили, я склонен думать, что это довольно здоровый малый.

— Ах, в таком случае, Шеппи, вам следует взять с собой Энгуса Макуиртера. — (Энгус Макуиртер был разнорабочим.) — Возьмите также стремянку. Я хочу, чтобы Энгус забрался на стремянку, ступил на сетку и попробовал по ней пройти. Ему не надо выделывать особых трюков. Нам надо только проверить, что станет с сеткой. Сегодня сыро, и не думаю, что на кортах будет много народу.

— Очень хорошо, сэр. Нам провести эксперимент на одном корте или на нескольких? Я заметил, что там около дюжины кортов.

— Я хочу получить все доступные статистические данные, — сказал Роуленд-старший, — относительно длины и прочности теннисных сеток. Вы начнете с первого корта и продержитесь, пока вас не поймают. Это все.

Когда Шеппи ушел, он снова повернулся к

Хью:

— Я должен попросить, чтобы ты оставил меня на некоторое время. Мне надо подумать. «Мысль, что плетет узор свой прихотливый…» Впрочем, нет, спутал. — (Явный признак того, что старик волнуется.) — Не стоит излишне беспокоиться. Как мне представляется, твой рассказ полицейским вполне надежен. И миссис Бэнкрофт, и мистер Янг подтвердили, что корзина для пикников была пустой. Они не посмеют отказаться от своих показаний, а доктор Янг к тому же так хочет защитить эту девушку. Нет. Но вот что меня беспокоит: сам Чендлер мог оказаться на корте в любое время. Если он и есть убийца, то он, разумеется, был там и мог увидеть нечто такое, чего видеть ему не следовало.

Такой поворот дела ускользнул от внимания Хью. Итак, возникают новые сложности и ловушки.

— Но больше всего, — продолжал Роуленд-старший, — я боюсь шума со стороны твоей матери.

— Но почему? Почему? Какое маме до всего этого дело?

— Очень большое. У меня такое чувство, что прежде, чем дело закончится, всю вину свалят на меня. Если бы имелась хоть малейшая воз-

можность, то, боюсь, твоя мать возложила бы на меня ответственность за поражение короля Якова в битве при Бойне. Эта твоя девушка… Очаровательная леди, насколько я помню, — уверен, она станет тебе прекрасной женой. Ее… э-э-э… общественные связи, конечно, вполне удовлетворительны?

— Ее отец застрелился, а мать спилась.

Роуленд-старший поскреб подбородок.

— Могло бы быть и хуже, — заметил он. — У нее нет родственников, отбывающих срок в Уормвуд-Скрабзе?

— Нет.

— Это утешает. В то же время я не уверен, что север Шотландии — место, достаточно удаленное для отдыха твоей матери. Хорошенько подумав, я бы предложил что-нибудь вроде Танганьики или полярного круга. Но нам необходимо решить, что делать. Чем ты намерен заняться сейчас?

— Я собирался утром позвонить Бренде, — ответил Хью.

Его отец что-то прикидывал в уме.

— Тогда тебе лучше позвонить ей сейчас же. Мы должны следить за происходящим. Но…

Роуленд-старший поднялся с кресла, и голос его зазвучал более резко:

— Что бы ни произошло, Хью, тебе *нельзя* оказаться замешанным в какой-либо публичный скандал или снискать дурную славу. Ясно?

— Послушайте, сэр. У меня нет слов, чтобы выразить благодарность за то, как вы отнеслись к моим проблемам. Но одно я вам скажу. Если дело Чендлера примет дурной оборот, я объявлю Хэдли всю правду.

Они посмотрели друг на друга.

— Ты это сделаешь?

— Сделаю.

— Даже, — спокойно произнес Роуленд-старший, — если после твоего признания мисс Уайт окажется на скамье подсудимых вместо Чендлера?

Наступило молчание.

— Однако, — продолжил отец более весело, — взглянем на светлую сторону всего этого. Эта неожиданная страсть к правде, каковую прежде я в тебе не замечал в столь опасной степени, может быть вознаграждена. Ты упорно упускаешь главное. Ложь полицейским чинам не всегда приводит к роковым последствиям. Ты не давал присяги и всегда можешь отречься от своих показаний — конечно, если сумеешь предложить взамен доказательства виновности кого-то дру-

гого. Если нам удастся (а я уверен, что удастся) доказать, что Чендлер действительно убил Дорранса, пройдя на корт и с корта по теннисной сетке, вы с мисс Уайт сможете без всякого вреда облегчить душу чистосердечным признанием. Но откровенно предупреждаю тебя, что в противном случае ты подведешь девушку под обвинение в убийстве, и тебе это известно не хуже меня. Иди звони по телефону — и будем надеяться, что Шеппи вернется с добрыми вестями относительно сетки.

Хью продолжал бушевать. И бушевал он тем яростнее оттого, что понимал — отец прав. Он прекрасно знал, что скорее увидит десяток Чендлеров, повешенных в ряд, чем позволит причинить хоть малейшее зло Бренде. И вместе с тем все в его душе восставало против сложившейся ситуации. К тому же его мучило неотвязное чувство, что удача на стороне настоящего убийцы, что они должны лгать и изворачиваться, боясь сделать хоть один неверный шаг, а истинный убийца тем временем смеется над ними.

Истинный убийца? Чендлер? А почему нет? Может, и в этом отец был прав? Хью бушевал бы еще больше, если бы Чендлер оказался виновным, а их с Брендой угрызения — совершенно

напрасными. Чем больше он над этим думал, тем более убеждался, что трюк с хождением по сетке отнюдь не пустая выдумка. Это было единственно возможным решением. И им во что бы то ни стало надо доказать это.

Но новое направление мыслей влекло за собой еще большую опасность. И вновь его отец оказывался прав. Если Чендлер был на теннисном корте, он мог увидеть то, чего ему видеть не следовало: например, как Бренда несет корзину для пикников. Ведь бульварная газета исчезла из павильона, а это значит, что ее унесли оттуда где-то между семью и двадцатью минутами восьмого. Иными словами, в то время, когда произошло убийство. Образ Чендлера, подобно чертику из шкатулки, возник перед глазами Хью. Невинная жертва Чендлер приобретал все более зловещие черты. Они должны найти Чендлера, должны поговорить с Чендлером, должны выяснить, что ему известно.

Хью сел перед телефоном в холле и набрал «Маунтинвью 0440». Он знал, что второй аппарат стоит в кабинете доктора Янга, и не без некоторого любопытства подумал, не придется ли ему обменяться со старым Ником парой-другой резких слов? Но Бренда сразу сняла трубку — ви-

димо, сидела рядом с телефоном.

— Алло, — сказал Хью и тут же почувствовал, как горло сжимается, а сердце начинает учащенно биться. Перед ним с удивительной ясностью промелькнули события вчерашнего дня.

— Алло, — ответил голос на другом конце линии.

Последовала пауза, вызванная смущением.

— Бренда, кроме тебя, в комнате кто-нибудь есть?

— Нет.

— Ты думаешь так же, как и вчера? Я имею в виду нас с тобой.

Знакомый голос заставил его отбросить все сомнения, вчерашние события отступили на задний план, и Хью, опасаясь слишком увлечься, заговорил о другом:

— Послушай, я хочу, чтобы остаток дня ты провела со мной. Это очень важно.

— Хью, я не могу! Бедный Ник…

— Пожалуйста. Я не могу объяснить по телефону, но это очень важно. Ты придешь?

В голосе Бренды слышалась нерешительность.

— Хорошо. Когда?

— Мне нужно вернуться туда, чтобы забрать машину. Я встречу тебя примерно через полчаса,

мы позавтракаем в городе, и я все тебе расскажу. Идет? Отлично! Что-то случилось?

— Случилось? — Голос слегка удалился, затем снова вернулся, словно Бренда ненадолго отстранилась от аппарата. — Я бы сказала тебе, что случилось! Помнишь того человека, доктора Фелла, который выглядел таким большим и веселым и за весь вечер не проронил ни единого слова? Хью, я боюсь, что он взялся за нас.

— Что заставляет тебя так думать?

— Я тоже не могу объяснить по телефону, — поспешно ответила Бренда. — Ник в любую секунду может въехать сюда, к тому же вернулись слуги и все время подслушивают под дверьми. Доктор Фелл и суперинтендант здесь с девяти утра, и… по-моему, они взялись за нас. Я расскажу тебе позже.

Последовала еще одна неловкая пауза — Бренда даже спросила, слушает ли он.

— Да. Все в порядке, Бренда. Выше голову и не беспокойся. Увидимся через час.

Хью повесил трубку. Он довольно долго сидел перед телефоном под лестницей и размышлял, вдыхая знакомый запах старых пальто и зонтов. Теперь он уже не знал, будет ли разоблачение их *лжи* лучшей или худшей из всех возможных

вещей. Он вновь осознал, насколько убедительно звучали речи Роуленда-старшего, который мог своими заклинаниями вызвать юридических кобр из их корзин и заставить плясать под свою дудку. Мог убедить почти кого угодно почти в чем угодно. Разумеется, Роуленда-старшего вовсе не заботила справедливость, но в этом деле она никого не заботила. Каждый, руководствуясь собственными соображениями, старался скрыть правду. А Роуленд-старший просто хотел, чтобы его сына не впутывали в эту историю.

Тем не менее Хью начинал серьезно относиться к его версии. Чендлер был убийцей и совершил убийство, пройдя по теннисной сетке. Другого объяснения не было. Каждый факт находил свое место в такой версии — разумеется, если ее удастся подтвердить. Если, если, если! Воодушевленный этой уверенностью, Хью поспешил в берлогу отца и прибыл туда одновременно с Шеппи.

Было бы несправедливостью сказать, что Шеппи раскраснелся или запыхался. Такого с ним никогда не случалось. Но он имел вид человека, который многое перенес. Роуленд-старший, едва сдерживая нетерпение, поднялся ему навстречу.

— Вы вернулись, — заметил он, — порази-

тельно быстро. Ну? Вы выяснили относительно сеток?

— Да, сэр, — ответил Шеппи.

— Ну же, ну?

Шеппи был не из тех, кого можно торопить.

— На первый взгляд, сэр, такое предположение выглядит вполне основательным. Могу объяснить, что верх тканевой сетки поддерживается либо толстой проволокой, либо гибким шнуром, состоящим из плетеной стали, натянутым между шестами и заканчивающимся с обеих концов ручкой, при помощи которой сетка поднимается и опускается.

— Да-да, это мне известно. Что дальше?

— Следуя вашим инструкциям, — продолжал Шеппи, бросив на хозяина обиженный взгляд, — мистер Энгус Макуиртер и я проследовали на корты, которые были пусты. Энгус Макуиртер (который, смею сказать, отнесся к нашему предприятию без особого энтузиазма) после некоторых уговоров взобрался на стремянку и прочно утвердился на сетке, для равновесия придерживаясь за стремянку рукой.

— Дальше.

— К несчастью, сэр, объектом нашего первого эксперимента был травяной корт. Я должен

заключить, что шесты, поддерживающие сетку, не были прочно закреплены в земле. Вследствие помещенного на сетку веса один из шестов сломался и упал. В результате неожиданного толчка мистер Энгус Макуиртер… гм…

— Свалился? — предположил Хью.

— Это неадекватное описание, мистер Хью. Какое-то мгновение я опасался, что у него произошло смещение основания позвоночника, да и сам мистер Макуиртер, разумеется, высказал свое отношение к случившемуся. Однако он внял моей убедительной просьбе перейти на следующий корт. Здесь не было никаких неприятных случайностей. Но стальной шнур стал раскручиваться наподобие измерительной ленты, так что мистер Макуиртер, несмотря на героические, но безуспешные попытки удержаться, приземлился на корт, во весь рост стоя на сетке. Я пытался остановить раскручивание шнура при помощи камней, палок и прочего, но это не помогло.

— Да?

— На третьем корте, сэр, результаты были не столь удачными. Поддерживавший сетку шнур был сделан из проволоки и (с сожалением говорю об этом) порвался. Энгус Макуиртер был вновь низвергнут наземь, к чему присовокупились

дополнительные неприятности: во-первых, корт был залит бетоном и, во-вторых, основание позвоночника мистера Макуиртера угодило прямо на перевернутую стремянку. Однако шотландцы — крепкий народ. Мы проследовали на четвертый корт. Неужели, мистер Хью, вы находите мой рассказ таким забавным?

Хью давился смехом. Он не смог сдержаться и, откинувшись на спинку стула, громко хохотал.

— Хью, — бросил Роуленд-старший, остановив на сыне холодный, многозначительный взгляд. — Продолжайте, Шеппи.

— Мы проследовали на четвертый корт — по моим опасениям, оставив за собой явные следы разрушений, — и здесь нас прервали. Я заметил фигуру, которая бежала к нам с северного направления. Человек, одетый в спецовку, по-видимому, был смотрителем кортов. Его лицо побагровело, он размахивал руками и издавал странные, нечленораздельные звуки, не имевшие почти ничего общего с человеческой речью. Мгновение этот человек смотрел на нас, затем бросился бежать в южном направлении. Когда стало ясно, что он скрылся, с тем чтобы привести полисмена, нам пришлось прервать наш эксперимент и спешно удалиться.

— Хью!

— Извините, — сказал Хью. — Но я не смог совладать с собой. Дайте мне посмеяться. Это первый лучик веселья во всем этом проклятом деле. Надеюсь, травмы Энгуса носят временный характер?

Шеппи склонил голову:

— Благодарю вас, сэр. Я не предвижу серьезных последствий.

— Но вы все-таки доказали, — настойчивым тоном проговорил Роуленд-старший, — вы все-таки доказали, что по проволоке можно пройти? Скажем, профессиональному канатоходцу?

Шеппи задумался:

— Канатоходцу, сэр? О, это другое дело. Да, при том непременном условии, что шнур так закреплен или натянут, что не раскрутится, — я бы сказал, что вполне можно.

Роуленд-старший и Роуленд-младший посмотрели друг на друга. Хью уже посерьезнел.

— Чендлер попался! — сказал он.

— Едва ли, мой мальчик. Нужны доказательства, а пока их нет. В то же время… Будь любезен, сними трубку. Ну не жалость ли, что даже по воскресеньям мы не можем быть свободны от этих звонков. Нет, не вы, Шеппи, Хью.

Услышав телефонный звонок, Хью почувствовал нечто вроде пророческого страха. Он словно телепатически ощутил приближение нового удара. Когда он услышал голос Бренды, предчувствие превратилось в уверенность.

— Хью, извини за беспокойство, — девушка говорила взволнованно и немного несвязно, — но я уверена, что они взялись за нас.

— Каким образом?

— Только что человек, которого они привезли, попробовал пройти по теннисной сетке. Он профессиональный канатоходец.

— Профессиональный канатоходец? — с такой силой взревел Хью, что услышал, как отворилась дверь в берлогу его отца.

— Да. Я проскользнула туда, чтобы посмотреть, но меня заметили и отправили назад.

— И он сумел пройти по сетке?

— Нет! Они позвали старика Матти Парсона — ты его знаешь, он делал этот корт для Ника — и установили, что это вообще невозможно. Кажется, корт сделан из смеси песка и гравия на бетонной основе, и столбы, поддерживающие сетку, должны были быть вделаны в бетон. Но не были. Они просто воткнуты, как шесты; и если кто-нибудь заберется на проволоку, оба столба

упадут и сооружение рухнет. Это еще не все. Если ты имеешь в виду Артура Чендлера, то Чендлер не умеет ходить по канату. Это не его амплуа. Они выяснили…

— Но он *должен* уметь, Бренда! Должен!

— Дорогой. Я знаю только то, что это абсолютно, категорически невозможно. — Ее голос зазвучал резче. — Я должна повесить трубку, Хью. По лестнице поднимается доктор Фелл.

Связь прервалась, и Хью остался стоять, окруженный обломками очередных надежд. Он вернулся в берлогу, где Роуленд-старший резкими рывками крутил очки в пальцах. Роуленд-младший осторожно закрыл дверь, подозревая об августейшем присутствии Роуленд-mère[2]. Когда Хью рассказал новости отцу, лицо последнего не изменилось, только слегка омрачилось.

— Здесь не обошлось без подтасовки, — заявил он после некоторого раздумья. — Как сказал бы старший Уэллер, мы жертвы подтасовки, мой мальчик. Кто-то пытается нас переиграть, этого нельзя допустить. По сетке должен был пройти Чендлер.

Хью пожал плечами:

---

[2] Примечания: 2
Мать *(фр.)*.

— Не знаю. Я знаю лишь то, что мне сейчас сказала Бренда: это абсолютно, категорически невозможно.

— Хм, хм. Мне надо увидеться с Гардсливом, — пробормотал Роуленд-старший, сев за письменный стол и барабаня по нему костяшками пальцев. — Если бы я мог догадаться, что творится в головах у мистеров Хэдли и Фелла, это меня тоже взбодрило бы. Я опасаюсь последнего из упомянутых мною джентльменов, Хью. Старый король Коль и Санта-Клаус приобретают довольно жуткий облик, когда появляются из-под маски детектива. В этом деле он вполне может удовлетворить свою страсть к расследованию чудес. И пока я что-нибудь не придумаю, тебе лучше не попадаться ему на глаза. Хью, ты убедился, что Чендлер — убийца?

— Да. Но…

— Да. Именно он. Я ни минуты не сомневаюсь в том, что этот прыткий джентльмен тем или иным способом убил молодого Дорранса. Но каким? Как ты говоришь, он не наделен даром левитации. Он не прыгал. И по твоим словам, не ходил по сетке. Гардслива эта загадка просто с ума сведет. Клянусь великими змеями Ирландии, Чендлер виновен! Он убил! Но как? — Роуленд-старший

ударил кулаком по письменному столу. — Как? — Он снова ударил по столу. — Как? — (И последний, сокрушительный удар.) — Как?

Глава пятнадцатая
Юмор

В оркестровой яме мюзик-холла «Орфеум» на Черинг-Кросс дирижер поднял палочку. В тот воскресный день большой зрительный зал был пуст, а задник сцены поднят, обнажая голую кирпичную стену; яркие лампы освещали двадцать пюпитров в оркестровой яме. Плоская, как блюдо, она светилась желтоватым светом, и дюжина черных смычков, подобно паучьим лапам, одновременно поднималась из ее недр. Раздался оглушительный удар тарелок, и пустоту зала заполнила разухабистая мелодия.

У-у-у-у! Снова ударили тарелки.

Летал на трапеции в воздухе он, Отважен, и молод, и дивно сложен[3].

Хью Роуленд, сидевший в глубине полутемного зала, начал непроизвольно насвистывать мелодию песенки, но вдруг, осознав, что означают ее слова, прекратил и чертыхнулся. Бренда из солидарности выругалась тоже. Сперва они вовсе

---

[3] Примечания: 3

Здесь и далее стихотворные переводы выполнены Е. Фрадкиной.

не думали, что Артура Чендлера в воскресенье можно найти именно в театре. Во время ленча в одном из ресторанов в Сохо, сидя рядом с Брендой, Хью старался сосредоточить все свои мысли на деле.

У Бренды был усталый вид, словно она провела бессонную ночь, что, собственно, соответствовало действительности. На ней были белое платье, белая шляпа, и ее белые маленькие руки непрерывно двигались.

— Выпей, — сказал Хью, показывая на стоявший перед ней коктейль, — а потом расскажи мне, что тебя так взволновало.

Бренда послушалась и почти залпом выпила коктейль. Затем, к немалому удивлению Хью, она спросила:

— Хью, тебе не кажется, что этот доктор Фелл сумасшедший?

— Тебе показалось, что он сумасшедший?

— Да, отчасти.

— Не могу сказать почему, — заключил Хью, — но мне это не нравится.

— Я так и думала. Как я тебе уже говорила, они явились к нам в дом в девять часов утра. Я видела, как они шли по подъездной дороге и сворачивали к корту. Они о чем-то ужасно спорили, ругались

и размахивали руками. Казалось, доктор Фелл старался в чем-то убедить суперинтенданта, а тот не соглашался. Суперинтендант то и дело останавливался и бросал на него яростные взгляды, а доктор Фелл принимался размахивать тростью.

— И что же?

Бренда ждала, когда перед ней поставят суп.

— Так вот, я пошла за ними, — призналась она с чуть виноватой улыбкой. — В конце концов, там легко спрятаться за деревьями, кустами, за живой изгородью. Что ты сказал?

— Чендлер! — взревел Хью, ударив кулаком по столу, совсем как его отец. — Бренда, мы были парой безмозглых дураков, раз не заподозрили неладное, оставив бульварную газетенку в павильоне в семь часов и не найдя ее там через двадцать минут! Ну да ладно! Через минуту я тебе объясню. Продолжай.

Бренда колебалась.

— Я не знаю, что они делали, — объяснила она. — Кажется, что-то искали в павильоне, когда я подкралась туда. Конечно, они искали то же самое, что и накануне вечером, но с другой целью. Доктор Фелл слишком толст и не смог протиснуться в дверь павильона, что крайне его взбесило. Они не нашли ничего, кроме моего свитера, конь-

ков Фрэнка и корзины с грязной одеждой. Доктор Фелл прицепил коньки к проволочной ограде и принялся как безумный разбрасывать вокруг вешалки для одежды. Суперинтендант совсем разозлился и собрал все в кучу. Доктор Фелл то и дело повторял: «Такая заметная вещь! Исчезла? Да где же она? Где?»

— О чем они говорили?

— Не знаю. Подожди. Меня беспокоит его вторая фраза. Он произнес ее с широким, ораторским жестом. — Бренда продемонстрировала жест Фелла. — «Есть еще огромный участок ровного песка без всяких следов». Понимаешь? *Без следов.*

— Хм, да. Что на это сказал Хэдли?

— Он сказал: «Это не совсем песок. Мы говорили „песок“, поскольку так проще, чем каждый раз повторять „смесь песка и гравия на бетонной основе“». В ответ доктор Фелл буквально взбесился и взревел во все горло: «Совершенно верно. Именно это я все время и пытался вбить вам в башку. Это не песок с морского побережья. Вы могли бы провести по нему пальцем и не оставить следа, но пройти по нему, не оставив следов, очевидно, невозможно».

Хью окончательно потерял интерес к супу.

— С ударением на «очевидно»? — спросил он.

— Нет. Этого я не заметила. Но он тут же снял с ограды коньки Фрэнка и стал их рассматривать с видом пирата, который вот-вот прикажет кому-то пройти по доске.

— Коньки!

— Бог мне свидетель, — заявила Бренда, торжественно поднимая руку. — Коньки. Потом он спросил суперинтенданта, можно ли доставить сюда бочку с водой. Бедняга Хэдли совсем потерял терпение, но в гараже есть водяной насос, а доктор Фелл упорно настаивал. На корт принесли бочку с водой. Доктор Фелл вылил воду на корт, промочив и свои ботинки, и ботинки суперинтенданта. Затем взял один конек и осторожно провел лезвием по мокрому месту.

Хью обнаружил, что крабы под майонезом привлекают его еще меньше, чем суп.

— Я рад, — сказал он, глядя на Бренду, — что они не проводили этот эксперимент в Английском клубе лаун-тенниса. Мне не хотелось бы быть в ответе за душевное здоровье смотрителя, если бы еще одна пара маньяков в тот же день ворвалась на его корты. — Он чувствовал, что его собственный рассудок начинает мутиться. — Но послушай, неужели все окончательно спятили? Неужели теперь предполагают, будто убийца

въехал туда на коньках?

— Не знаю.

— Но как это могло быть? Это просто глупо!

— Не знаю. Я рассказываю лишь то, что видела. Потом они уехали в машине суперинтенданта и отсутствовали два часа. Они говорили, что надо отыскать Чендлера. Когда они вернулись, то опять были ужасно взволнованы и велели какому-то человеку пройти по теннисной сетке. Хэдли почти сразу снова уехал, но доктор Фелл, как раз пока мы с тобой беседовали по телефону, поднялся, чтобы поговорить со мной.

— Та-ак…

Бренда неуверенно посмотрела на Хью:

— Так, но он ни слова не сказал про убийство. В основном он говорил о себе. Когда он начинает улыбаться, смотреть на тебя как на невиданное чудо и постепенно приходит в такое умиление, что на глазах у него выступают слезы, невольно начинаешь смеяться сама. Я думала, что он доктор медицины, как Ник, но, оказывается, он доктор философии. Он был школьным учителем, журналистом и еще бог весть кем. Он задавал мне бесконечные вопросы о том, чем мы все занимаемся, как проводим время и так далее. Его вопросы показались мне совершенно безобид-

ными. Он перемежал их очень смешными (и абсолютно невероятными) историями. В разгар нашей беседы появился Ник с мрачным лицом и спросил, что смешного мы находим в убийстве Фрэнка. Уф!

Хью задумался.

— Тут дело нечисто, — заключил он и рассказал ей про Чендлера.

Его рассказ длился до той самой минуты, когда принесли кофе; Бренда уже не смеялась.

— Боюсь, что ты прав, — пробормотала она. — Ты думаешь, нам следует…

— Разыскать Чендлера! Этим мы сейчас и займемся. — Он понизил голос: — Мой старик ничего не знает: скорее всего, он попытался бы нас остановить. К несчастью, все источники сведений о Чендлере сегодня недоступны. Мы могли бы выйти на него через Мэдж Стерджес, для чего надо отправиться к ней в больницу, но на это уйдет слишком много времени. Первая возможность — телефон. В справочнике Чендлеры занимают три колонки, в их числе двадцать один А. Чендлер и пять Артуров. К тому же у нас нет оснований полагать, что его имя значится в справочнике; вероятнее всего, он живет в актерском общежитии. Но здесь брезжит хоть какая-то надежда.

Чендлер действительно не значился в телефонном справочнике, но там значились его родители. Втиснувшись в телефонную будку ресторана, наши сыщики впустую тратили монету за монетой, выслушивая отрицательные ответы, но наконец при четвертой попытке — этот Чендлер, как ни странно, был фотографом в Фулхэме — им ответил такой резкий женский голос, что трубка около уха Хью затрещала.

— Его нет, — сказал голос. — Кто говорит?

Хью кинул торжествующий взгляд на бледную и нервозную Бренду.

— Моя фамилия Стерджес. Я говорю по поручению моей сестры Мэдж. Не могли бы вы сказать мне, где он?

Телефон так долго молчал, что Хью подумал, не допустил ли он какой-нибудь непростительный промах.

— Если вы брат Мэдж, то как же вы не знаете, где он?

— Я этого не знаю, миссис Чендлер. Ведь вы его мать, не так ли?

По той или иной причине немудреная уловка Хью успокоила женщину.

— Извините, если что не так. Но сегодня его спрашивают уже в третий раз. Сперва звонили из

полиции, потом какая-то женщина. В чем дело? У него опять неприятности?

— Надеюсь, нет, миссис Чендлер, но…

Телефон словно обезумел, в трубке затрещало и зарокотало еще громче.

— О боже, одни только неприятности, неприятности, неприятности! А ведь он учился в прекрасной школе, куда его отправил отец, и даже в Кембридже, если угодно, а теперь только взгляните на него! Не мог удержаться даже на такой работе, в мюзик-холле, среди этой развязной, размалеванной публики. Его уволили за то, что он вчера не явился, и приняли обратно только потому, что он, рухнув на колени, уверял, будто был с Мэдж, а это неправда; я не могу мириться с этим, не могу и не буду, так ему и передайте.

— Ладно, миссис Чендлер. Где он?

— Да все там же. В «Орфеуме». Репетирует новый номер. Передайте ему от меня, что если бы у его отца хватило упорства…

— Благодарю вас, миссис Чендлер. Я все передам, — успокоил ее Хью и повесил трубку.

— Это означает, — заявил он, когда они летели по Шафтсбери-авеню так быстро, что Бренда начала громко протестовать, — это означает: сто против одного, что Чендлер все-таки был на

теннисном корте.

— Да. Но ты уверен, что мы поступаем правильно?

Хью резко остановился:

— Правильно? Что значит — правильно?

— Если Чендлер в мюзик-холле, — пояснила Бренда, — значит полиция где-то поблизости. Разве твой отец тебе не советовал держаться от полицейских подальше? Предположим, что мы одновременно столкнемся и с Чендлером, и с Хэдли, — что мы им скажем?

— Не знаю, — громовым голосом ответил Хью. — Какое это имеет значение? Я знаю одно: больше всего на свете я хочу сейчас поговорить с Чендлером. И если я его найду…

И они его нашли.

«Орфеум» на Черинг-Кросс-роуд, к северу от Кембридж-Серкус, — реликт времен короля Эдуарда, которые отличались куда большим размахом, чем нынешние. Это очень большое и поразительно зловещее здание. Объявления на стеклянных дверях фойе извещали о том, что мюзик-холл откроется в понедельник, 12 августа, новой программой, в которой примут участие Летающие Мефистофели, Шлоссер и Визл, Текс Ланниган, Герти Фоллестон и другие, чьи имена

ничего не говорили Хью. Он было подумал, что придется пробираться через служебный вход, но стеклянные двери фойе были распахнуты, и им оставалось только войти.

Внутри царил полумрак и стоял густой театральный запах, смешанный с запахом сырости. Было тихо — только откуда-то спереди доносился приглушенный гул. Никто их не остановил, вокруг было пусто. Но когда они толкнули дверь, перед которой оказались, до них донеслись нестройные звуки.

— Ш-ш, — произнес чей-то голос.

В первых рядах партера стояли и ходили вразвалку человек двадцать. Ряды кресел, покрытые белыми чехлами, тянулись из конца зала к пустой освещенной сцене. Кто-то сыграл три ноты на саксофоне. Послышался приглушенный топот ног чечеточников. Из-за кулис появлялись и тут же исчезали чьи-то лица. Тяжелые позолоченные купидоны и нимфы на арке просцениума и тяжелые позолоченные светильники по бокам лож дрожали под эти звуки, словно хрупкое стекло.

— *Оп!*

Акробаты, мертвенно-бледные и призрачные, несмотря на красные трико, выстроили на сцене пирамиду, которая тут же распалась, как

карточный домик. С колосников, поскрипывая, опустились четыре трапеции квадратной формы. Четыре Летающих Мефистофеля, двое мужчин и две женщины, бросились вверх по серебристым лестницам, которые держали два других акробата. Они проворно скользнули на перекладины трапеции. Оркестр сыграл куплет, предшествующий вступлению хора; затем под бряцание тарелок один из акробатов взвился в воздух.

О-о-о! Грянули тарелки.

Летал на трапеции в воздухе он.

В темноте партера Бренда шепнула:

— Который из них Чендлер? Ты не знаешь?

— По-моему, вот тот худощавый, с рыжеватыми волосами, на трапеции, что ближе к нам. Он тоньше и немного выше других. Почти все они похожи на итальянцев!

— Если мы сядем, нас не выставят отсюда? Как ты думаешь? Ох!

Она слегка вздрогнула. По застланному красным ковром проходу к ним приближалась высокая худощавая фигура. Вскоре они разглядели мужчину в белой широкополой шляпе, даже более высокого, чем казалось на первый взгляд. На плечах его был обычный пиджак, правда перетянутый крест-накрест двумя ремнями, на

которых висела кобура револьвера 45-го калибра с перламутровой рукояткой. Но снизу он был облачен в кожаные ковбойские штаны и сапоги на высоких каблуках со шпорами. В правой руке он держал длинный тяжелый хлыст из змеиной кожи. Он мог бы нагнать страху своим лошадиным лицом почти такого же цвета, как его кожаные штаны, если бы не удивительно добрые и нежные глаза, которые теперь внимательно смотрели на Бренду и Хью.

— Привет, — сказало видение. — Пришли взглянуть на это-хм шоу?

От улыбки, которой одарила его Бренда, у него буквально волосы встали дыбом.

— Боюсь, что не совсем. Но как вы думаете, они будут не очень возражать, если мы посидим здесь минуту?

Хью знал, какое впечатление производит ее улыбка. Вновь прибывший сорвал с головы шляпу. Он едва не дрожал от переполнявших его чувств, и его длинные руки и ноги выделывали нечто невообразимое.

— Шно! — воскликнул он. — Шно! — Он не пытался произнести слово «конечно», а всего лишь издавал восклицание, долженствующее выразить удивление и уверенность. — Леди, —

почтительно добавил он, — что касается меня, то ваше желание — закон. Вы хотите сесть?

— Да, пожалуйста.

— Шно! — сказал вновь прибывший. Его рука дернулась назад, и длинный хлыст раскрутился с треском, настолько похожим на винтовочный выстрел, что все подскочили. Оркестр захлебнулся и заиграл вразброд. Неожиданно, словно в сказке, конец хлыста обвился вокруг чехла. Он сдернул чехол и, держа его в вытянутой руке, предъявил Бренде.

— Это для вас, — объяснил он. — Это-хм, — (крак!), — это-хм для джентльмена, это-хм, — (крак!), — это-хм для меня! Шно!

— Очень вам благодарна, — сказала Бренда. — Наверное, — она улыбнулась ему, — вы с Запада.

Его настроение несколько испортилось.

— Техас не Запад, — со страстью в голосе и на лице поправил он. — Леди, Техас на Юге. Сам я южанин. Шно!

Никто из них, включая Текса Ланнигана, не заметил, что в театре наступила мертвая тишина. Оркестр замолк. Трапеции перестали раскачиваться.

— Прекратите этот гвалт! — загремел голос, усиленный микрофоном. — Кто, дьявол его забе-

ри, устраивает этот дьявольский гвалт?

Ланниган выглядел несколько удивленным.

— Это, — гаркнул он в ответ, — не тот язык, на каком разговаривают в присутствии леди.

— Я заткну его в твою дьявольскую глотку, — ответил приземистый, коренастый акробат с синим подбородком. — Хочешь, чтобы они сломали себе шеи? Хорошо, профессор. Хорошо, ребята. Повторим еще раз.

— Я очень извиняюсь, — мягко сказал Текс. — Но повторяю, это не…

— Прошу вас! — яростным шепотом попросила Бренда. — Прошу вас! Сядьте! Вот сюда.

— Хорошо, мэм. Все, что скажете.

Однажды он Мэри к себе пригласил. Ее целовал он и джином поил. Циркач тот девчонке всю жизнь поломал. И стала она…

Совсем забыл, — сказал Текс, переходя на шепот. — Вам кто-нибудь нужен, леди?

Бренда забыла об осторожности:

— Да. Ш-ш-ш! Один акробат. Не знаю который. Его зовут Чендлер.

Текс встал и выпрямился. Чтобы привлечь к себе внимание, он взмахнул хлыстом, издав звук, похожий на винтовочный выстрел. В оркестровой яме кто-то уронил тарелку. С кресла первого

ряда вскочил полный мужчина с диким взглядом и без пиджака.

— Эй вы, парни, — гаркнул Текс, видимо полагая, что говорит на языке Данте, — нет ли среди вас малого по имени Чендлер? Его хочет видеть одна леди.

— Тихо! — рявкнул полный мужчина без пиджака. — Ой-ой-ой-ой-ой! Вы что, хотите отправить меня в сумасшедший дом, да? Хотите, чтобы мои хакробаты потеряли темп с музыки и сбились с ритма, да? Я этого не потерплю. Ой, эти хиностранцы, ей! — Он швырнул в воздух кипу бумаг. — Алессандро, мы бесполезно продолжить. Возьмите перерыв пять минут, да?

— Прелестное, тихое местечко, — сказал Хью.

— Шно! — усмехнулся Текс. — Хотите, я вытащу сигару у него изо рта этим-хм хлыстом?

— Нет, ради бога, нет! — воскликнула Бренда, хватая его за руку. — Сядьте, прошу вас. На нас все смотрят.

— Уж это точно, — согласился Текс с довольным видом.

— Хью, послушай! Вон тот рыжеволосый и есть Чендлер. Взгляни на него. А потом посмотри в зал: шестой ряд, рядом с проходом.

Там одиноко сидела девушка. Она оглянулась

и посмотрела на них с такой холодной злобой, что Хью вздрогнул. Хоть он и не мог как следует разглядеть ее в полумраке, но увидел или скорее почувствовал эту злобу. У Хью родилось смутное ощущение, что он уже видел сидящую впереди девушку, когда по ассоциации он вдруг догадался, что перед ним Мэдж Стерджес.

Акробаты с легким стуком спрыгнули на сцену. Их лица были скрыты под масками; руководитель, казалось, грубо отчитывал Чендлера, который только кивал в ответ.

— Он собирается спуститься со сцены, — прошептала Бренда. — Ты думаешь, он?..

Чендлер появился у служебной двери, что вела из оркестровой ямы. На нем был длинный алый плащ, благодаря которому он казался ярким пятном, движущимся в полумраке зала; под мышкой он держал какой-то предмет, скрытый плащом.

— Я, вроде того, пойду, — сказал Текс, поднимаясь. Его галантность была поистине бесподобна. — Если я могу еще чем-нибудь помочь вам, мэм, или вам, сэр, только просигнальте мне вот так. — Он громко свистнул, отчего два негра-чечеточника, вышедшие на сцену, бросили на него яростные взгляды. Затем он протянул руку. — Меня зовут Ланниган, Кларенс Ланниган, — коротко

добавил он, — из Хьюстона, Техас.

Он вразвалку удалился, пока Чендлер быстро шел по проходу.

На секунду задержавшись что-то шепнуть Мэдж Стерджес, Чендлер направился прямо к ним. Он улыбался. У него было скуластое, хитрое, довольно приятное лицо; про таких говорят «малый не промах», но потом убеждаются, что это верно лишь отчасти. Казалось, он испытывал некоторое смущение, но старался скрыть это. Его большие голубые глаза слегка покраснели, а веки припухли. Он то и дело оглядывал зрительный зал. Вблизи его алый плащ выглядел таким же жалким и потрепанным, как его хозяин. Но Хью внешность Чендлера даже понравилась.

Оркестр снова заиграл, аккомпанируя танцорам, и на расстоянии нескольких футов слова Чендлера были уже не слышны. Он наклонился и заговорил приятным голосом.

— Добрый день, — сказал он. — Пришли поговорить с убийцей?

Бренда привстала, но, когда Хью коснулся ее руки, снова села.

— Вот что значит сразу перейти к сути дела, — заметил Хью.

Чендлер откинул голову и рассмеялся. Затем

опять наклонился с еще более доверительным видом.

— Все в порядке, — заверил он. — Видите ли, я уже признался в убийстве.

Глава шестнадцатая
Гордость

— Не будете ли вы добры, — сказал Хью, тоже наклоняясь вперед, — повторить это?

— Я признался в убийстве, — отозвался Чендлер, — или практически признался. Я под арестом или практически под арестом. Сегодня вечером меня отправят в Брайдуэл.

На сцене танцоры-негры принимали самые невероятные позы; их черные туфли, надраенные до зеркального блеска, жили своей собственной дьявольской жизнью. *Така-така-так, така-така-так, така-така-так* — неслось со сцены под звуки оркестра. Вдруг в зале раздался такой громкий и ядовитый свист хлыста, что Бренда, Хью и Чендлер подскочили.

Текс Ланниган объявил войну. То ли он хотел позлить мистера Маргетсона, то ли (подобно всем южанам) решил, что мнение насчет цвета кожи еще остается под вопросом, но он стоял в центре зала и яростно работал хлыстом. Танцоры, сверкая туфлями, невозмутимо проносились через сцену и возвращались обратно.

Артур Чендлер устроился в кресле перед Брендой и Хью, обернулся и улыбнулся им.

— Под арестом, — прошептал Хью. — И вас это совсем не беспокоит?

— Не слишком.

— Видите ли, — сказала Бренда, — нам, пожалуй, следует объяснить, кто мы такие. Мы…

Чендлер снова откинул голову и рассмеялся:

— Ах, я знаю, кто вы. Откровенно говоря, мне было интересно, окажете ли вы мне сегодня честь своим визитом. Я надеялся, что окажете. — Он опустил на пол рядом с собой тяжелую коробку или сверток, который до того держал под красным плащом. — Я хотел вернуть эту проклятую посуду. Я имею в виду груз фарфора, который я унес вчера вечером из теннисного павильона. — Его улыбка стала еще шире. — Я вам друг, не так ли? Но мне от этого одно беспокойство: когда я окажусь в тюрьме, никакого проку от этого мне не будет.

Крак! — снова заговорил хлыст Ланнигана.

Хью повернулся к Бренде и увидел ее широко раскрытые глаза под полями сдвинутой на затылок белой шляпки.

— О том, что именно это и есть главное чудо, — сказал Хью, — можно и поспорить. Значит,

посуду украли вы?

— Разумеется. Вот черепки.

Чендлер ударил ногой по пакету, и раздался звон.

— Но зачем?

Чендлер оставил вопрос без внимания.

— А еще я подумал, — продолжал он, — что надо вам кое-что показать. Вам обоим. Взгляните сюда.

Он сунул руку под плащ, вынул из-под резинки трико клочок глянцевой бумаги размером в несколько квадратных дюймов и через спинку кресла протянул его Хью. Тот мельком взглянул на него в полумраке, затем зажег зажигалку и присмотрелся более внимательно, после чего, ощутив легкую тошноту, опустил фотографию несколько ниже, под прикрытие спинки кресла.

— Возможно, вам известно, что мой отец фотограф, — с готовностью объяснил Чендлер. — Я проявил это сегодня ночью. Конечно, это всего лишь моментальный снимок, к тому же при плохом освещении, но я снимал на новом «панкроматике»; с ним даже в полной тьме можно сделать довольно хороший снимок.

Так оно и было.

Снимок был сделан с западной стороны тен-

нисного корта из-за проволочной ограды. На переднем плане — тело Фрэнка Дорранса, лежащее на сероватом, покрытом лужами поле. Но четче всего получилась на снимке Бренда Уайт.

Бренда находилась лицом к фотоаппарату, хотя и не смотрела в объектив. Она смотрела на тело Фрэнка. Прядь волос падала ей на лицо, глаза были широко раскрыты. Перед собой она обеими руками держала корзину для пикников, которая, должно быть, била ее по ногам. Камера поймала ее в тот момент, когда Бренда бежала к телу Фрэнка и находилась футах в двенадцати от него.

Крак! — хлопнул хлыст Ланнигана, заглушая и оркестр, и *така-так, така-так* танцоров.

— Не правда ли, хорош? — усмехнулся Чендлер.

— Очень хорош, — прошептала Бренда. Она протянула руку и выключила зажигалку Хью; пламя погасло. Хью почувствовал ее дыхание на своей щеке.

Голос Чендлера изменился:

— Спокойно, приятель. Не поймите меня неправильно. Видите ли, это не шантаж.

— Тогда что же?

— Ну, я бы назвал это дружеским жестом, — улыбнулся Чендлер. Теперь он стоял в кресле

на коленях, словно худой красный гоблин. При слабом свете они разглядели на его губах сардоническую ухмылку. — Хотя вы, очевидно, так не считаете. Признаться, роль ангела-хранителя для меня нова и не совсем обычна, но ведь говорят же, что тот, кто не может позаботиться о себе, всегда заботится о других. Раз! Я взмахиваю волшебной палочкой. Раз! И вы уже вне подозрений. Будь я проклят, если мои усилия не стоят хотя бы одного слова благодарности!

— Благодарности? — переспросила Бренда.

— Послушайте, — сказал Чендлер, — сейчас у меня нет времени заниматься чужими неприятностями — своих хватает. И между нами говоря, признаюсь: все, что я сделал, было сделано не из альтруизма. Вместо того чтобы держать фотографию так, точно она вот-вот вас укусит, почему бы вам не возликовать? Ведь она доказывает, что мисс Бренда Уайт не имеет никакого отношения к убийству, разве вы не понимаете?

— Неужели? — спросила Бренда.

— Честное слово. Приглядитесь внимательней. Если снимок о чем и говорит, то лишь о том, что Дорранс мертв и рядом с ним нет никаких следов, кроме его собственных. Вы еще даже не приблизились к нему. Если не считать алиби,

засвидетельствованного и подтвержденного его светлостью верховным судьей или архиепископом Кентерберийским, какое лучшее доказательство вам требуется?

В театре было очень жарко.

— Он прав, Хью?

— Прав.

— Значит…

— Это явно не подделка, — сказал Хью, с удивлением заметив, что шея под воротничком вдруг вспотела, а подсознательные страхи почти рассеялись. — Фотографию можно увеличить и сравнить с официальными снимками. Послушайте, Чендлер: масса благодарностей и ряд извинений. Но если я спрошу, что, черт возьми, вы делали там с фотоаппаратом, вам не покажется, что я плачу за добро злом? Или если я спрошу: что вы там вообще делали?

Чендлер снова улыбнулся и махнул рукой:

— Ах, это целая история.

— И у вас есть причины ее не рассказывать?

— Не спешите с выводами, приятель. Нехорошо это. А что до фотографии, — загадочно проговорил Чендлер, — оставьте ее себе. Она ваша. У суперинтенданта Хэдли уже есть копия.

Крак!

Им пришлось перейти на шепот. Оркестр замер, и зал затих, танцоры покинули сцену. Ланниган теперь развлекался тем, что на большом расстоянии сбивал хлыстом розовые абажуры со светильников по бокам лож. Мистер Маргетсон, управляющий, предварительно аккуратно положив свои очки на пол и растоптав их ногами, вприпрыжку бросился через зал. Дуэт клоунов — маленький, красноносый человечек и толстый, подагрический полковник Блимп, опиравшийся на костыли, — начал вполголоса репетировать свой номер. Техасец, очевидно не державший зла на Шлоссера и Визла, на время прекратил упражнения с хлыстом.

— Значит, у суперинтенданта Хэдли есть копия, — глухим голосом прошептал Хью. — Вот как! Давно ли?

— С полудня сегодняшнего дня. Хэдли и старый толстяк по имени Фелл застукали меня в моем любимом пабе. Я их ждал. Видите ли, я отпечатал несколько копий с этого маленького снимка. Думал, что они могут пригодиться.

— Хэдли знает? — воскликнула Бренда, инстинктивно оглядываясь через плечо. — Но он не говорил мне.

Чендлер сделал серьезное лицо:

— Скажет, мадам. Скажет. Уверяю вас.

— Подождите, — вмешался Хью. — Что вы ему сказали?

— Я сказал, — холодно ответил Чендлер, — что я тот самый заботящийся об общественном благе гражданин, который убил Фрэнсиса Радди Дорранса.

— Ну? И вы действительно убили его?

— Опять-таки это как посмотреть. Только между нами: возможно, убил, а возможно, и нет. Во всяком случае, им придется это доказать, для чего потребуются определенные усилия. — Он снова заговорил серьезно: — Послушайте. Наверняка у меня не будет другой возможности поговорить с вами до того, как меня заберут в полицию. А это может случиться в любую минуту, что приведет босса в еще большую ярость, а мне доставит еще большее удовольствие…

— Но вы, кажется, хотите, чтобы вас арестовали.

— Хочу. Впрочем, позвольте мне договорить. Я должен предупредить вас обоих: ради вашей же пользы откажитесь от дурацкой версии, что мисс Уайт не оставляла этих следов, и забудьте о прекрасной фантазии, будто я надел ее туфли на руки и прошелся в них по корту. Это было

бы неблагодарностью по отношению к вашему ангелу-хранителю и источником серьезных неудобств для меня.

— Согласен. Что дальше?

Чендлер по-волчьи осклабился:

— Эта история могла бы причинить мне массу хлопот. Я *мог бы* пройтись на руках. Мне пришлось отрицать это. И я отрицал. Не досаждайте своему ангелу-хранителю лишними вопросами — вот все, о чем я прошу. Не важно, что я делал там с фотоаппаратом; не важно, почему стащил посуду, и сколько времени провел там, и что мне известно.

Хью прервал его:

— Но все это очень важные вопросы.

Чендлер колебался.

— Я сообщу вам, что я собираюсь делать, — наконец решился он. — Я сообщу вам то же, что сказал Хэдли, ни больше ни меньше. Но поскольку я вижу в вас союзников… — Он остановился. Его покрасневшие глаза сузились. — Кстати, я знаю, что это не вы сочинили историю про мое хождение на руках.

— Нет. Ее сочинил джентльмен по имени доктор Янг.

Глаза Чендлера сощурились еще больше.

— Янг? Янг? Тот старый калека, да? Хозяин дома? Что-то вроде опекуна Дорранса? Да, я слышал о нем. Так эта блестящая идея принадлежит ему, да?

— Да. Но веревку он пытался затянуть не на вашей шее. Тогда он вел другую игру.

Чендлер, казалось, затрясся от еле сдерживаемого смеха:

— Внутриполитическую, как я понимаю? Благослови вас Господь, дети мои. Но, как ваш союзник, я сделаю кое-что получше. Я расскажу вам…

— Случайно, не правду? — предположила Бренда ласковым голосом. — Не думаю, что мы сумеем сейчас установить ее.

— Почему же? Я по пунктам приведу вам показания, которые я дал Хэдли. И после каждого — на манер газетных опросников, в которых, например, дается слово «Горгонцола» и приводятся возможные варианты ответа, как то: испанский композитор, сыр, гора в Греции, — я буду добавлять слова «верно», «неверно». Слушайте внимательно.

Я сказал, что в субботу был на квартире Дорранса и мне сообщили, что он отправился к старому калеке в Хайгейт играть в теннис. (Верно.) Я сказал, что последовал за ним, спросил у

полицейского, как пройти, и тот довольно косо посмотрел на меня, когда я задал ему несколько вопросов про дом доктора Янга. (Верно.) Я сказал, что прибыл туда примерно без двадцати шесть. (Верно.) Я сказал, что нашел теннисный корт и специально оставил в павильоне газету, чтобы дать Доррансу пищу для размышлений. (Верно.) Я сказал, что намеревался убить Дорранса. (Как ни странно, неверно.)

Я сказал, что, услышав, как на корт идут люди, спрятался за деревом и стал ждать. (Верно.) Я наблюдал за игрой, пока не разразилась гроза. (Верно.) Затем — я все же не утка — укрылся в гараже и сидел там, пока не перестал дождь. (Более чем верно.) Я понял, что пары разделились, услышал, что Дорранс собирается сходить к миссис Бэнкрофт и вернуться той же тропинкой. (Верно.) Я терпеливо ждал в гараже и через несколько минут услышал, что он возвращается… один. (Верно.)

Этот поросенок тогда что-то насвистывал, — добавил Чендлер. — Больше он уже не насвистывал. Ах, совсем забыл: верно.

Чендлер замолчал.

Слушателей поразила ненависть, звучавшая в его голосе. К тому же он обладал даром оживлять

и делать зримым то, о чем рассказывал, повышая или понижая голос, сопровождая слова жестами руки. Они уже не были в театре. Они сидели в гараже и слышали посвистывание Фрэнка.

— Я сказал, что в окно гаража видел, как он остановился. (Верно.) Я сказал, что видел, как он идет к деревьям, окружавшим корт. (Верно.) Я сказал, что видел, как он входит туда… один. (Неверно.)

Вся сцена предстала перед ними с ужасающей зримостью.

— Но если вы видели, как он входит туда, — сказала Бренда, — вы должны были видеть, кто его убил.

— Вы забываете, что его убил я.

— Артур Чендлер — убийца. Это верно или неверно?

— Ах, и об этом вы пока не должны меня спрашивать. Но видите ли, именно это больше всего и беспокоит полицию. И обеспечивает мою безопасность. Во всем этом я признался Хэдли. Я сказал, что должен был убить этого малого, а по здравом размышлении полагаю, и убил. Основная загвоздка в том, что они не могут решить, как я это сделал.

В его рассказе чувствовался явный наигрыш.

Хью был уверен в этом; рассказ Чендлера попахивал алым плащом. Однако он не мог решить, что разыгрывает Чендлер: виновность или невиновность.

— И что случилось потом? — спросил Хью. — После того, как Дорранс пошел на корт… не один?

— Извините. Здесь история заканчивается.

— Для нас, но не для полиции?

— Для всех.

Мысль Хью усиленно работала, — во всяком случае, он пытался заставить ее работать.

— Здесь целая дюжина загадок, — сказал он. — И самая главная из них — почему вы так жаждете, чтобы вас арестовали?

— Не догадываетесь?

— Нет. Разве что…

— Разве что?

— Разве что вы невиновны и располагаете массой доказательств, которые на суде снимут с вас малейшее подозрение. — Хью немного помолчал. — Возможно, вы полагаете, что известность, которую принесет вам суд по обвинению в убийстве, тем более в «чудесном» убийстве, обеспечит вам положение, к которому вы стремитесь. — Он снова помолчал. — Возможно, вы и правы, но предупреждаю: вы рискуете, чертовски рискуете.

Послышалось чье-то свистящее дыхание. «Похоже, я попал в самую точку, — подумал Хью, однако Чендлер даже не шелохнулся.

— А вы не так просты, — усмехнулся Чендлер. — Разве не более вероятно, что я виновен, но убил таким способом, что меня никто и никогда не уличит? Когда совершаются самые интересные убийства…

— Чендлер их фотографирует, — закончил Хью. — Именно это я и имел в виду, говоря о доказательствах. Если у вас есть снимок Бренды после убийства, почему бы вам не иметь фотографии самого убийства? И убийцы. И способа. Ведь это подлинные сокровища.

Говоря это, Хью не смотрел на Чендлера. Он смотрел мимо него, туда, где огни сцены светились в пушистых каштановых волосах Мэдж Стерджес. Кроме того, что Мэдж — худенькая девушка в цветастом платье, ему ничего не удалось разглядеть; но она снова оглянулась и посмотрела на них. Теперь в ее взгляде не было ни гнева, ни злобы, только удивление.

С такого расстояния она ничего не могла услышать. Что-то другое побудило ее оглянуться и посмотреть на них, но движение девушки поразительно точно совпало со словами Хью. Но

так или иначе, он об этом забыл, поскольку в голосе Чендлера, ровном и спокойном, зазвучала такая ярость, что не верилось, будто он говорит шепотом.

Он сказал:

— Боже правый, неужели это так же очевидно, как и все остальное? — И, уже не рисуясь, он с такой силой вцепился в спинку кресла, словно хотел оторвать его от пола.

Хью подался вперед и схватил его за руку:

— Так, значит, вы сфотографировали и это?

Чендлер оттолкнул его руку:

— Нет!

— Это правда?

— Я же сказал вам. Почему мне все всегда дается с таким трудом, а этой свинье ровно ничего не стоит?

— Да, но…

— С тех пор, когда я еще был вот таким, — Чендлер поднес руку совсем близко к полу, — я мечтал о том, чем буду заниматься, когда вырасту. И все впустую. Ничего не получилось. Я обещал Мэдж в один прекрасный день набить цилиндр пятифунтовыми купюрами и высыпать ей на колени. Высыпал? Нет. Так дайте мне хотя бы возможность блеснуть на скамье подсудимых.

Хью понял, к чему клонит Чендлер. Но не стал слишком горячо спорить.

— Это ваше личное дело, — сказал он. — Такое, конечно, уже случалось. Я припоминаю дело одного человека, который намеренно признался в убийстве, которого не совершал, и уже на суде предоставил улики, убедительно доказавшие, что он невиновен. Он объяснил, что на основании досужих сплетен его так уверенно обвинили в убийстве, что он вышел из терпения и решил реабилитировать себя в глазах всего света на открытом суде.

Хью помолчал.

— Если вы решили признаться в убийстве лишь затем, чтобы приобрести известность во время суда, — продолжал он, — возможно, вы правы. За ложь вам ничего не грозит, если, разумеется, вы не станете лгать на суде. А на суде вы лгать не станете. Но вы должны быть абсолютно уверены, что сумеете доказать свою невиновность. Хочу предупредить вас как адвокат, что вы смертельно рискуете. Судье такая шутка не понравится. Не понравится и присяжным. Прежде чем начать, как следует все проверьте, или они подумают, что ваши оправдания — еще один блеф, и вас повесят.

— Не понимаю, о чем вы говорите.

Но Бренда поняла. Хью видел ее ресницы, мягкий овал подбородка, напряженную линию плеч.

— Хью прав, мистер Чендлер, — сказала она. — При всем уважении к нашему ангелу-хранителю вы не слишком искусный лжец.

— Ха!

— Нет, не слишком, — настойчиво повторила Бренда, качая головой; голос ее звучал умоляюще. — Вы слишком честны или, может быть, слишком боитесь, что вас уличат. Я знаю одного беззастенчивого лгуна. — Хью заметил ее отвращение и мысленно полюбопытствовал, сколь долго она его испытывала. — Я знаю одного беззастенчивого лгуна, который не сумел совладать с собственной ложью. Не сумеете и вы.

Чендлер смотрел в пол. Через некоторое время он резко проговорил:

— Может быть, вы правы. Не знаю. Как ни глупо, но это весь день меня тревожило.

— Поверьте мне, мы правы, — заверил Хью. — Неужели вам не кажется, что, сказав правду, вы приобретете достаточную известность, к тому же ничем не рискуя? То есть в том случае, если сами предъявите доказательства? Вы станете

героем дня.

— Вы так думаете? — серьезно спросил Чендлер, вскинув голову.

— Я это знаю.

Казалось, Чендлер принял решение. Быстро оглядев зал и уверившись, что Мэдж Стерджес ничего не услышит, он выразительно склонился в их сторону.

— Слушайте… — сказал он.

— Летающие Мефистофели, — грянуло со сцены. — По местам! Номер четвертый! Эй! Вы!

Сердца у Бренды и Хью бешено колотились, но Чендлер замолчал, облизал губы и отвернулся.

— Полсекунды! — крикнул он. — Я только…

— Эй! — донеслось со сцены.

Коренастый акробат, по всей вероятности ведущий номера, не удовольствовался обычной речью. Его лицо было бледно. Он подбежал к микрофону у края сцены, и через усилитель на них обрушился его крик:

— Я долго терпел! Всем уже невмоготу. Чтобы через три секунды ты был на месте. Я считаю. Ты меня слышишь?

— Но…

— Вам лучше идти, — сказал Хью. — Если из вашей затеи ничего не выйдет, то надо хотя бы

сохранить работу.

— Один. Два. И можешь сказать своему… техасцу, — доносился усиленный микрофоном спокойный, зловещий голос, — что, если это так по душе здешним дамам и джентльменам, он может хлопать своим дьявольским хлыстом до второго пришествия. Это и блоху не сгонит с места. В Манчестере мы слыхали и не такое. Один. Два…

Взметнув алый плащ, Чендлер одним махом перепрыгнул через спинки кресел, мягко приземлился в проходе и побежал к сцене.

Из оркестровой ямы донесся звук настраиваемых скрипок.

— Хью, он все знает, — прошептала Бренда. — В этом нет никакого сомнения. Он знает, кто настоящий убийца; знает, как все случилось. Нельзя было отпускать его. Если у него будет время собраться с мыслями, он может снова передумать.

— Да. А если мы его не отпустим, этот амбал Алессандро выгонит его с работы и он с отчаяния снова прибегнет к своей выдумке. Будь что будет. Пока он занят в номере, у него не останется времени думать о другом.

— Это меня тоже беспокоит, — сказала Бренда. Она обернулась, и их глаза встретились. — Хью,

это очень опасный номер. Сейчас он не в том состоянии духа, чтобы исполнять его. Будет просто ужасно, правда, если у него соскользнет рука или случится еще что-нибудь. Акробаты работают без сетки на высоте в пятьдесят футов.

Они посмотрели друг на друга.

Возникла новая опасность, новое скользкое место. Но им не хватило времени подумать об этом. За их спиной кто-то тихо спустился по застланному красным ковром проходу и положил руку на плечо Хью. Это был суперинтендант Хэдли, который рассматривал их с весьма странным выражением лица.

Глава семнадцатая
Жалость

— Э-э-э… садитесь, суперинтендант, — пригласил Хью.

События разворачивались с такой быстротой, что у него не было времени привыкнуть к новому и гораздо более зловещему виду Хэдли. Если он ожидал взрыва гнева или грозного взгляда, то не удостоился ни того ни другого. Последовала продолжительная, напряженная пауза. Хэдли посмотрел на Хью. Посмотрел на Бренду, которая поспешно прятала фотографию в ридикюль.

— О-о! — вырвалось у Хэдли.

Он зажег спичку, чтобы лучше видеть в полумраке. Пламя осветило перевернутое приставное сиденье с металлической табличкой, на которой черными буквами было написано: «Место снабжено слуховым аппаратом для удобства глухих».

— Дело в том, суперинтендант, — сказал Хью, — дело в том, что…

— М-да?

— Ах, черт возьми, дело в том, что мы не сказали вам всей правды.

— Я догадываюсь об этом, молодой человек, — заметил Хэдли таким тоном, словно признание Хью нисколько не удивило его. — Догадываюсь. — Он продолжал смотреть на сцену, где собирались Летающие Мефистофели.

— Я только хотел, — продолжал Хью, — объяснить…

— В объяснениях нет надобности, — отрезал Хэдли и добавил: — Премного вам благодарен.

— Да, знаю, я заслуживаю хорошего пинка. Прекрасно, можете дать мне такого пинка, чтобы я долетел до Марбл-Арч, будьте любезны. Но вы не понимаете. Я говорю так, потому что теперь мы наконец-то можем вам помочь. Мы кое-что выяснили. Теперь мы знаем правду.

— Вот как? Неужели?

— Да. Мы выяснили… — До Хью с некоторым опозданием дошло, почему Хэдли говорит шепотом. Голос его резко оборвался. — Похоже, вы не слишком восприимчивы, суперинтендант.

— Так-так-так, — сказал Хэдли. — Значит, я не слишком восприимчив, хм? Я, черт возьми, не восприимчив. Неужели?

— Вы все еще не понимаете. Это не уловка. Это правда.

— Такая же, как то, что я здесь, перед вами, —

подтвердила Бренда. — Если вы только выслушаете нас, мистер Хэдли, то уже сегодня сможете посадить настоящего убийцу под замок. Чендлер его знает. У Чендлера есть фотография настоящего убийцы.

— Вы допустили небольшую неточность, а? — заметил Хэдли, впервые поворачиваясь к Бренде. — У него есть ваша фотография.

— Нет-нет, я имею в виду другую. Чендлер там был и все видел. Практически он нам признался в этом.

— Еще бы не признался.

— Но вы не желаете слушать…

— Одну минуту, — сказал Хэдли. Он глубоко вздохнул и, казалось, угрожающе навис над ними, хотя голос его звучал все так же спокойно. — Забудем прошлое. Я сам был виноват. Я всегда гордился, что умею распознавать лжецов. Но моя жена абсолютно права. Не умею. Особенно когда речь идет о женщинах. После тридцати лет службы в полиции я так и остался сопливым мальчишкой с пугачом в кобуре. — Он сделал выразительную паузу и так пристально посмотрел на Бренду, что она слегка отпрянула. — Итак, я не восприимчив, и это очень плохо. В противном случае я мог бы сесть с вами и приятно провести

часок, выслушивая очередную порцию рассказов о привидениях. Но как ни жаль, я не восприимчив. Моя юная леди, я не поверил бы вам, даже если бы вы заявили, что солнце восходит на востоке. Если вы оба придумали еще одну небылицу, чтобы отвлечь внимание от себя, забудьте ее. Я не желаю слушать. В ней нет необходимости.

Крак!

Даже Хэдли вздрогнул от свиста хлыста, гулко пронесшегося по всему залу. Работавшие на сцене Летающие Мефистофели прокатились алым колесом, которое тут же рассыпалось. На шум они не обратили внимания.

Крак!

— Хью, это надо прекратить, — сказала Бренда, вставая. — Останови этого, как его там, Кларенса. Свистни ему! Неужели ты не понимаешь? Чендлер! Бедняга очень нервничает. Если этот хлыст щелкнет, когда он будет на трапеции, бог знает что может случиться. Это ужасно.

— Разве? — спросил Хэдли, удобно устраиваясь в кресле. — Вчера вечером вы часто повторяли это слово. Что «ужасно» на сей раз?

— Чендлер! Он упадет.

— Надеюсь, что нет, — успокаивающим тоном проговорил Хэдли. — Мне нужно, чтобы он был в

хорошей форме, когда я приглашу его пройтись со мной. Но поскольку он занимается этим делом вот уже шесть или семь лет, то, думаю, и сегодня дотянет до конца.

Здесь Хью вмешался:

— Постойте! Вы ведь не собираетесь арестовать Чендлера?

— Он уже арестован, хотя сам еще не знает об этом. — Хэдли посмотрел на сцену. — Желаю приятно порезвиться, дружок, — удовлетворенно добавил он. — Сегодня утром ты недурно повеселился, заставив нас с Феллом попотеть. Посмотрим, как тебе понравится обхождение с твоей особой сегодня вечером.

Крак!

— Но, суперинтендант, вы не можете его арестовать. Он невиновен и знает настоящего убийцу. У него есть его фотография. Кроме того, нет смысла арестовывать его, если вы не можете доказать, каким образом он совершил убийство.

— О, полагаю, нам это известно.

Несколько громче, чем требовалось, грянула бурная музыка увертюры к «Вильгельму Теллю», и два Летающих Мефистофеля промчались по сцене.

— И как же он это сделал?

Не сводя глаз с акробатов, Хэдли почти рассеянно проговорил:

— Он прошел по сетке. Хороший номер. Мне даже не хочется прерывать его.

— Он не мог пройти по верху сетки, — настаивал Хью. — Это невозможно. Сетка слишком слаба, чтобы выдержать человека; к тому же Чендлер не канатоходец. Бренда видела ваши эксперименты. Она слышала, как вы сказали…

На сей раз Хэдли уделил им внимание: выражение его лица стало почти зловещим.

— Значит, вы нас не только видели, но и слышали, мисс Уайт? Так-так-так! Наверное, вы ничего не упустили?

— Не стану скрывать, — согласилась Бренда.

— Я хочу раз и навсегда посоветовать вам, — сказал Хэдли, — держаться от этой истории подальше. Я хочу задать вам по меньшей мере сотню вопросов. Однако они могут подождать. Но хоть я и имею дело с людьми, у которых чувства порядочности не больше, чем у этой трапеции, я, вместо того чтобы засадить вас в кутузку по первому пришедшему в голову обвинению, сделаю вам одно предложение. Если я расскажу вам, как он это провернул, вы прекратите мешать людям, которые хотят докопаться до истины?

Крак!

— Да.

— Он прошел по сетке, — повторил Хэдли. — Но не так, как вы думаете. Вы и так об этом узнаете, поскольку нам потребуются ваши показания против него.

— Наши показания? Да будь я проклят, если мне что-нибудь известно, и Бренде тоже!

— Думаю, что известно, — хмуро проговорил суперинтендант. — Но я не стану наводить вас на ответ. Вы сами мне скажете. Так вот, на какой высоте была сетка, когда вы начали играть в теннис?

— На обычной. Верхний край был на высоте одной длины ракетки плюс одна ширина ракетки над землей.

— Да. Но что произошло после того, как по сетке целых пятнадцать минут хлестал дождь? Она провисла, не так ли?

Хью хорошо помнил свисающую сетку.

— Она сильно провисла, да, но…

— Вы также скажете мне, что перед грозой и во время грозы дул сильный ветер? Да. — Хэдли кивнул. — Вот и ответ, если вы хорошенько подумаете. Что случится при таких обстоятельствах?

Но тут заговорила Бренда:

— Они поднимаются на трапеции. Посмотрите на Чендлера! Он бледен как привидение, и его рука едва не соскользнула с перекладины серебряной лестницы. Если вам не остановить нашего приятеля Кларенса, то это сделаю я. Пропусти меня.

Крак!

Оркестр, как и раньше, проиграл один куплет без хора, чтобы дать артистам время подняться на трапеции.

Когда Бренда стала пробираться мимо колен Хью, музыка грянула в полную силу.

— Бренда, послушай! Нет! Сядь. Это мастера. Они знают свое дело; им плевать на Ланнигана. Но если мы поднимем шум, то действительно могут быть неприятности. Суперинтендант, я все-таки не понимаю, к чему вы клоните.

Я счастлив был прежде, теперь — одинок, Безжалостно брошен, как рваный носок. Девчонку любил, а она предала…

Когда Бренда добралась до прохода, Мэдж Стерджес тоже встала. Легкой походкой манекенщицы она направилась по проходу в конец зала. Молодые женщины встретились и разминулись, успев окинуть друг друга быстрыми, оценивающими взглядами.

— Бренда! Иди сюда!

— Сядьте, мистер Роуленд! — нетерпеливо сказал Хэдли. — Если она полагает, что может остановить этого дурака с хлыстом, не мешайте ей. Так вы по-прежнему не понимаете, к чему я клоню?

— Да. Нет, — выпалил Хью, изо всех сил стараясь побороть нерешительность.

— Ведь теннисная сетка тяжелая, не так ли? — осведомился Хэдли. — Да. И если она провиснет, то три-четыре дюйма окажутся на земле, ведь так? Да. Включая матерчатую нижнюю кромку с дюйм шириной. Да? Вы согласны?

— Хорошо. Бренда!

Любимая очень красивой была, Но сердце другому она отдала.

— Что еще? — продолжал Хэдли. — Что еще случается при ветреной погоде? Сетка не только обвисает на землю. Она полощется по земле. Следовательно, если во время грозы песчаная поверхность корта довольно гладкая, то хлопающая по земле сетка оставляет следы. Оставляет на корте собственные следы. Вы смотрите на них, но не задумываетесь над ними, потому что они выглядят вполне естественно. Вы даже не примете их за следы.

Но по нижней кромке сетки мог пройти человек, не так ли? Мог пройти и не оставить собственных следов. Более того, он мог прыгнуть на нее. Мог прыгнуть от края корта — для Чендлера это не составляло труда — и приземлиться на ближайшей кромке сетки. Еще два прыжка — и он на самой середине. Он не оставляет следов, поскольку путь уже проложен. Вот таким образом наш друг-акробат и проделал свои упражнения, за которые его и повесят.

А он на трапеции в цирке летал И, что я ни делал, ее потерял. Ох-ох-ох.

Музыка оборвалась, раздался нарастающий грохот тарелок, и первый акробат взмыл в воздух.

Началось.

Хью встал с кресла и обвел взглядом зал. Он не видел ни белого платья Бренды, ни белой шляпы Ланнигана.

— И если вы соблаговолите уделить мне немного внимания, — заключил Хэдли, — именно это мы и установим.

— Суперинтендант, — сказал Хью, — я этому не верю.

— Нет? И почему же?

— Каков вес Чендлера? Если допустить, — его

взгляд по-прежнему скользил по залу, — если допустить, что Чендлер мог пройти по сетке, не оставив следов, то в местах, где он приземлился, должны остаться глубокие отпечатки. Вы обнаружили их?

Хэдли и глазом не моргнул.

— Совсем не обязательно. Он шел по мягкой промокшей тряпке — я имею в виду сетку, — отчего давление на почву было не слишком сильным. Боюсь, вам придется это признать, молодой человек! Другого объяснения не существует.

Крак!

Даже не будучи особым ценителем, Хью понимал, что видит воздушную акробатику самого высокого класса. Его нисколько не удивляло, что Летающие Мефистофели перед началом выказывали такое раздражение. Оригинальность номера заключалась в том, что на четырех трапециях, составлявших квадрат, работали две команды одновременно. Два человека — по одному из каждой команды — постоянно были в воздухе; они с такой скоростью проносились мимо друг друга, что, казалось, в любое мгновение могут столкнуться. В этой игре малейшее касание плечом неминуемо привело бы к беде. Каждое движение было рассчитано до доли секунды.

Крак!

При каждом сальто-мортале у Хью замирало сердце. Бренда была права. Ланнигана необходимо остановить. Ланниган глупец. Ланниган опасен. Ланниган…

Крак!

— Сядьте, — отрезал Хэдли. — Вы всегда так ведете себя в мюзик-холле, глядя на опасный номер? Как бы то ни было, Чендлер — убийца, и этим все сказано.

— Доктор Фелл с вами согласен?

— Его согласие не имеет значения. Фелл всегда согласен только с самим собой. Если ему угодно строить из себя рассерженного медведя, вольно ж ему. Чендлер — убийца, потому что у него был мотив, возможность, темперамент и способ; а еще потому, что он — единственный, кто может быть виновен.

Крак!

Последний удар Хью расслышал довольно смутно, поскольку оркестр заиграл во всю мощь, чтобы заглушить неистовство хлыста. Но он услышал его как раз в то мгновение, когда, оглянувшись, увидел, что Бренда стоит в середине центрального прохода со свернутым хлыстом техасца Ланнигана в руках.

Поскольку взгляд Хью был обращен в другую сторону, он не видел начала трагедии. Но успел увидеть ее конец.

Чендлер вернул свою партнершу на ее трапецию и не торопясь раскачивался, готовясь к обратному прыжку. Их трапеции располагались параллельно рампе, трапеция Чендлера была ближайшей к залу. Он вытянул вперед руки и, вращаясь, полетел.

В свете софитов Хью видел его бледное, блестящее от пота лицо.

Дальнейшее произошло словно при замедленной съемке. Тело Чендлера слегка изогнулось. Его пальцы скользнули на несколько дюймов ниже перекладины трапеции; вытянутые руки согнулись в локтях, но не распрямились, пока сам он не начал падать. Казалось, что в зал несется красная молния. Он пролетел оркестровую яму, со стуком ударился головой о приставное сиденье первого ряда партера и, словно сгоревший лист бумаги, упал на спину в центральном проходе.

Когда его подняли, он, конечно, был мертв. Поскольку на Чендлере было красное трико, а волосы его были рыжими, прошла минута или две, прежде чем на его трупе заметили три пулевых отверстия: два на теле и одно в голове.

Глава восемнадцатая
Наитие

В десять часов вечера того же дня доктор Гидеон Фелл сидел за письменным столом в кабинете своего нового дома в Хампстеде и терпеливо пытался построить карточный домик.

Старой квартиры на Адельфи-Террас, 1, больше не существовало. Так называемый прогресс уничтожил эту благородную улицу, чтобы освободить место для новых многоэтажных контор, чьи полированные вешалки были слишком роскошны для поношенной шляпы доктора Фелла. Он отнюдь не возражал против такой перемены; неизвестно даже, заметил ли он ее вообще. Дом в Хампстеде был комфортабельным и спокойным, что, собственно, он и любил. Там хватило места для всех его книг, каковых, как говорили, было великое множество.

При доме был сад с железной скамьей, достаточно прочной, чтобы выдержать вес доктора Фелла, и место для игры в крокет, на случай если какой-нибудь особе, пребывающей в здравом уме, взбредет в голову предаться столь редкостной

забаве. Но старая квартира была полна воспоминаний о выкуренных трубках, о выпитом пиве, о хорошей работе, запечатленной на бумаге, и о плохой работе, разорванной на клочки, о беседах, затягивавшихся далеко за полночь, и даже о криминальных делах, доведенных до не совсем обычной развязки.

К тому же были и хлопоты, связанные с переездом. Доктор и миссис Фелл провели в новом жилище уже целый месяц, но, по крайней мере, кабинет доктора Фелла все еще пребывал в состоянии хаоса.

В ту самую минуту, когда очередная порция книг благополучно перемещалась из ящиков на полки, ему на глаза непременно попадалась какая-нибудь старая и (в данный момент) чрезвычайно интересующая его книга, которую он не видел год или два. Он тут же усаживался в кресло и просматривал ее, пыхтя от изумления. Поэтому на распаковку книг у него ушло целых три недели, и поскольку он всегда клал книгу там, где ему случалось стоять или сидеть, то в кабинете выросли целые горы. Книги загораживали банку с табаком, покрывали рояль, шаткими кипами высились на всех стульях, в результате чего полки на одной из стен были по-прежнему

почти пусты. Но доктор Фелл бродил среди этой неразберихи, разглядывал то одно, то другое и был вполне доволен.

Итак, в десять часов того воскресного вечера доктор Фелл сидел за своим письменным столом под лампой молочного цвета с сигарой во рту, пинтой пива у локтя и старался построить карточный домик. Но недоконченный домик то и дело разваливался, а его строитель рассеянно чертыхался. Затем он делал карандашом пометку в блокноте, словно то была строительная спецификация. Один раз он на несколько минут прервал строительство, чтобы заглянуть в свои заметки. Казалось, он был чем-то недоволен.

Вскоре после десяти минут одиннадцатого к нему явился сердитый и еще менее довольный результатом своих трудов суперинтендант Хэдли.

Пока доктор Фелл звонил, чтобы принесли бутерброды и пиво, Хэдли внимательно рассматривал комнату.

— Я вижу, — сказал он после тщательного обследования, — что на сегодня расстановка закончена. Вы повесили над камином маску колумбийского демона и между окнами водрузили щит. Если мне не изменяет зрение, с прошлой недели на полках прибавилась по меньшей мере

еще одна дюжина книг. Мои поздравления.

Доктор Фелл хмыкнул.

— Вам не хочется шутить, — сказал он, не поднимая глаз. Доктор хмурился, раздувал щеки над своей работой и оставил ее лишь тогда, когда сигарный дым попал ему в глаза. — Итак, Хэдли?

— Вы о Чендлере?

— Да, о нем.

— Было бы очень неприятно, — сказал Хэдли, бросая портфель на рояль, — признать, что вы были правы, даже не зная, что именно вы хотите сказать. Я не знаю вашу версию. Не имею о ней ни малейшего представления. Сегодня вы весь день только и делали, что возмущались по поводу отсутствующего…

— Чендлера? — прервал его доктор с терпеливой настойчивостью.

— Что до Чендлера, то могу вкратце сказать, что мы имеем еще одно чудесное убийство.

Доктор Фелл поднял голову. На его крупном лице была написана недоверчивость.

— Чудесное? Вздор! Невозможно!

— Да, — с горечью проговорил Хэдли. — «Это невозможно, поскольку чудес не бывает». Попробуйте его раскрутить. Хорошо, взгляните на факты. По телефону я вам их вкратце перечис-

лил. Они опять достаточно просты. В Чендлера три раза выстрелили из оружия малого калибра, вероятно из револьвера. Выстрелы были произведены из конца зрительного зала, где было очень темно.

Если убийцей был человек посторонний, то ему не составляло труда проникнуть в мюзик-холл. Просто войти с улицы. Все двери были открыты. В фойе было темно. За партером идет парапет, обтянутый тканью, высотой в восемь или девять футов. Убийца мог через ткань выстрелить в Чендлера, который находился на освещенной сцене, и тут же уйти. Его никто не услышал, потому что какой-то артист, маньяк с Дикого Запада, в течение всего представления щелкал хлыстом.

Теперь о главном. Совершенно ясно, что никто из присутствовавших в мюзик-холле не мог совершить это убийство — правда, если исключить Мэдж Стерджес и Бренду Уайт. Почему? Потому что все остальные собрались около сцены. У них общее алиби. Все они могут поклясться, что ни один из них не был в состоянии вытащить револьвер и трижды выстрелить в Чендлера с интервалом в несколько секунд так, чтобы другие ничего не заметили. Эту мысль можно сразу отмести.

Но Мэдж Стерджес и Бренда Уайт тоже почти вне подозрения. Ни при них, ни в зале не нашли никакого оружия, да и спрятать его там некуда. Обе женщины находились ближе остальных к концу зала, но ненамного: в высшей степени маловероятно, чтобы та или другая могла сделать три выстрела: это непременно увидели бы как собравшиеся в зале, так и стоящие в кулисах. Сперва о девице Стерджес. Перед самым началом воздушного номера Летающих Мефистофелей она поднялась со своего места в первых рядах и пересела гораздо дальше. По ее словам, она все еще плохо себя чувствовала и яркий свет резал ей глаза. Но когда Чендлер упал, она первой оказалась рядом с его телом, и у нее не было времени спрятать оружие. Кроме того, она последняя, у кого мог быть мотив убивать Чендлера. — Хэдли немного задумался. — Что же касается мисс Бренды Уайт…

— Подождите немного, — прорычал доктор Фелл. Он вынул изо рта сигару и высоко поднял ее. — Вы по-прежнему гоните именно этого зайца?

Хэдли внимательно разглядывал пол. Казалось, он раздумывает, не ударить ли ногой по довольно редкому экземпляру «Фокус-Покус Младший, или

Антология ловкости рук» (издание 4-е, 1654 г.), который соблазнительно лежал у его стула, и не послать ли его, словно открывая футбольный матч, через всю комнату.

— Не могу вам сказать, — заметил он, покачивая головой. — Вспоминая, как вчера она разыгрывала передо мной святую невинность, я не могу отделаться от мысли, что эта девушка способна на все.

Но посмотрим опять-таки на улики! Когда Летающие Мефистофели оказались наверху, Бренда Уайт испугалась, что Чендлер упадет и сломает шею. Она сказала, что хочет отобрать хлыст у сумасшедшего с Дикого Запада. Она встала и направилась к техасцу. Он тогда стоял с другой стороны зала, в самом конце. Бренда Уайт потребовала, чтобы он отдал ей хлыст. Техасец без единого слова повиновался и направился к сцене, тем самым присоединившись к общему алиби. Она пошла между рядами к центральному проходу, оставив позади Мэдж Стерджес, которую якобы не заметила. Тогда-то, должно быть, и поднялась стрельба. Но когда прозвучал последний выстрел, она уже добралась до центрального прохода и стояла в нескольких футах у нас за спиной, я имею в виду себя и Роуленда. Она не могла

стрелять. Об этом не может быть и речи. Вот так.

— Ну? — не унимался доктор Фелл.

Хэдли едва не вышел из себя:

— Я ведь вам все сказал!

— Возможно, я выразился не совсем точно, — продолжал доктор Фелл. — Скажем более изящно: ну и что из того? Вы устанавливаете, что никто из находившихся в мюзик-холле Чендлера не убивал. Что это дело рук постороннего. Так где же чудо?

— А вот где. Мы доказали, что никакой посторонний тоже не мог совершить это убийство.

Некоторое время доктор Фелл сидел более или менее спокойно. Его рот был раскрыт, лицо заливалось все более густой краской и блестело под лампой, глаза медленно расширялись. Затем он сказал громоподобным шепотом, похожим на вой ветра в тоннеле метро:

— Хэдли, так не годится. На чем основывается ваша уверенность?

— Посторонний убийца мог проникнуть в театр только через главный вход, — сказал Хэдли. — Это единственный вход или выход, который не охраняется. Не буду вдаваться в подробности — на это ушло бы полвечера, — но можете принять мои слова как неопровержимый факт. Так что

убийца должен был войти только через главный вход. Но… не вошел.

— Вы уверены?

— Свидетели. «Орфеум» находится на Черинг-Кросс-роуд, сразу за Кембридж-Серкусом. В три часа дня по воскресеньям там совершенно безлюдно. Через дорогу на углу Кембридж-Серкуса стоит киоск торговца воскресными газетами. А прямо напротив театра — табачный киоск. Оба продавца проявляют к «Орфеуму» известный интерес, особенно когда торговля идет вяло.

Театр не работал в течение месяца или двух. Но недавно, к завтрашнему открытию, начались репетиции новых номеров. Большинство театральных служащих и тем паче актеров знают в лицо. Они выходят подышать свежим воздухом, забегают в паб купить сигарет. Во всяком случае, оба торговца готовы поклясться, что *никто* из посторонних после двух часов дня не входил в мюзик-холл и не выходил из него, кроме Роуленда, мисс Уайт и меня.

Их с этого не собьешь, Фелл. Я пробовал. Пробовали и сержант Бетс, и Моррис. Бесполезно. А убийство произошло без четверти три.

— Что, — пробубнил доктор Фелл, искоса глядя на карточный домик, — здесь невозможного?

— Здесь все невозможно. Но именно так все и произошло. Никто из театра не убивал Чендлера; никто с улицы тоже не убивал.

— Здесь есть одно слабое место, Хэдли.

— И это вы говорите мне? — спросил суперинтендант. — Естественно, есть. Но в чем, черт возьми, хотел бы я знать.

Прибыли бутерброды и пиво. Вида, горничная, поставила поднос на стол, предварительно убрав с него стопку охотничьих гравюр и заряженный револьвер, который она унесла из комнаты, держа его в вытянутой руке за курок, словно дохлую мышь.

Однако доктор Фелл промолчал.

— Ладно, — прорычал Хэдли, набрасываясь на бутерброды. — Ну скажите же, скажите!

— Хм. Что сказать?

— То, что я должен отступиться от своей версии. Я был уверен, что Чендлер виновен. Да и кто бы не был, если парень практически сам признался? Но…

— Теперь вы так не думаете?

— Нет. Конечно, может быть, что Чендлер убил Дорранса, а кто-то другой убил Чендлера. Но я в это не верю. Слишком много совпадений. Нет, эти два убийства — дело рук одного человека.

— Принято без возражений и борьбы, — сказал доктор Фелл.

— И опять-таки, — бушевал Хэдли с набитым ртом, что стоило ему героических усилий, — у кого хватило бы мозгов поверить Роуленду и девице Уайт, когда они наплели мне кучу небылиц про то, что Чендлер якобы знает настоящего убийцу и что у него, может быть, даже есть его фотография. Вот что меня бесит больше всего.

— Они так сказали? — спросил доктор Фелл.

Хэдли объяснил.

— А у меня вот не хватило мозгов этому поверить, — добавил он. — Все женщины лгуньи. Кто больше, кто меньше: одни лгут время от времени, другие — все время. Но эта девушка, наверное, впервые в жизни говорила правду. Чендлер слишком много знал. Поэтому убийца и убрал его из маленького пистолета, всадив в него три пули, чтобы он упал с трапеции.

— Но что это за фотографии? Он сделал снимок убийцы? Возможно ли это?

Хэдли колебался:

— Не знаю. Боюсь даже надеяться. Я с Бетсом и Моррисом сразу пошел к нему домой. Нам нелегко пришлось с его родителями, к тому же перед этим мы поговорили с Мэдж Стерджес. Его отец

фотограф, держит магазин фототоваров…

— Ну? — убийственным тоном подбодрил доктор Фелл, поскольку Хэдли вновь заколебался.

— Дело обстоит примерно так. Вчера Чендлер был на теннисном корте. Отлично: что он там делал? Что он там делал с фотоаппаратом и большим куском белого полотна, похожим на мешок? Все это чистая правда. Его отец говорит, что вчера днем он рано вышел из дому, взяв с собой новый фотоаппарат «аранделл», две новые катушки фотопленки «панкроматик» и бесформенный кусок ткани. Эта тряпка открывает тайну: теперь ясно, как он унес груду посуды. Но не затем ведь он явился туда, чтобы стащить фарфор? И уж конечно, не затем, чтобы сфотографировать сцену убийства. Именно это занимало нас утром, помните? У Чендлера было довольно своеобразное чувство юмора, но ведь не настолько. Во всяком случае — не смотрите на меня так и перестаньте пыхтеть и отдуваться — в его вещах мы кое-что нашли. Мы нашли еще несколько фотографий, напечатанных с той же пленки, которую он нам показывал утром. На них были Бренда Уайт, Роуленд или они оба. Но мы также нашли полностью отснятую, запечатанную пленку «панкроматик», которая еще не проявлена.

— Как! — воскликнул доктор Фелл. — Где она?

Хэдли показал:

— В моем портфеле. Я заберу ее в Ярд, чтобы проявить.

— Не думаю, — сказал доктор Фелл, яростно пыхтя сигарой, — чтобы вам могло прийти в голову сразу же сказать мне об этом. Может быть, вы заодно объясните, почему у вас такая вытянутая физиономия? Архонты афинские! Это же ваша улика. Так почему же вы не привлечете ее к делу?

Казалось, Хэдли и сам этого не знает.

— Потому что я не верю, — мрачно признался он. — Я почти боюсь ее проявлять, представьте. Этого не может быть. Это слишком хорошо, чтобы быть правдой. После того как Уайт, Роуленд, Чендлер и другие без конца водили нас за нос…

Доктор Фелл хмыкнул:

— Ну, это легко уладить. Мы можем проявить пленку здесь. И мы проявим ее прямо сейчас. Чего вы ждете, черт возьми?

— Нет, не проявим, — резко сказал Хэдли.

— Ах вот как?

— Сядьте, — приказал суперинтендант с некоторой долей суровости. — Пока не трогайте пленку. Я хочу услышать ответ на два вопроса, и

услышать немедленно. Первый: думаете ли вы, что знаете, как был убит Фрэнк Дорранс?

— Да, думаю, — не совсем членораздельно ответил доктор Фелл. — Заметьте, я говорю — *думаю.* Если бы нам удалось найти…

— Да. Я так и полагал. А теперь я скажу, почему спросил вас об этом. Помните недостающий предмет, вокруг которого вы подняли такой шум утром, — я имею в виду то, что исчезло из павильона?

— Да, помню.

— Сержант Бетс нашел ее в ящике туалетного столика в спальне Артура Чендлера, — хмуро проговорил Хэдли. — И на ее ручке имеется отличный набор отпечатков пальцев.

Пауза.

Тяжело и шумно дыша, доктор Фелл откинулся на спинку просторного кожаного кресла. По лицу доктора прошла легкая судорога, отчего задвигался его маленький нос. Фелл надул щеки и сквозь очки уставился на Хэдли. Затем так же медленно поднял свою палку и задумчиво покачал ею над головой.

— Это меняет дело, — сказал он. — Теперь я, положа руку на сердце, могу ответить на ваш вопрос: да. Мой ответ: безоговорочное «да».

— Хорошо! — сказал Хэдли. — Прежде чем идти дальше, вы мне расскажете — как, почему и кто. — Он поднял руку. — Заметьте, я со своей стороны не стану утверждать, будто понятия не имел о том, в каком направлении вы работаете. Имел, особенно после того инцидента… Но отвечайте, иначе эта проклятая пленка навсегда покинет ваш дом.

Доктор Фелл показал рукой на стул.

— Сядьте, — сказал он серьезным тоном. — Закурите сигарету. И если желаете, я скажу вам — как, почему и кто.

Раздался глухой удар часов. В большой, с высоким потолком комнате, окна которой выходили на балюстраду и залитый мерцающими огнями холм, было очень тихо. Доктор Фелл распрямил плечи, выпустил в сторону лампы кольцо табачного дыма и стал внимательно наблюдать за ним. На его лице застыло отсутствующее выражение. Когда он наконец заговорил, то в его словах не было привычной агрессивности: он, казалось, извинялся за что-то.

— Сложность этого дела, — сказал он, — состоит в том, что истина слишком очевидна, чтобы ее увидели. Она слишком бросается в глаза, и именно поэтому ее никто не заметил. Еще сто лет назад

шевалье Огюст Дюпен указал на врожденную привычку людей не замечать того, что слишком велико по размеру, однако мы упорствуем в повторении той же ошибки. А когда вещь не только очень велика, но еще и хорошо знакома, то она становится практически невидимой.

— Одну минуту, — простонал Хэдли. — Мне не нужны лекции, мне не нужны парадоксы. Придерживайтесь фактов. Разве в этом деле есть нечто слишком большое и одновременно слишком знакомое, чтобы его не заметили?

— Да. Теннисный корт, — ответил доктор Фелл.

Он выпустил еще один клуб дыма и наблюдал, как он плывет в свете лампы.

— Смею сказать, — продолжал он, — что я решил эту загадку. Но могу добавить, что в моей практике это единственный случай, когда я решил загадку, еще не зная, в чем она состоит. Как я уже говорил вам, стоило мне вчера вечером взглянуть на корт, как я дал волю воображению. Я представил себе — прекрасная мысль! — песчаную площадку, на которой нет никаких следов, кроме следов мертвого человека.

— Но почему? — не унимался Хэдли.

— Почему? Да потому, что такой прием чертовски запутывал дело, — ответил доктор Фелл. — Это

единственная причина. Здесь не было никакой логики. Но, как ни странно, чем больше я присматривался, тем больше убеждался, что все логические свидетельства подтверждают выводы, подсказанные мне фантазией.

Сегодня утром я пытался указать вам на это перед тем, как мы отправились к Чендлеру. Но вы и слушать не хотели. Вы вполне резонно твердили: «К чему, черт возьми, предполагать, что на корте не было следов, когда мы *можем видеть* их собственными глазами?» Затем мы встретились с Чендлером. Чендлер одним махом отмел ваши неопровержимые факты с помощью фотографии и мешка с посудой, показав, что на корте не было никаких следов до тех пор, пока их не оставила Бренда Уайт уже после убийства.

Тогда я неожиданно понял, что мое воображение меня не подвело. Я представил себе ситуацию и оказался прав. Я придумал способ убийства, соответствующий ситуации, и вновь оказался прав. Я охотился на хорька, а вместо него поймал тигра. Я решил загадку прежде, чем узнал, в чем она состоит.

Теперь, Хэдли, вы сами догадайтесь, каков ответ. Это не сложно, а вы человек весьма разумный. Вы легко догадаетесь, если я приведу

несколько мелких деталей, которые вы и сами видели; вы все поймете, когда я познакомлю вас с одной деталью, которой вы, в отличие от остальных участников этого дела, не знаете. Вот мои подсказки.

Доктор Фелл снова посмотрел на клубы табачного дыма, затем заговорил:

— *Первая.* Как Фрэнка Дорранса уговорили пойти на корт? Постойте! Я знаю, что неоднократно высказывалось предположение о пари. Но разве вы не видите, что такая версия не дает ответа на вопрос? Предположим, убийца сказал ему: «Я могу пройти по сетке; могу станцевать джигу на собственном носу» — все что угодно, самое фантастическое пари. Дорранс согласился бы на него. Но пошел бы он на корт?

Да и зачем ему идти туда? Нам известно, что Дорранс был очень чистоплотным молодым человеком с замашками настоящего денди и терпеть не мог грязи на своих туфлях. Зачем ему надо было идти на корт? Разве он не мог все отлично видеть, стоя на чистой траве? Здравый смысл нашептывает, что мог. Так зачем же он все-таки пошел туда?

Доктор Фелл выдержал паузу и пристально посмотрел на своего собеседника.

— Продолжайте, — попросил Хэдли.

— *Вторая.* Предметы, украденные из павильона и впоследствии найденные вами в ящике туалетного столика Чендлера. Задумайтесь над этим.

Третья. Прошу вас обратить особое внимание на то, как устроен корт.

Четвертая. Этот пункт повторяет то, о чем мы уже говорили сегодня. Поверхность корта сделана из смеси песка и гравия на бетонной основе. Песок, как вы сами сказали, не тот, который мы видим на морском берегу. В этой связи я самым серьезным образом обращаю ваше внимание на мой эксперимент с коньками.

Пятая. Хм! Пм! Это очень важно. Я имею в виду точное место, где после убийства нашли три предмета: ракетку, сетку с мячами и книгу Фрэнка Дорранса. Их нашли на узкой полоске травы за проволочной оградой корта, почти посередине с восточной стороны, — очень интересное место.

Суперинтендант Хэдли прервал его.

— Знаете, — сказал Хэдли, хмуро глядя на чистую страницу своей записной книжки, — у меня такое чувство… — Он замолчал, затем почти заорал на Фелла: — У меня такое чувство, будто я *почти* понимаю, о чем вы говорите. С ума можно

сойти. Вот оно, здесь, рядом. И вдруг ускользает.

— Спокойно.

— Хорошо. Что-нибудь еще?

— Да, еще одно, — сказал доктор Фелл. — Последнее.

— Ну?

В голове Хэдли, если он говорил правду, проносился скорее вихрь образов, чем вереница фактов. Временами на фоне корта он видел кого-то или что-то. Затем перед его глазами вставал сплошной туман.

Он снова приготовился делать заметки в записной книжке.

— *Шестая*, — сказал доктор Фелл. — Кто распустил шарф на шее Дорранса после его смерти? Хью Роуленд сказал нам, что это сделал он. Чтобы посмотреть, не осталось ли в Доррансе признаков жизни. Но в свете того, что нам теперь известно, думаю, можно даже *с* уверенностью сказать, что это была Бренда Уайт. Это сделала она, прибежав на корт около двадцати пяти минут восьмого. Роуленд всего-навсего повторил ее историю и рассказал нам то, что она ему сообщила, первое, что пришло в голову.

Но что я нашел достойным особого внимания, — продолжал доктор Фелл, помимо воли все

более и более распаляясь, — так это выбор слов, когда говорят правду. И черт возьми, я считаю данный момент очень важным. Итак, этих шести подсказок достаточно для определения способа убийства. Полагаю, теперь вы понимаете, что я имею в виду?

Наступило долгое молчание. Хэдли листал записную книжку. Сперва он просмотрел первую страницу, затем следующую.

Вдруг раздался его голос:

— Клянусь Богом живым…

— Ну, пошел, — выдохнул доктор Фелл, будто хватая поводья воображаемого коня, но когда он подался вперед, то выражением лица напоминал не жокея, а скорее «бандита злобные черты». — «Сигнал услышав главаря, враги бросаются на стены…»

— Спокойно, — отрывисто проговорил Хэдли и посмотрел доктору Феллу в глаза. — Прекратите нести чушь и скажите мне еще одно. Что представляют собой те сведения, о которых вы недавно упомянули: что именно известно всем, кроме меня?

Доктор Фелл объяснил.

— Поняли? — осведомился доктор.

— Понял, — ответил Хэдли и с шумом бросил

записную книжку на стол. Его охватил необъяснимый ужас, какой он мог бы испытать, если игрушечный пистолет вдруг выстрелил бы в голову ребенка настоящей пулей.

Доктор Фелл заговорил с мрачным упорством, делая ударение на каждом слове:

— Теперь, дружище, вы понимаете, какую мы допустили ошибку. То, что мы принимали за пустяковое дело, в действительности оказалось самым хладнокровным, тщательно спланированным преступлением, с каким только нам приходилось встречаться. Ни одна деталь не была упущена, в чем вы убедитесь, если потрудитесь заглянуть под папоротники при входе в аллею перед кортом. С первого взгляда вы и не подумаете, что человек, о котором идет речь, способен на такое.

Хэдли посмотрел через стол:

— Значит, убийство было совершено при помощи… — Он сделал выразительный жест обеими руками.

— Да.

— И убийца этот…

— Да, — подтвердил доктор Фелл.

Глава девятнадцатая
Разоблачение

Мисс Мэдж Стерджес шла вдоль теннисного корта.

Возможно, еще не все забыли, что в понедельник, 12 августа, вновь стояла жара. Пылающий день близился к закату.

У корта вам пришлось бы внимательно приглядеться, чтобы увидеть множество следов на его выжженном солнцем, желто-коричневом покрытии. Сетка высохла и приобрела более нормальный вид. Во всем остальном, за исключением почти полностью стершихся белых линий разметки, корт выглядел точно так же, как в тот день, когда смешанные пары: Фрэнк Дорранс — Бренда Уайт и Хью Роуленд — Китти Бэнкрофт — начали игру.

Мэдж Стерджес ходила взад-вперед около павильона, и ее подошвы шуршали в жесткой траве.

Было бы трудно сказать, о чем думала Мэдж. Она явно нервничала. Но не только. В тот день она надела темно-красное платье, слегка подвила волосы. Вы бы сочли ее добродушной, общитель-

ной и, возможно, немного простоватой.

Можно было бы подумать, что она легко перенесла смерть Артура Чендлера. Но всякий раз, посмотрев на корт, она тут же отворачивалась и крепко сжимала руки, словно затем, чтобы сдержать слезы. Тишина, нарушаемая лишь злобным жужжанием шмеля, действовала ей на нервы.

— Привет! — вдруг громко крикнула она, словно желая проверить, нет ли кого поблизости.

Никакого ответа. Она подошла к просвету в стене тополей, затем к калитке в живой изгороди, которая раскачивалась на петлях. Там она остановилась в нерешительности, постукивая носком туфли по краю калитки. Так уж случилось, что она поддала носком по папоротнику, под которым кое-что оказалось. Там лежал разомкнутый навесной замок с короткой цепочкой и ключом, вставленным в скважину. Он побывал под сильным дождем и начал покрываться ржавчиной, но был еще совсем новым.

Мэдж некоторое время смотрела на замок, словно желая хоть чем-то отвлечься, затем снова положила его под папоротник.

— Привет! — нарушил тишину новый голос — такой звонкий, чистый и энергичный, что вполне мог бы служить запоздалым откликом на призыв

Мэдж. В голосе звучали дружелюбные нотки.

Китти Бэнкрофт, упершись кулаками в бедра, свернула с тропинки, ведущей к гаражу, и решительно зашагала к калитке. Мэдж вздрогнула, еще раз поправила ногой папоротник и напустила на себя холодный, равнодушный вид. Она где-то научилась тому сверхутонченному произношению, при котором «я» превращается в «иа», а «меня» в «мееня».

— Ах, — сказала она, — извините! Вы мееня напугали. — И вскинула голову.

Китти оглядела ее с нескрываемым любопытством, после чего улыбнулась.

— Я не помешаю? — спросила Китти, не сводя с Мэдж взгляда. — Уф! Какая духота, не правда ли? — Она подняла глаза к небу. — Еще раз прошу прощения, но не встречала ли я вас раньше?

— Что?

— Да, я абсолютно уверена, что встречала! Извините за такое начало, но…

— Моя фотография была помещена в газетах, — сказала Мэдж, опустив глаза долу, но преисполненная чувством собственной значимости.

— Ах! Боже мой! — воскликнула Китти, щелкая пальцами. В ее глубоком контральто звучало искреннее раскаяние. — Конечно же, теперь я вас

узнала! Вы мисс Мэдж Стерджес, не так ли? Как же я не сообразила! — Она немного помедлила и заговорила вновь: — Я хочу сказать, что, наверное, для вас это было просто ужасно. Сперва… Фрэнк. А потом тот, другой… я имею в виду…

— Мистер Дорранс меня нисколько не интересовал, благодарю вас, — сказала Мэдж, пылая холодным огнем.

Китти растерялась.

— Ах, прошу прощения, — проговорила она. Затем быстро огляделась и из сочувствия заговорила почти шепотом: — На основании того, что мне довелось услышать, я просто уверена, что этот молодой дьявол обошелся с вами совершенно возмутительным образом. Расскажите. Надеюсь, с вами все в порядке?

Холодное пламя взметнулось еще выше. Мэдж выпрямилась.

— Совершенно!! — заявила она. — Совершенно в порядке!

— Ах, боже мой, я снова затронула больную тему! Нет-нет, я совсем не то имела в виду. Я имела в виду вовсе не то, о чем вы подумали. Я имею в виду… деньги и все такое. Вашу работу.

Мэдж, казалось, смягчилась:

— Иа получила новое место. Сегодня утром

подала заявление, и меня приняли. В косметический салон.

Она погладила пальцами затылок и снова помедлила; дружелюбие Китти явно произвело на нее сильное впечатление.

— Но не думаю, что иа… мисс… миссис?..

— Бэнкрофт, — сказала Китти. — Миссис Бэнкрофт. Зовите меня просто Китти.

— Ах! Так вы Китти Бэнкрофт! — воскликнула Мэдж. Она внимательно осмотрела Китти и слегка улыбнулась, словно о чем-то вспомнив. Она окончательно смягчилась, и когда снова заговорила, то в ее голосе почти не осталось следа манерного выговора. — Знаете, это хорошая работа, — призналась Мэдж. — Чертовски хорошая работа. «Шез Сузи» на Оксфорд-стрит — вы там бывали? Меня это даже беспокоит.

— Но почему?

— Потому что я ужасно много наговорила, чтобы ее получить, — быстро оглядевшись по сторонам, призналась Мэдж. — Я все говорила, говорила. Я рассказала им о том, чего мне не полагалось знать. То есть то, о чем я не рассказывала полиции. О том, почему бедняжка Арчи, мистер Чендлер, пришел сюда в субботу…

Китти недоуменно подняла брови:

— Но мне интересно, зачем вы пришли сюда сейчас? Конечно, здесь вам очень рады. — Она рассмеялась. — Но что привело вас сюда?

— В том-то и дело, — простонала Мэдж. — Мне велели в полиции.

— В полиции?

Вдали от деревьев густой горячий воздух обжигал лицо и так же, как в субботу, мешал думать. Под палящим солнцем высокие стебли травы сверкали, словно острия шпаг. Мэдж зажмурилась.

— Да. Они велели мне быть на корте в семь часов. Конечно, они прибавили: «Если не возражаете» или «Если вы не против», точно не помню; но я догадалась, что` это значит; а вы? Я хотела пойти прямо к двери дома и позвонить. Но в последний момент передумала. А почему бы и нет? Почему? — сказала Мэдж, встряхнув головой. — Не такие уж они большие люди! Вовсе нет, если посылают вам чек, а банк его возвращает! Но мне сказали быть на корте в семь часов. Сейчас примерно без четверти семь. Вы думаете, они все узнали? То есть мой хозяин рассказал им? Вы думаете, мой хозяин говорил с ними обо мне?

Китти с любопытством смотрела на нее.

— Вы довольно наивная молодая женщина, —

улыбнулась она. — Значит, мистер Чендлер в субботу был здесь, у корта?

Мэдж нетерпеливо тряхнула головой:

— Он был здесь несколько часов! И они его не обнаружили. Знаете почему? Смотрите! — Она показала рукой на живую изгородь высотой со взрослого мужчину. — Арчи был воздушным гимнастом. Ему ничего не стоило перепрыгнуть через эту изгородь. Он называл это штопором, бочкой или чем-то таким. Але-гоп! Гоп-гоп! Он перелетает и без всякого шума приземляется на ноги. Если он стоит по ту сторону изгороди, а к нему кто-нибудь подходит, остается только прыгнуть обратно. Он говорил, что ему это нравится. Во всяком случае, он сказал, что ему пришлось перепрыгнуть через изгородь, потому что на калитке висел замок. Это правда. Я только что его заметила. — Она перевела взгляд на куст папоротника.

— Ужасно интересно, — сказала Китти. — Но что ваш друг здесь делал?

— Он… я ведь могу доверять вам?

— Можете, — улыбнулась Китти. — Но почему вы думаете, что мне можно доверять? Минуту назад вы сказали: «Ах, так вы Китти Бэнкрофт?» — словно уже слышали обо мне. Где вы обо мне

слышали?

— От мистера… ах, к чему церемонии, — с горечью оборвала себя Мэдж. — От Фрэнка. Не возражаете, если я буду так его называть?

— Возражаю? Конечно нет! Что он говорил вам обо мне?

— Он сказал, что вы одна из лучших, только…

— Только?..

— Нет, ничего. — Мэдж залилась краской.

— Немного старовата? — предположила Китти. — Видите ли, это не совсем так; хотя смею сказать, что по сравнению с вашими девятнадцатью-двадцатью годами я, наверное, выгляжу развалиной.

— Он сказал «длиннозубая», — продолжила Мэдж спокойным, холодным голосом. — Фрэнк был самой мерзкой тварью на свете. Вот что я должна сказать, хоть и узнала об этом слишком поздно. А теперь я объясню вам, зачем Арчи пришел сюда. Когда он узнал об одном поступке Фрэнка, то просто взбесился. Он уже слышал о Фрэнке Доррансе. Он сказал, что разговаривать с ним бесполезно: он только выведет вас из себя, а потом насмеется над вами. Он сказал, что, если его как следует избить, в этом тоже будет мало проку, потому что он подаст в суд, а Арчи не

мог допустить, чтобы его еще раз судили. Арчи сказал, что единственный способ проучить его — так это выставить в смешном и глупом виде. Понимаете?

Китти, застывшая на месте, улыбнулась:

— Нет, боюсь, что не понимаю.

Мэдж заговорила еще тише:

— Дело вот в чем! Он собирался подстеречь здесь Фрэнка. Где-нибудь, где никто не сможет вмешаться. Для начала Арчи собирался как следует вздуть его — и поделом! И пока он еще не пришел в себя, Арчи собирался сделать остальное. У Арчи был с собой большой брезентовый мешок с прорезями для головы и рук, на котором было написано черными буквами: «Великий самец: все женщины от меня без ума». Он собирался засунуть Фрэнка в этот мешок, к чему-нибудь прислонить, да так, чтобы у него был самый глупый вид, и сделать кучу фотографий. Арчи сказал, что напечатает их как его визитки, с именем и адресом, и распространит среди его знакомых. Только… ну, вы же знаете, что произошло.

— Да, я знаю, что произошло.

Мэдж вдруг очень побледнела.

— Арчи сделал это ради меня, — сказала она. — Во всяком случае, я так думаю; иногда он говорил

такие глупости.

— Неужели?

— Да. А когда он вернулся и сказал, что все видел и что собирается подарить мне цилиндр, набитый пятифунтовыми бумажками, после того как признается в убийстве, я упала в обморок. Я всегда была хрупкой. И все же я подумала, что это очень мило. Цилиндр и все остальное. — Она опустила голову.

Раскаленные камни на верхних ступенях террасы; бетонная подъездная дорога; рифленая металлическая крыша гаража; струи раскаленного воздуха перед глазами; обжигающие ноги стебли травы. От всего этого сдавливало голову, а люди с холодной кровью хватали ртом воздух.

— Что ж, Мэдж, — сказала ожившая и вновь обретшая свою обычную жизнерадостность Китти. — Чего нельзя исправить, то надо пережить. И хватит стоять здесь, а то у нас случится солнечный удар. Вперед! На корт!

— Да-а. Но ведь еще рано.

— Не важно. Тем больше времени, чтобы все обсудить.

— Но вы ведь не скажете, так ведь? Я столько всего наговорила.

— Ах, не бойтесь, — заверила Китти, увидев

обращенное к ней встревоженное лицо. — По-моему, вы уже кое о чем догадываетесь. Разве вы не сказали мне, что видели на калитке замок?

— Нет, не на калитке. А здесь, под папоротником.

— Как странно! Я и не знала, что калитка запирается. Оказывается, да! Новый замок. Надо его забрать. Наверное, Арчи рассказал вам обо всем, что он видел здесь в субботу?

— Нет, — с сомнением ответила Мэдж, — кроме того, что видел вас.

Китти так и застыла на месте.

— Меня? Когда?

— Ах, гораздо позже того, как убили Фрэнка, когда Арчи уже уходил. Он сказал, что видел, как вы вошли сюда и сказали мистеру Роуленду про то… про то, что мисс Уайт… — в голосе Мэдж зазвучали злобные нотки, — сказала полицейским, что не оставляла никаких следов и что кто-то ходил здесь в ее туфлях. Арчи сказал, что даже присвистнул, услышав это. Он подумал, что такую ее версию, что бы за ней ни крылось, может опровергнуть тяжелый баул с посудой. Он сказал, что мисс Уайт… — вновь ревнивая нотка в голосе, — прелестная девушка, что у нее уже хватает неприятностей и надо было унести

посуду, чтобы хоть как-то ей помочь. Почему я об этом знаю? Да потому, что он хотел отдать фарфор мне. Я отказалась, хоть он и был очень красивый. Больше он мне ничего не сказал. Потому что, по его словам, я не умею держать язык за зубами.

— Вы уверены, что он больше ничего вам не сказал?

— Конечно уверена. А как иначе?

— Эй, привет! Китти! — донеслось с верхней площадки террасы.

Бренда Уайт и Хью Роуленд спустились вниз. Хью так удивился, увидев Мэдж, что крикнул громче, чем следовало. Однако он никак не ожидал, что обе женщины подпрыгнут от неожиданности. Мэдж тут же изобразила холодное равнодушие, что немало его озадачило.

— Надеюсь, я вам не помешаю, — осведомилась Мэдж ледяным тоном, который опять-таки не на шутку смутил Хью. — Я, видите ли, получила инструкции. Меня попросили прийти.

— Полиция? — резко спросил Хью. — Я говорю об этом, — поспешно добавил он, — так как меня тоже попросили прийти. Суперинтендант Хэдли. Он сказал, что собирается кого-то арестовать.

— Нас всех попросили прийти, — сказала Бренда. — Привет, Китти. Что там у тебя?

— Это… з-замок, — ответила Китти. — Висячий замок, — продолжала она, вертя замок в руках. Она нажала на дужку, и замок с громким щелчком закрылся. — Мэдж говорит, что, когда убили Фрэнка, он был на калитке.

— Вы же обещали! — воскликнула Мэдж.

— Давайте войдем все вместе, — отрывисто проговорила Китти.

Под тополями не чувствовалось ни малейшего движения воздуха. Тишину нарушало только жужжание шмеля, кружащего над кортом. Солнце играло на его полосатом тельце. Когда они подошли к павильону, Китти обернулась с решительным видом.

— Мэдж, дорогая, послушайте, — сказала она, чеканя каждое слово. — Я сочувствую вам. Очень сочувствую. Но нельзя шутить с такими вещами. Вы поступили неправильно и глупо, не рассказав поли…

— Ах вы… — крикнула Мэдж, делая шаг назад. — Вы обеща…

Китти сдержанно, строго улыбнулась, совсем как директриса школы:

— Нет, моя дорогая, я ничего не обещала. И вам ничего не грозит, если вы расскажете обо всем, что знаете. В конце концов, дело не в том,

что именно вам рассказал Арчи, а в том, как мы понимаем свой *долг,* Мэдж.

Мэдж уставилась на нее во все глаза:

— К черту долг! Я никому ничего не расскажу. — Она бросила вызывающий взгляд на окончательно сбитую с толку Бренду. — Я ничего ей не расскажу. Теперь я вовсе не верю, что меня пригласила сюда полиция. Это все ваших рук дело. Я не…

Пятью минутами позже, сидя на крыльце павильона, она еще раз с готовностью излагала историю Артура Чендлера. И Хью, который успел обменяться с Брендой многозначительными взглядами, понял, что все приобретает убийственно четкие очертания.

— Мы были правы, — сказал Хью, ударяя кулаком правой руки по ладони левой. Он был разгорячен, взволнован и по не совсем понятной причине чувствовал легкую тошноту. — Чендлер все-таки сделал фотографии.

— …Убийцы? Это действительно так, мисс Стерджес?

— Он не говорил ни о каких фотографиях, — жалобным голосом ответила Мэдж. — Почему вы не слушаете? Он собирался сфотографировать Фрэнка, и никого другого. Он сказал: «не волнуй-

ся», вот и все.

И они все успокоились, поскольку услышали голоса. В просвете между тополями появилось инвалидное кресло старого Ника, на чьем лице, видимо не без воздействия шмелиного жужжания, застыло выражение глубокого довольства. За ним, тяжело ступая, шел доктор Фелл.

На сей раз доктор Фелл был без плаща и шляпы. На нем был надет свободный бесформенный шерстяной костюм черного цвета с лоснящимися швами и раздутыми карманами; словно желая побороть сомнения, он медленно шел, опираясь на трость с набалдашником из слоновой кости.

— Нет ли у кого-то из вас предчувствия, — прошептала Бренда так тихо, что Хью едва ли расслышал ее, — будто что-то произойдет? И совсем скоро?

Но Китти ее услышала.

— Чепуха, — сказала она. — Все дело в жаре. Неужели тебе это не понятно?

Два доктора, разные по профессии и, очевидно, по взглядам, остановились на траве неподалеку от павильона.

— Добрый вечер, — сказал доктор Фелл, вежливо наклоняя голову. — Мы… хм-эх-хм… чрезвычайно признательны за то, что вы нашли

возможность прийти, чтобы оказать нам содействие.

— Содействие? — резко спросил Хью. — В чем?

— В реконструкции убийства Фрэнка Дорранса, — ответил доктор Фелл. — Необходимо, чтобы вы все при этом присутствовали. Где выключатели прожекторов?

Бренда нахмурилась:

— Прожектора днем? К чему?

— К тому, чтобы вы яснее увидели, как все было подстроено, — объяснил доктор Фелл. — В субботу мы все смотрели на это, но, к несчастью, — доктор Фелл потер рукой свой горячий лоб; казалось, он немного нервничает, — к несчастью, как и все здесь, этот предмет слишком велик, чтобы его заметили. Э-э… нам надо подождать Хэдли. Он сейчас придет.

Очень близко, над самым локтем доктора Фелла, Хью видел лицо Ника, на котором, поскольку старик смотрел одновременно на него и на Бренду, играла довольная усмешка. Может быть, игра действительно окончена? Неужели? Возможно ли?

Хью облизнул губы.

— Правда ли, — спросил он, — что кого-то собираются арестовать? Здесь? Сейчас?

— Да, — ответил доктор Фелл. — Сбор доказательств и улик по данному делу, — продолжал он, с шумом прочистив горло, — был завершен минувшей ночью. Но мотив мы установили лишь сегодня днем. Обвинение не обязано доказывать в суде мотив преступления, но мы сочли, что разбирательство будет более весомым, если мы предъявим его… А вот, кажется, и Хэдли, — добавил он, оборачиваясь.

Хью ощущал звон в ушах и рокот крови в голове.

— Вы можете нам открыть, — спросил он, — мотив преступления?

— Э-э? О да. Корыстный интерес.

— Корыстный интерес? — воскликнула Китти. — Но…

К ним приближался суперинтендант Хэдли, оставив у калитки двоих сопровождавших его мужчин.

В одной руке он нес портфель и небольшой чемодан. Пока он подходил, все собравшиеся следили за каждым его движением.

— Добрый вечер, — сказал Хэдли. — Мисс Уайт. Мисс Стерджес. Миссис Бэнкрофт. Мистер Роуленд. — Он повернулся к Нику. — Ваше имя доктор Николас Янг? — спросил он.

Ник сделал резкое движение головой:

— Вам отлично известно, как меня зовут, суперинтендант. В чем дело?

— Формальность, сэр, — ответил Хэдли бесстрастным голосом. — По окончании дознания я буду вынужден попросить вас отправиться со мной в отделение полиции на Дейл-роуд, где вам будет предъявлено официальное обвинение в убийстве Фрэнка Дорранса и Артура Чендлера. В связи с этим, доктор Янг, я должен предупредить вас…

Хью Роуленд, который до того собирался закурить, выронил из рук и сигарету, и спичку. Медленно, очень медленно все обернулись и с немым изумлением уставились на Ника.

Глава двадцатая
Объяснение чуда

Презрительная ухмылка не исчезла с лица Ника, однако к ней прибавилось выражение недоверчивости. Держа на коленях костыль, он прямо и непринужденно сидел в инвалидном кресле. Он громко фыркнул, откинул голову и рассмеялся в лицо всем собравшимся.

— Вздор! — сказал он. — Оставьте ваши шутки и принимайтесь за дело.

— Это не шутки, сэр, — возразил доктор Фелл.

— Не лезьте, куда вас не просят, — отрезал Ник. Он быстро оглянулся и снова откинул голову. — Это не ваше дело.

— Сэр, — сказал доктор Фелл с угрожающим спокойствием, — вы очень точно выразились: это именно дело, и отнюдь не моих рук. Однако поскольку я принял некоторое участие в распутывании того, что вы совершили, то намерен — с разрешения Хэдли — доставить себе удовольствие сказать вам, что вас ждет.

— И что же?

— Виселица, — заявил доктор Фелл. — Понят-

но?

Повисло тяжелое молчание. Ник снова рассмеялся.

— Старого Ника! — проговорил он сквозь смех. — Меня! — Он искал глазами Бренду. — Всем нравится насмехаться над бедным калекой. Бренда! У меня в пиджаке, в боковом кармане, есть сигареты и спички. Ты не…

— Нет, сэр, — спокойно сказал Хэдли. — Останьтесь на месте, мисс Уайт.

Доктор Фелл обернулся к собравшимся.

— Мне бы хотелось поведать вам, — начал он, — несколько истин об этом очаровательном, гостеприимном, добродушном, приветливом джентльмене. Поэтому вы и собрались здесь. Особенно вы, мисс Уайт, должны выслушать мой рассказ. Занятие не из приятных, но оно снимет груз с вашей души. Вы должны увидеть, что за планы на самом деле зрели в этой голове. Гром и молния, да он же красавец!

— Значит, мне придется иметь дело с вами? — холодно спросил Ник.

Доктор Фелл не сводил глаз с Бренды.

— Послушайте его, мисс Уайт, — сказал он. — Разве вы не узнаете в его голосе Фрэнка Дорранса? Если вам никогда не приходило в голову за-

думаться над истинным характером мистера Николаса, неужели вы ничего не замечали, глядя на Фрэнка Дорранса? Кто вылепил Дорранса? И если ученик был хладнокровной, расчетливой тварью, отлично знавшей, что почем, то каков же учитель?

Он никогда не питал теплых чувств к Фрэнку Доррансу. Дорранс интересовал его лишь чисто психологически, с точки зрения формирования характера. Его преувеличенная привязанность к Доррансу, его преувеличенная привязанность к вам, его сентиментальные мечты о вашем счастливом союзе — все это дьявольская игра, как и его хмыканье, которая началась лишь тогда, когда он понял, какую финансовую выгоду она ему принесет.

Правду можно высказать в двух словах: он разорен. Несмотря на его дом, его машины, его картины, его столовое серебро, у него нет ни фартинга. Нам неизвестно, когда началось его падение. Но началось оно задолго до того, как покойный мистер Нокс составил свое странное завещание.

Николас Янг не имел к нему никакого отношения. Но потом и, вероятно, весьма скоро он понял, какую пользу может из него извлечь —

если не погнушаться убийством. Как же могло ему помочь это завещание? Никак — если Дорранс останется жив. Мы знаем, что все деньги до последнего пенса были отписаны Доррансу. Дорранс (мы слышали, как вы, мисс Уайт, говорили об этом) собирался вложить их в сеть ночных клубов. Ученик прошел слишком хорошую школу. Единственное, на что Дорранс скупился, — так это деньги. Мисс Стерджес может подтвердить. Предположим, что отчаявшийся Николас Янг пришел бы к Доррансу и сказал: «Я весь в долгах и не могу из них выбраться». Дорранс ответил бы ему: «Извините, старина, но это ваша вина, не так ли? У меня свои планы, и я ничем не могу помочь вам». С другой стороны, предположим, что все деньги наследует мисс Уайт.

Доктор Фелл помолчал.

Бренда была так бледна, что ее глаза казались темными. Хью почувствовал, как она схватила его за руку и крепко сжала. От волнения она не могла смотреть на Ника.

Доктор Фелл снова заговорил прежним спокойным тоном:

— Не потому ли, мисс Уайт, вы сперва отказали Роуленду, что рассчитывали помогать доблестному, никогда не жалующемуся Нику из

содержания, которое Дорранс выплачивал бы вам после свадьбы? А-хм? Не касались ли постоянные намеки Ника: «Я старался делать для тебя все, что в моих силах», «Дела не всегда обстоят так, как нам бы хотелось», — не касались ли они денег?

Бренда все еще не могла вымолвить ни слова. Она приоткрыла рот и снова закрыла его.

— Вы понимаете, — продолжал доктор Фелл, — что он надеялся жениться на вас? — (Бренда широко раскрыла глаза, и на ее вспыхнувшем лице появилось недоверчивое выражение.) — О да. Не следует недооценивать тщеславие этого джентльмена. Его распирает от тщеславия. Вот почему он так не хочет стареть. Вот почему он разбивает гоночные машины и вызывает знакомых состязаться с ним в беге. Он смотрелся в зеркало и не видел никаких причин, мешавших ему стать мужем богатой и благодарной жены — как только уляжется шумиха. А тем временем, разыгрывая романтическое волнение по поводу свадьбы Бренды Уайт и Фрэнка Дорранса, размышлял над тем, как убить этого самого Дорранса.

— Докажите! — воскликнул Ник и рассмеялся в лицо всей компании. — Не думаю, что вам удастся убедить в этом Бренду. Ведь так, дорогая?

— Проследим все с самого начала. Эту мысль

ему подала, конечно же, автокатастрофа. Его переломы — самые что ни на есть настоящие. Он действительно не может пользоваться правой рукой и левой ногой. Но, следя за ходом его мыслей, мы видим, как пришло к нему внезапное осознание того, что он может, не опасаясь последствий, убить Фрэнка Дорранса. Основная сложность заключалась в следующем: на него не должно пасть ни тени подозрения.

Он мог спокойно убить Дорранса при условии, если тот будет задушен, — то есть при условии, если убийство будет совершено способом, абсолютно недоступным для Николаса Янга. «Такой калека задушил взрослого мужчину? — скажут люди. — Чепуха! Невозможно!» Но он это мог сделать — и сделал. Он придумал способ, использовав теннисный корт и шелковый шарф, который Дорранс надевал во время игры. Целую неделю он готовился к осуществлению своего плана.

Когда же лучше всего совершить убийство? Очевидно, в субботу. Во-первых, в этот день молодежь обычно играет в теннис. Во-вторых, что еще более важно, это единственный день недели, когда все слуги уходят и в доме остается только Мария. И если случится что-нибудь непредви-

денное и его застигнут врасплох, Мария, старая любовь, его выгородит.

Какое время дня лучше всего выбрать? Перед самым обедом, когда игра закончится и ему удастся застать Фрэнка одного. Позиция вам ясна? В это время в доме находятся только двое — Бренда и Мария. И та и другая, следуя неукоснительному распорядку, будут готовить обед на кухне. Если он выйдет из дома и с помощью костыля спустится по подъездной дороге, скрытой высоким уступом и деревьями, то его никто не увидит. В доме его отсутствия также не обнаружат. Еще одно неукоснительное правило гласит: между чаем и обедом он отдыхает в кабинете — и беспокоить его запрещается. Нам это отлично известно, поскольку Мария отказалась побеспокоить его даже ради суперинтенданта полиции, который около половины восьмого вечера прибыл по срочному делу.

Доктор Фелл помолчал.

На корте быстро темнело, но жара не спадала. Никто не шелохнулся, за исключением Ника, который отодвинул свое кресло на дюйм назад.

— Попробуем проследить за его действиями в тот субботний вечер, — почти приветливо заговорил доктор Фелл. — Прекрасный день, удачное время для осуществления его плана. Часы по-

казывают несколько минут седьмого. Простаки играют в теннис. Он сидит в кабинете с открытыми окнами, и Хэдли как раз сообщает ему о том, что человек по фамилии Чендлер может попытаться убить Дорранса.

Доктор Фелл широким жестом руки вызвал в памяти всем знакомую картину: длинный низкий кабинет с зелеными стенами, низкие книжные полки с бронзовыми статуэтками наверху, тикают часы, через окна слышен отдаленный стук теннисных ракеток.

— Мы можем представить себе, что этот хитрый джентльмен поздравлял себя: так, наверное, и было. Все складывалось наилучшим образом. В лице Чендлера он получил козла отпущения. Он поспешно отделался от Хэдли. Все прочие приготовления были уже сделаны. Из западных окон его кабинета — как нам известно — открывается вид на деревья вокруг корта, подъездную дорогу, гараж и тропинку к дому миссис Бэнкрофт. Из этой дозорной башни он мог видеть, как игравшие покинули корт, мог видеть, куда они пошли.

Только одно могло нарушить его планы, и на какое-то мгновение нарушило. Гроза, которая вот-вот разразится. Она спутала все его расче-

ты; он запаниковал. Гроза началась, как только он отделался от Хэдли. Он в ярости сел и стал размышлять, что делать дальше. И пришел к философскому выводу, что самое лучшее — подождать, пока гроза кончится, и посмотреть, что случится. Поэтому (он сам так говорит) он лег на диван и принялся читать «Процесс над миссис Джуел».

Доктор Фелл слегка повел рукой.

Суперинтендант Хэдли сделал несколько шагов и остановился перед Ником, чье инвалидное кресло со скрипом откатилось еще на дюйм.

— Я попрошу вас, сэр, — сказал Хэдли, — ответить мне на пару вопросов касательно времени, какое вы провели тогда в кабинете.

Ник сохранял полнейшую невозмутимость:

— С удовольствием, хоть я уже и дал вам свои показания.

— Да. Это другие вопросы. Вы закрыли окна, когда началась гроза?

— Естественно.

— Понятно. Когда вы снова открыли их, доктор Янг? Когда я пришел к вам в следующий раз, они были открыты.

— Если это вас так интересует, я открыл их, когда гроза миновала. В семь часов или что-то

около того.

— Что вы сделали потом?

— Суперинтендант, сколько можно повторять одно и то же? Я снова вернулся на диван; снова лег и стал читать скучную книгу.

— Вы не выходили из кабинета между семью и семью тридцатью?

— Нет, не выходил.

— Понятно. В таком случае, — спросил Хэдли, — как случилось, что вы не слышали телефонного звонка?

— Э-э-э?

Хэдли был терпелив:

— Единственная причина, заставившая меня в субботу нанести вам повторный визит, заключалась в том, что я не мог дозвониться до вас по телефону. Я пытался. Я звонил целых три минуты, и никто не ответил. Телефон стоит на письменном столе в вашем кабинете. Почему вы не сняли трубку?

На губах Ника по-прежнему играла слабая скептически-презрительная улыбка. Он насмешливо, чуть ли не глумливо покачал головой:

— Мой славный полицейский. Вероятно, я спал.

— Спали целых три минуты под телефонные

звонки, тогда как телефон всего в шести футах от вашего дивана?

— Или возможно, — холодно сказал Ник, — я предпочел не отвечать. Да будет вам известно, что я не обязан снимать трубку даже ради таких высоких и могущественных господ, как вы. Мне было покойно на моем месте. Вот я и позволил ему звонить.

— Значит, вы не слышали звонка?

— Нет, слышал.

— Когда звонил телефон, сэр? В какое время?

Последовала короткая пауза.

— Откровенно говоря, я не старался запомнить. Я не посмотрел на часы, не желая вставать и…

— Это не пойдет, — так резко сказал Хэдли, что некоторые из присутствующих подскочили. — Я сам могу засвидетельствовать, что часы на письменном столе стоят циферблатом к дивану.

— И тем не менее я не припомню.

— Однако могли бы. Постарайтесь, сэр! Ведь это не трудно. Было это, скажем, ближе к семи или к семи тридцати?

В голосе Ника зазвучали визгливые ноты:

— Я не знал, что это так важно. Поэтому с сожалением повторяю вам, что не обратил внимания на время.

— Если вы нам этого не скажете, — с бесконечным терпением проговорил Хэдли, — то придется сказать нам. Продолжайте, Фелл.

— В семь часов, — продолжал Фелл, обращаясь к Бренде, словно весь рассказ предназначался только для нее, — этот ваш Ник поднялся, как он говорит, чтобы открыть после грозы окна кабинета. Из своей дозорной башни он увидел, как вы вышли с корта и разделились на две группы. Он видел, как Дорранс и миссис Бэнкрофт пошли в одну сторону, а вы и Роуленд — в другую. Он возликовал в душе: жертва сама шла ему в руки.

Дорранс скоро вернется — один.

Но я полагаю, что первым делом наш Ник принял одну меру предосторожности. Не считая Марию, которая готовила обед на первом этаже, дом был пуст. Тем не менее ему надлежало убедиться, что Роуленд уехал, а Бренда благополучно вернулась на кухню. Поэтому он отправился в спальню с окнами на улицу и выглянул наружу. Он увидел, или ему так показалось, что Роуленд садится в машину и уезжает. Увидел, как мисс Уайт бежит к дому. Но интересно, увидел ли он что-нибудь еще?

Бренда с трудом сглотнула и впервые за все это время заговорила.

— Вы имеете в виду, — сказала она, — вы имеете в виду, что Хью поцеловал меня, перед тем как уехать?

— Посмотрите на лицо этого человека, все посмотрите! — резко воскликнул доктор Фелл.

Но выражение, которое он заметил, мгновенно слетело с лица Ника: оно вновь было невозмутимо спокойно. Однако Хью, представив себе, как это лицо выглядывает из-за тюлевой занавески на погружавшуюся во тьму улицу, почувствовал, что не только жажда денег сделала из него тогда убийцу.

— Итак, — продолжал доктор Фелл, — он решил, что все в порядке. Он незаметно вышел из дома и, неуклюже, но твердо ковыляя на костылях, спустился по подъездной дороге. Около гаража он встретил Фрэнка Дорранса, который возвращался от миссис Бэнкрофт. Время — около десяти минут восьмого. Под известным предлогом он заманил Дорранса сюда. Здесь он его и убил.

Доктор Фелл снова глубоко вздохнул.

— Минувшей ночью суперинтендант Хэдли и я обсудили шесть пунктов, на основании которых мы окончательно установили способ, каким было совершено это «чудесное» убийство. Теперь я хочу обсудить их с вами.

Прежде всего вставал вопрос: как Дорранса заманили на теннисный корт? Мы можем предложить вам нечто более убедительное, чем пари. Здесь вы можете нам помочь, мисс Уайт.

— Я? — воскликнула Бренда.

Доктор Фелл бросил на нее быстрый взгляд:

— Фактически вы уже помогли. В воскресенье я задал вам ряд вопросов о ваших привычках, хоть и не уверен, что вы помните свои ответы. Например: вы часто играете здесь в теннис, не так ли?

— Ну… мы стараемся. Но…

— Совершенно верно! Но не так часто, как вам бы хотелось?

— Да.

— Теперь скажите мне, — спокойно продолжал доктор Фелл, — доктор Николас когда-нибудь обещал вам сконструировать теннисный робот? По вашим словам, куклу, которая возвращает ваши подачи, чтобы вы могли играть в одиночку?

Бренда не отрываясь смотрела на него:

— Да, обещал. В субботу я упомянула об этом Хью. Ник повторял свое обещание всю неделю. Он сказал, что, если все получится, она будет в человеческий рост и сможет работать, как настоящий игрок. Фрэнк очень загорелся этой идеей. Он все время торопил Ника, поскольку Фрэнк —

первоклассный теннисист и ему явно не хватало практики.

— Наш друг Ник никогда не делился с вами, каким образом он собирается сконструировать такую куклу?

— Нет.

— Понятно, что нет, — сухо сказал доктор Фелл. — Ничего подобного он сконструировать не мог. Впрочем, ему этого и не требовалось, поскольку он имел репутацию великого изобретателя. Оставалось только убедить Дорранса, что он уже изобрел механизм.

Он встретил Дорранса у калитки. Он сказал Доррансу: «У меня родилась одна идея относительно вашей теннисной куклы, я знаю, как заставить ее работать. Но мне надо сделать точные замеры. Если тебе нужен такой робот, ты должен мне помочь, и помочь прямо сейчас». Ухватился бы Дорранс за это предложение? Думаю, что да.

Он пропустил Дорранса в калитку. Затем спокойно и без шума сделал так, чтобы им никто не помешал. Он вынул из кармана новый висячий замок и запер калитку во избежание неудобных свидетелей. Затем пошел к павильону, — доктор Фелл показал на него рукой, — и вынес оттуда некий предмет, который в тот субботний вечер

пропал.

Поиски этого предмета ни в субботу вечером, ни в воскресенье утром ни к чему не привели. Его там не было; и тем не менее он должен иметься в любом хозяйстве. Мария, как нам известно, пользуется кортом для сушки белья. Нашлась бельевая корзина. В глубине павильона рядом с граблями стояли шесты для веревок. Но куда делась сама бельевая веревка?

Доктор Фелл кивнул Хэдли. Тот открыл чемодан, который принес с собой, и вынул свернутую бельевую веревку. Связка была большой и тяжелой, в ней было не меньше пятидесяти футов длины. На одном конце имелась деревянная ручка для крепления к шесту, но другой конец был растрепан, словно его отрезали ножом.

Доктор Фелл даже не взглянул на веревку.

— А теперь я хочу, чтобы вы внимательно посмотрели на корт. Мы столь часто видим такие корты, что забываем, как они устроены. Как держится эта проволочная ограда? На высоких железных столбах, расположенных на расстоянии примерно десять футов друг от друга и вкопанных глубоко в землю.

В субботу вечером, когда корт осветили прожектора, вы не заметили на нем причудливые

тени? Если сейчас включить свет, мы увидим то же самое. Я человек довольно легкомысленный, и меня это заинтриговало. Весь корт был, как сито, испещрен тенями. Это оттого, что тени от железных столбов с каждой стороны корта — восточной и западной — встречаются в его центре. А раз так, то, значит, столбы по длине корта стоят точно друг против друга. И одна из этих теней пересекала ноги мертвого Фрэнка Дорранса.

У кого-то из присутствующих вырвался громкий сдавленный вздох.

Нет, не у Ника, но глаза Ника медленно обратились в сторону корта.

— Посмотрите еще раз, — сказал доктор Фелл. — А теперь обратите внимание на… хм… поверхность корта. Это не настоящий песок. Нет. Я снова и снова буквально кричал об этом. Если корт мокрый, по нему нельзя пройти, не оставив следов. Но можно, скажем, провести по нему пальцем, и поверхность останется без изменений. Я провел такой эксперимент. Полил участок корта водой и провел по мокрому месту лезвием конька, которое, между прочим, имеет примерно такую же ширину, как бельевая веревка. Повторяю, если бельевая веревка всей длиной упадет на влажную поверхность и ее протянут по ней, как змею,

то никакого следа не останется.

Китти Бэнкрофт не выдержала.

— Что вы говорите? — вскрикнула она. — К чему вы клоните? У меня ужасное, хоть и смутное предчувствие, будто…

Доктор Фелл прервал ее:

— Теперь позвольте на основании фактов отметить положение, в котором были обнаружены три предмета: теннисная ракетка, сетка с мячами и книга под названием «Сто способов стать идеальным мужем». Относительно того, лежали ли эти предметы на траве за оградой корта во время убийства, было много споров. Но не в том дело! Мисс Уайт и мистер Роуленд говорят, что их там не было, лишь потому, что не помнят, видели их или нет. Да и почему они должны были их видеть? В то время они помнили, что видели эти предметы несколько позже; их ярко освещали прожектора огромной силы, отчего ракетка, мячи и книга приобрели совсем другой цвет. Это совсем не то, что видеть их в полутьме под проволочной оградой, да еще в небольшой ямке.

Нет. Повторяю, самое главное — их местоположение. Предположим, что, придя сюда, Дорранс нес их с собой. Что он, скорее всего, сделал? Смотрите! Прежде чем выйти на мокрый песок, он

ступил на полоску травы шириной в фут перед самой оградой. Он идет по ней с этими предметами в руках. Останавливается. Опускает предметы — куда? Как вам в субботу показал Хэдли, на траву около одного из железных столбов.

Но что он делает после того, как прошел по траве и положил ракетку и все остальное около столба? Входит на корт прямо с этого места? Вовсе нет. По полоске травы возвращается к проволочной двери. Лишь после этого он входит в проволочную дверь, ступает на мокрый песок и идет через корт, немного петляя.

Куда? К середине корта. А куда еще? К тому месту, где он падает, и его голова оказывается в десяти футах от сетки, а ноги — в пятнадцати футах… он лежит, вытянувшись вдоль центральной линии, словно он играл в теннис.

Доктор Николас Янг, убийца, сказал ему: «Я покажу тебе, как работает мой теннисный робот. Но мне нужны точные замеры. И поскольку я провести их не в состоянии, то это сделаешь ты. Просто следуй моим указаниям».

Теперь смотрите, как выглядит вся сцена! Доктор Николас протягивает Доррансу моток веревки. По указанию Ника Дорранс идет вдоль травяной полосы к указанному ему железному

столбу. Здесь, на указанной высоте, — фактически примерно на высоте своей шеи — Дорранс крепко привязывает к столбу конец бельевой веревки. Затем берет моток веревки и по указанию Ника бросает его на середину корта. Не желая пачкать туфли больше, чем необходимо, Дорранс возвращается к проволочной двери и оттуда входит на корт.

Оба от души развлекаются. Ведь так весело намечать линии, на которых предстоит работать роботу. В центре корта Дорранс подбирает моток веревки. Он бросает его дальше, в сторону западной стены, где за оградой ждет Ник. Тот, просунув руку под ограду, достает конец веревки. Затем поднимает его к железному столбу.

Они уже соорудили нечто вроде канатной дороги, которая тянется через весь корт. «Это канат, — думает Дорранс, — на котором будет висеть и передвигаться теннисный робот». Веревка протянута на высоте его шеи. Дорранс понятия не имеет, что он должен делать. Но он в восторге. Все идет хорошо. Куклу старый Ник сделает по его подобию. Изобретательность старого Ника не подведет. Вспомните: Дорранс находился наедине с тем единственным в мире человеком, которому доверял.

И старый Ник говорит ему: «Замеры вроде бы сделаны правильно. Остается определить размер шеи куклы».

Пока это еще шутка. Дорранс держит веревку так, чтобы она не провисала. Он сыграет роль куклы. «Я хочу, — говорит Ник, — натянуть веревку. Но не хочу, чтобы ты натер себе шею. На тебе плотный мягкий шарф шириной в полтора дюйма. Стяни его потуже, но так, чтобы тебе не было неудобно, и продень в него веревку». Дорранс подчиняется. Стоя лицом к сетке, он правой рукой берет нужный конец веревки, поднимает его над головой, оборачивает вокруг шеи, туго натягивает левый конец веревки и продевает узел в шарф.

Вы тоже могли бы так сделать. Любой из вас. Вы могли бы убедить жену, мужа или близкого друга шагнуть в ту же ловушку, и у них не возникло бы ни малейшего подозрения. Корень успеха в том, что жертва видит улыбающееся лицо. Семейная сцена? Уютный корт? Маленький эксперимент с целью проверить, сработает ли обратный ход? Не советую вам даже пробовать. Но думаю, что вы бы обнаружили: это работает.

У Николаса Янга на редкость сильные руки и пальцы — с этим согласится всякий, кто ви-

дел, как он управляется со своим инвалидным креслом на колесах. У него только одна рука, но больше ему и не надо. Шея Фрэнка Дорранса оказалась в петле между двумя столбами. Один конец веревки привязан к железному столбу на противоположной стороне корта. Другой, подобно блоку, подтянут к столбу с другой стороны и дважды закручен на мощной левой руке Ника. Стоя за проволокой, он для опоры прислонился к столбу. Бельевая веревка очень легкая, но и очень прочная. Натяжение веревки причинит Доррансу известное неудобство. Внезапный мощный рывок… — Доктор Фелл простер руку вперед.

— Остановитесь, сэр, — попросил Хью. Он опасался, что Бренде станет плохо. Она вся дрожала, и Хью обнял ее за талию.

— Нет, подождите! — воскликнула Бренда, оборачиваясь к Феллу, словно ее пронзило страшное воспоминание. — Распущенный узел шарфа — он был всего лишь обернут вокруг шеи. Узел был распущен, когда я нашла Фрэнка.

— Спокойно.

— Как вы не понимаете, — настаивала Бренда. — Веревка стянула шарф на шее Фрэнка, словно чьи-то руки задушили его. Но она не могла стянуть распущенные концы шарфа. Именно

это показалось мне очень странным, когда я его нашла. Я вам говорила.

Доктор Фелл значительно кивнул:

— Говорили, мисс Уайт. Говорили мистеру Роуленду. А он, в свою очередь, сообщил нам с ваших слов. Это, и только это натолкнуло нас на мысль о некоем трюке с шарфом. И стоило нам обратить на него внимание, как секрет перестал быть секретом. Мы неизбежно вернулись назад, делая все те шаги, о которых я только что рассказал.

Никому не хотелось бы задерживаться на отвратительных подробностях этой сцены. Но для ясности вы должны узнать некоторые детали. Фрэнк Дорранс, как то и планировалось, был повешен. Есть одно движение, которое делает повешенный: он дергает ногами. Если ноги не связаны, они описывают широкие круги — заметьте, круги — и каблуками роют землю. Дорранс крутился на этой дьявольской веревке, описывая все более широкие круги. Он собственными ногами взрыхлил песок вокруг своего тела; несколько позднее мисс Уайт прибавила свои следы. И его собственные ногти порвали шарф, который убийца затянул вокруг его шеи.

Вскоре это кончилось. Все дело от захода на

корт до убийства заняло десять минут. Наш достойный Ник стоял в сгущающихся сумерках; его труды с успехом завершились. Он прислушался. Бросил на землю свой конец веревки. Заковылял на другую сторону корта.

Там он обрезал веревку, которой Дорранс обвязал железный столб. Он пользовался складным ножом, который всегда держит при себе и который, как мне говорили те, кто видел, как он одной рукой разрезал яблоко, он может открыть зубами. Затем он стал быстро скручивать веревку. Вы помните, что тело Дорранса переворачивалось — переворачивалось несколько раз. Тело еще один раз перевернулось, когда Ник принялся снимать с шеи веревку. Не стоило, конечно, опасаться, что шарф съедет. При удушении он обычно врезается глубоко в шею. Убийца смотал веревку в моток самого невинного вида и отнес в павильон. Подобрал отрезанный кусок. Он допустил лишь одну настоящую ошибку.

Заметьте, наш друг вовсе не намеревался совершить «чудесное» убийство. Он хотел одного — оставить труп задушенного человека, убийство которого никак не могло быть делом рук Николаса Янга. Если бы он выбрал сухую погоду, мы, возможно, никогда не разгадали бы эту загадку.

Но он не мог ждать; ему нужно было выбрать самый эффектный момент. Ему и в голову не пришло, что на мокром корте могут остаться следы, опознаваемые следы. Но, начав работу, он уже не мог остановиться: было слишком поздно.

Он вернулся в свой кабинет около двадцати минут восьмого. Он был эмоционально и физически измотан, но душа его ликовала. Он упал на диван и мирно заснул, хоть я и не удивился бы, услышав, что ему снились страшные сны и что, когда его разбудили, боль, как следствие нагрузки, которой он подверг свои заживающие кости, жгла его адским огнем.

Мария, близкая к истерике, разбудила его без двадцати восемь вечера. Актерские способности не изменяли ему до тех пор, пока он не услышал от Марии, что в западню попала Бренда Уайт. Тогда он перестал играть, маска слетает, и он превращается в безумца. Он был безумцем, когда несколько позднее разговаривал с Хэдли. Он был безумцем, когда пытался любой ценой, вопреки элементарному здравому смыслу, свалить убийство на Хью Роуленда. Но видите ли, тогда он считал это совершенно необходимым. Он стал свидетелем некоей любовной сцены, имевшей место за воротами его дома, и пришел

к выводу, что Хью угрожает осуществлению всех его планов.

Он был безумцем, когда, стараясь поддержать репутацию добродушного, сострадательного старого Ника, послал Мэдж Стерджес «скромный чек». В субботу днем (помните?) он получил от Хэдли ее адрес и обещал послать чек. Здесь он совершенно попал впросак: нельзя посылать чек, зная, что ваш счет исчерпан и банк не выдаст по нему деньги.

— Не выдаст, уж что верно, то верно, — заговорила бледная от ярости Мэдж Стерджес. — Я уже сказала миссис Бэнкрофт, что не такие уж они важные персоны! Они…

— И опять-таки он был самым что ни на есть безумцем, — заключил доктор Фелл, — когда так необдуманно и бессмысленно вчера в мюзик-холле «Орфеум» застрелил Артура Чендлера.

Здесь даже Хью запротестовал:

— Сэр, он не мог этого сделать! Мы ведь вчера слышали. Никто из посторонних не входил в театр и не выходил из него.

На что Хэдли ответил:

— Разве вы никогда не слышали о двух клоунах: Шлоссере и Визле?

— Я слышала, — выпалила Мэдж. — Всякий ду-

рак знает, что уже несколько лет они болтают об одном и том же. Вчера они были на генеральной репетиции. Шлоссер изображает полковника на костылях и с перевязанной ногой: подагра, видите ли.

Хью словно прозрел:

— Подождите! Я вспоминаю, что видел…

— Это целая история, — хмуро проговорил Хэдли. — Сегодня, разобравшись с «чудесами», мы и ее прояснили. Хмурым, промозглым днем два человека, стоявшие на противоположной стороне улицы, поклялись, что не видели ни одного постороннего, который выходил бы из мюзик-холла. Им показалось, будто они видели, как из театра вышел его старожил Шлоссер и свернул за угол, к пабу, чтобы перекусить перед закрытием. Было четверть третьего. На самом деле они видели совсем другое.

Он сделал шаг вперед.

— Таково, доктор Янг, краткое описание дела, которое будет слушаться в суде. Мы сообщили вам все. Вы все выслушали, как и мы. Кроме того, показания свидетелей дают нам полное основание, чтобы их вызвать в суд. Желаете сделать какое-нибудь заявление?

На теннисном корте почти стемнело. Тополя

легкими тенями вырисовывались на фоне неба; шмель улетел с наступлением темноты. Но кто-то включил прожектора, и мертвенное, синеватое сияние залило все углы. На корт упали тени, и две из них встретились в центре, у края круга, где недавно лежало тело Фрэнка Дорранса.

Ник бросил беглый взгляд и резко откинул голову. Его лицо приобрело синюшный оттенок, вроде скисшего молока; он тяжело дышал.

— Шайка грязных лжецов! — проговорил он сквозь зубы. — Ополчились на меня. Но ты ведь этому не веришь, Бренда?

— Боюсь, что верю, — сказала Бренда.

— Тогда проваливай ко всем чертям! — взревел Ник. — Ради маленькой дряни, которая…

— Спокойно! — сказал Хэдли, пока Ник заканчивал фразу, от которой даже Китти немного побледнела. Такая откровенная, холодная непристойность не могла не вызвать отвращения. — Этого, мой друг, мы не потерпим. Если вы склонны говорить, то мы выслушаем ваши показания. Например, было ли вам известно, какими уликами против вас располагал Чендлер?

— Попробуйте заставить меня говорить.

— Вы знали, — продолжал Хэдли, — что он тогда находился в павильоне. Вы, как и все мы,

догадались об этом: оставленная в павильоне газета в семь часов лежала там, а в семь часов двадцать минут исчезла. Вы решили, что Чендлер слишком много знает. Вы заставили Марию позвонить ему — она и есть та женщина, которая в воскресенье справлялась о нем по телефону, — и выяснили, где он находится. И вы застрелили его. Это соответствует истине или нет?

— Хью, уйдем отсюда, — задыхаясь, попросила Бренда.

— Вот-вот, — сказал Ник, — уведи ее отсюда. Я не могу видеть лживую шлюху, которая предает своего старого опекуна и верит грязным россказням, тогда как я невиновен и вся ваша гнусная шайка не может доказать обратное. Вы абсолютно уверены в своей правоте, да? Ник сделал то, Ник сделал это. — он подчеркнуто карикатурно покачал головой. — а на самом деле вы только берете меня на пушку. Будь у меня целы ноги и руки, я бы всех вас вывел на чистую воду. Откуда вам известно, что это сделал я? Полагаю, вы можете предъявить мой портрет в золоченой раме?

Хэдли открыл портфель.

— Не то чтобы в золоченой раме, — сказал он, — но снимки все увеличены. Возможно, вам будет небезынтересно взглянуть на восемь фотогра-

фий, показывающих, как вы убиваете Дорранса. Чендлер сделал их под разными углами на восточной стороне корта; вот на этой мы видим ваше лицо, когда вы повернулись к объективу…

Он прервался. Казалось, глаза Ника целиком ушли в глазницы. Он резко выпрямился и едва не выскочил из своего кресла. Он поднял костыль и с такой силой обрушил его на голову Хэдли, что, прежде чем его обезоружили, едва не сломал суперинтенданту руку, которой тот пытался защититься. Когда Ника уводили, он горько оплакивал свою печальную судьбу.

Постскриптум

В добрых старомодных романах, которые читали наши отцы, в конце повествования не оставалось никаких сомнений относительно дальнейшей судьбы героев. Автор всегда добросовестно досказывал историю всех действующих лиц, вплоть до третьестепенных персонажей, которых не запомнил бы ни один читатель. Не могло также и речи быть о том, чтобы добро осталось невознагражденным, а зло ненаказанным. Отмечалось, что верный слуга, который подавал лошадей, теперь держит процветающий трактир. Если какой-то злодей появлялся на двух страницах шестой главы, с тем чтобы в упор выстрелить в героя, то впоследствии этот мерзавец падал с Хаммерсмитского моста или каким-либо иным способом благополучно отправлялся в мир иной.

Нынче такая практика признана антихудожественной или, по меньшей мере, сопряженной с излишним трудом. Большинство историй заканчивается на полуслове, многоточием — дабы, как кто-то заметил, показать, что жизнь продолжается. Но иногда бывает — как, надо признаться, и

в этом случае, — что автор очень привязывается к своим героям. И если величайший из ныне живущих драматургов может поступить так, в конце пьесы недвусмысленно показав, как в дальнейшем проявит себя каждый из его персонажей, и облить презрением невежд, берущих под сомнение их дальнейшую судьбу, то подобную практику можно распространить и на эту ничем не примечательную хронику.

Так вот, почти через год после описанных происшествий состоялась свадьба Бренды Уайт и Хью Роуленда. Некоторые из предшествовавших ей событий связаны с неприятными воспоминаниями, например хмурое ноябрьское утро, когда Ник встретил свой конец. Ник всех удивил, признав себя виновным, хотя его адвокатом выступал сэр Эдвард Гордон-Бейтс, вследствие чего процесс вызвал относительно небольшой интерес.

Да и домашние неурядицы шли своим чередом. Матушка Хью удалилась в частную лечебницу с приступом мигрени. Роуленд-старший сразу отправился убедиться в том, что финансовые дела Бренды в полном порядке, провел в банке два часа, одобрил деятельность управляющего, наставил его в том, что пенс фунт бережет, и на прощанье уверил его жену, что все хорошо, что

хорошо кончается.

И действительно, у Бренды не было более стойкого защитника, чем Роуленд-старший. Из всех присутствовавших на свадебной церемонии он был самой популярной и выдающейся фигурой. Когда Бренда и Хью шли по церковному приделу навстречу общеизвестным тяготам супружеской жизни, его лицо сияло, подобно лампе в тысячу ватт, и во всем соборе Святого Иуды не было цилиндра более гладкого и блестящего. В качестве свадебного подарка он преподнес молодым красивую серебряную сигарницу, полное собрание сочинений Шекспира, оплаченный счет на сумму в сорок шесть фунтов восемнадцать шиллингов и значок Английского клуба лаун-тенниса. Затем состоялся банкет, на котором даже Шеппи изрядно набрался. Роуленд-старший произнес речь, и его партнер, мистер Гардслив, в качестве ее основных достоинств отметил то, что она длилась пятьдесят две минуты и в ней не было ни одного личного наблюдения оратора. Донельзя счастливые и немного охмелевшие молодожены отбыли в Париж; они и по сей день (все это произошло два года назад) умудряются пребывать в том же состоянии безоблачного счастья.

Суперинтендант Хэдли прислал письмо, вы-

ражая сожаление в связи с тем, что не может присутствовать на свадьбе, поскольку в Путни кто-то занимается распространением фальшивых банкнот. Но доктор Фелл там был и говорил почти так же много, как Роуленд-старший. Слуги бились об заклад, что ни одно живое существо не может выпить столько пива; и посыльный из магазина, поставивший на Фелла, сорвал изрядный куш. Китти Бэнкрофт рыдала во время всей церемонии, но потом развеселилась. Поговаривают, что сейчас она часто встречается с одним молодым австралийцем и вообще вполне довольна жизнью.

Бренда до сих пор не притронулась к пятидесяти тысячам фунтов, что является единственной причиной огорчений Роуленда-старшего. Часть этой суммы ушла на оплату долгов Ника и покупку салона красоты для Мэдж Стерджес.

В качестве последнего аккорда можно упомянуть, что только две недели назад Бренда и Хью посетили театр «Орфеум». На афише они с удивлением увидели знакомое имя. Какова бы ни была причина поразительного, поистине магического впечатления, которое Бренда всегда производила на Кларенса Ланнигана, необходимо заметить, что он увидел ее в четвертом ряду партера, узнал

и совершенно обезумел. К невероятному восторгу публики, он станцевал «Цыпленка на подносе», вырвал хлыстом палочку из руки дирижера и изрешетил барабан настоящими пулями. Его экспромт имел такой успех, что, за исключением простреленного барабана, целиком вошел в программу.

Легко представить себе комментарий Роуленда-старшего касательно всего этого дела. Начинался он так: «Злой ветер...» Но до того он уже изрек некую остроту. Получив сообщение о том, что его ванна готова, он произнес замогильным голосом: «Стирка так стирка» — и пришел в такой восторг от собственных слов, что его вполне можно извинить за известное несоответствие его обычной форме.